

АПРЕЛЬ 1977 / № 245 • 50 коп.

АМЕРИКА

Молодое
духом
Пуэрто-
Рико

В НОМЕРЕ

НА ОБЛОЖКЕ:
Пуэрториканская молодежь.
Фото Кристофер Спрингмана.

1-11

**УНИКАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СТАТУС**

Лоренс И. Барретт. Пуэрто-Рико — это остров, где разеваются два государственных флага, где говорят на двух языках, остров, который не хочет полной независимости.

**МЕСТО
ПОД СОЛНЦЕМ**

Ричард Шредер. Остров в Карибском море, где процветают и промышленность и сельское хозяйство.

12

**ВОЗДУШНЫЕ
ТАНЦОРЫ**

В нью-йоркском Гугенхаймовском музее танцевальный ансамбль своей хореографией отдает дань Пикассо.

15

**МТИ: ПОКРОВИТЕЛЬ
ИЗОБРЕТЕНИЙ**
Патриша Сагон. В стенах Массачусетского технологического института зарождаются практические и очень полезные изобретения.

16

**СУББОТНИЕ КУРСЫ
В УНИВЕРСИТЕТЕ
ДЛЯ ОДАРЕННЫХ
ШКОЛЬНИКОВ**
Ричард К. Райн. Все они занимаются в Колумбийском университете, среди них есть столь одаренные ребята, что они прямо из школы поступают в аспирантуру.

22

**АРТУР РУБИНШТЕЙН
В 90 ЛЕТ**
Донал Хенахен. Хотя его зрение и слабеет, но благодаря замечательной памяти он продолжает выступать.

26

**ФИРМЕННОЕ БЛЮДО
ПЛЮС ВЕСЕЛЬЕ**
Итальянская пицца под звуки джаза и в сопровождении старых фильмов...

28

**В КРУПНОМ ДЕЛЕ
ЗНАЮТ СВОЕ ДЕЛО**
Эллиот Бернстайн. Как молодая женщина справляется с трудной работой.

31

ПАРАД ЗОНТИКОВ
Зонтики выпускают разные: любого цвета, в крапинку, совершенно прозрачные. Порой даже жалко, что не идет дождик.

33

СВЕТ ПРОТИВ НЕДУГА
Патрик Янг.
Псориас, желтуха, пузырчатый лишай — со всем этим врачи надеются успешно бороться с помощью света и лазера.

34

**ЯРМАРКА
НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ
ВО ФРЕДЕРИКЕ**
На ярмарке слышится музыка, пахнет ветчиной и свежеиспеченными пирогами, а главное — здесь продаются изделия умелцев — от кожаных поясов до фаготов.

38

**АМЕРИКАНСКОЕ
КУСТАРНОЕ
ИСКУССТВО**
В Вашингтонской галерее «Ренуик» экспонируются изделия американских мастеров — начиная от часов и кончая чайниками.

42

ВЕСЕННЯЯ РЫБАЛКА
Ленард М. Райт.
Об увлекательном занятии — ловле форелей. И о том, как форель приготовлять.

45

**КАТАНИЕ
НА РОЛИКОВЫХ
ДОСКАХ**
По улицам несутся подростки, стоящие на доске с широкими пластиковыми колесиками. Родина этого спорта — Калифорния, но увлечься им может каждый.

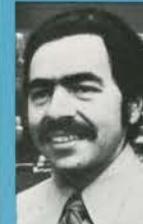
48

**РОБЕРТ ФРОСТ
И НОВАЯ АНГЛИЯ**
Поэт Арчибалд Маклиш и фотограф Деуитт Джонс анализируют сложные отношения Роберта Фроста с Новой Англией.

55

КАЛЕЙДОСКОП
Что американского в американском искусстве? И о многом другом из культурной жизни страны.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

В этом номере мы помещаем две статьи о Пуэрто-Рико, написанные опытными журналистами, хорошо знающими и любящими этот остров в Карибском море.

Лоренс И. Барретт — автор статьи «Уникальный политический статус» (стр. 1) — возглавляет нью-йоркский отдел журнала «Тайм», в обязанности сотрудников которого входит и репортажи о Пуэрто-Рико. Барретт много раз бывал на острове, интервьюировал бывшего губернатора; в прошлом году он написал для «Тайма» большую статью, в которой разобрал экономическое и политическое положение острова. «Пуэрто-Рико, — пишет он, — замечательно красивый и весьма необычный остров. Его невозможно не полюбить». Барретт родился в Нью-Йорке в 1935 году, законил Нью-Йоркский университет, а затем Высшую школу журналистики при Колумбийском университете. Журналистскую деятельность начал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», работая репортером сначала в Нью-Йорке, а потом в Вашингтоне. С 1965 года работает в журнале «Тайм»; был литературным сотрудником, потом помощником редактора, старшим редактором, а последние два года начальником нью-йоркского отдела. Свободное от работы время он проводит за своим письменным столом (пишет рассказы и критические обзоры, а недавно выпустил роман на злободневную политическую тему «Мэр Нью-Йорка») и на теннисном корте. Увлечение теннисом разделяет и его жена Полетта (директор отдела информации Колумбийского университета) и сыновья (16, 13 и 9 лет).

Автор второй статьи «Место под солнцем» Ричард Шредер прожил в Пуэрто-Рико четыре года; сначала работал в государственном аппарате, затем — в Интерамериканском университете Пуэрто-Рико. За это время он хорошо изучил страну и ее народ и своими впечатлениями поделился в напечатанной на стр. 9 статье. Шредер — соавтор книги «Из Латинской Америки пишут» и эксперт по Латинской Америке и государствам Карибского моря; на эти темы он часто помещает статьи в различных периодических изданиях. Кроме того, сейчас он работает над второй книгой о Латинской Америке. Шредер родился в 1931 году в Ньюарке (штат Нью-Джерси), законил Дартмутский колледж и Высшую школу журналистики при Колумбийском университете, где получил степень магистра. Был он и редактором журнала и постоянным литературным сотрудником газетного синдиката. В течение семи лет Шредер возглавлял виноградный отдел Союза прогресса Организации американских государств. С Латинской Америкой Шредера связывают не только профессиональные, но и личные интересы — его жена Поллиана родом из Гватемалы, его вторая дочка родилась в Пуэрто-Рико и зовут ее Пакита — как и многих пуэрториканок. У Шредера пятеро детей. Поллиана Шредер — концертная певица, учительница музыки и писательница.

Арчибалд Маклиш — поэт, драматург, критик и государственный деятель — тоже связан с Латинской Америкой. Свою первую Путиловскую премию (он лауреат трех Путиловских премий: две — по разделу поэзии, одна — по разделу драмы) он получил в 1931 году за поэму «Конкистадор», в которой рассказывает о завоевании Мексики испанцами. На государственной службе он занимал пост директора Библиотеки Конгресса с 1939 по 1944 год и заместителя Государственного секретаря в 1944-45 гг. Маклишу сейчас 84 года. Свое литературное кредо он изложил в поэме «Арс поэтика»: «Поэзия не должна значить, она должна быть». В своем эссе «Роберт Фрост и Новая Англия» (стр. 48) он отдает литературную дань этому поэту.

RECEIVED
FEB 10 2021

D631 FED DEPOSITORY DOC
DOC DEPT SWEM LIB W & M

ЛОRENС И. БАРРЕТТ

УНИКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Если в Пуэрто-Рико вам придется попасть на большое собрание, будь то политический митинг, бейсбольный матч или открытие новой школы, вы сразу же почувствуете необычность политической системы острова. Сначала вы услышите «Ля Боринкенью», национальный гимн Пуэрто-Рико на слова старой островной баллады, а затем национальный гимн США. Вы увидите два флага, установленных на одном уровне, оба красно-белые-синие, но на флаге Соединенных Штатов 50 звезд, а на пуэрториканском — одна большая звезда.

Эта звезда символизирует весьма необычное политическое явление в жизни США — народ и культуру, сочетающие в себе элементы испанского, карибского и североамериканского. Комплексная природа этого общества проявляется и в большом и в малом. Официальный и наиболее распространенный язык здесь — испанский, но в школах также преподается английский, и многие пуэрториканцы хорошо владеют обоими языками. Дети в семьях, проживших несколько лет на американском континенте, после возвращения домой часто должны брать уроки испанского языка.

В служебное время некоторые официальные лица в учреждениях, а также служащие магазинов, отелей, ресторанов и т. д. носят костюмы с галстуками,

как, скажем, их коллеги в Нью-Йорке или Вашингтоне. Другие на такой же работе предпочитают ходить в вышитой сорочке с открытым воротом, которая уже много поколений считается национальной одеждой во многих странах Латинской Америки.

Пуэрториканцы служат во всех родах войск США. За храбрость и мужество, проявленные в четырех войнах, многие были награждены высшими знаками отличия. Несмотря на то, что воинская повинность в Соединенных Штатах отменена, тысячи пуэрториканцев продолжают отбывать военную службу добровольно. Вместе с тем, когда пуэрториканец говорит о своей стране, он имеет в виду не США, а Пуэрто-Рико.

Посетители острова часто выражают удивление, что после 80 лет государственной общности с Соединенными Штатами здесь все еще сохранились сильные сепаратистские настроения. Нужно сказать, что установившиеся на протяжении многих лет политические отношения между материком и островом (или иначе говоря, между США и Пуэрто-Рико) способствовали сохранению национального самосознания острова.

История содружества между США и Пуэрто-Рико началась с бурного события — испано-американской войны 1898 года. Правда, Пуэрто-Рико в этом

конфликте оставалось лишь наблюдателем, но когда отгремели орудийные залпы, хозяином положения в Сан-Хуане оказался не Мадрид, а Вашингтон. Вскоре Конгресс предоставил всем пуэрториканцам американское граж-

Хайме Бенитес, представлявший Пуэрто-Рико в Конгрессе США с 1973 по 1976 год, у резиденции губернатора.

данство и самоуправление в рамках автономии. Приезжающие из Вашингтона военные губернаторы постепенно передавали свои полномочия назначенным местным гражданским представителям, которые управляли совместно с выборным законодательным собранием. После Второй мировой войны, при Президенте Трумане, губернаторов острова начали выбирать сами пуэрториканцы, и первым был избран Луис Муньос Марин.

Марин, который был переизбран еще три раза и в общем прослуживший губернатором острова бессменно 16 лет – с 1949 по 1964, занимает особое место в истории Пуэрто-Рико.

В тридцатые годы Марин был сторонником независимости острова, и в этом он не отличился от других представителей молодой интеллигентии и от большинства политических деятелей Пуэрто-Рико. Но потом он пришел к убеждению, что полное политическое отделение от США оказалось бы губительным для будущего развития острова. Поэтому в программе своей новой политической группировки – Народной – демократической партии – он ориентировался на Демократическую партию США и правительство Президента Франклина Рузельята.

Когда после смерти Рузельята Президентом стал Гарри Труман, этот альянс не только остался в силе, но и помог добиться ряда существенных изменений в статусе Пуэрто-Рико, о которых Муньос мечтал на протяжении долгих лет. 4 июля 1950 года Президент Труман подписал закон, предоставляющий право острову иметь свою собственную Конституцию, проект которой вскоре был одобрен в порялке всенародного референдума подавляющим большинством голосов: 374 000 против 82 000.

Конституция и сопутствующие ей новые законы послужили основой уникального политического статуса острова: сейчас это и не штат и не колония, а сепаратная государственная единица. На материке остров официально является членом Содружества, сами же пуэрториканцы предпочитают называть себя гражданами Свободно присоединившегося государства.

Но дело, конечно, не в терминологии. Гораздо важнее соглашения, достигнутые по ряду более существенных вопросов. Так, например, материк и остров сохраняют общую систему обороны, торговли, валюты, почтовой связи и федерального судопроизводства. В этом отношении остров мало чем отличается от других 50 штатов федерации, но тем не менее некоторые различия есть. Например: Пуэрто-Рико на протяжении 26 лет пользуется статусом автономной политической единицы, связь которой с Соединенными Штатами добровольная. Для того, чтобы достигнутым соглашениям придать силу закона, требовалось одобрение народа. Оно и было получено в результате нескольких последовательных голосований. Существующий статус дает острову три выбора: оставаться в теперешнем положении, стать 51-м

штатом или избрать путь полной независимости. Чтобы изменить статус-кво, требуется всеобщее голосование граждан Пуэрто-Рико.

Эти три точки зрения представлены политическими партиями, и полемика между ними постоянно ведется по радио и телевидению.

Вплоть до выборов 1976 года большинство избирателей высказывалось за статус-кво, то есть за сохранение промежуточного пути между полной интеграцией и отделением. В 1967 году по этому вопросу был проведен плебисцит, и он показал следующие результаты: за содружество высказалось 60,4 процента избирателей, за статус американского штата – 39 процентов, за независимость – менее одного процента. Однако, в будущем возможны перемены: в 1976 году, во время выборов губернатора и законодательных органов, Новая прогрессивная партия, стоящая за штатный статус Пуэрто-Рико, получила большинство голосов и, таким образом, второй раз, за последние 36 лет, сменила правящую Народно-демократическую партию. В связи с этим вполне возможно возобновление кампании за присоединение острова к США на положении штата.

Пуэрториканцы – народ чрезвычайно активный политически. Каждые четыре года, когда приближаются выборы, флаги и плакаты заполняют города, деревни и поселки даже в наиболее отдаленных уголках страны. День выборов считается праздником; устраиваются веселые пикники, маршируют оркестры, улицы забиты народом. Как правило, участие населения в выборах здесь большее, чем на материке – голосует обычно процентов восемидесят, а то и больше.

Для того, чтобы всем фракциям обеспечить возможность высказать свою точку зрения, правительство финансирует группировки, зарегистрировавшиеся как легальные политические партии и выставившие своих кандидатов. Это относится в равной степени ко всем фракциям, включая и те, что ставят целью коренное изменение политического строя острова. Так, например, Пуэрториканская социалистическая партия – марксистская организация, ориентирующаяся на Кубу, недавно решила включиться в предвыборную кампанию (раньше эта небольшая группа предпочитала в выборах не участвовать) и получила правительенную финансовую поддержку. Показательно, что Пуэрто-Рико начало субсидировать предвыборную кампанию на восемь лет раньше, чем Федеральное правительство США, принявшее недавно постановление об ассигновании средств в распоряжение кандидатов в Президенты.

Существуют и другие формы помощи политическим меньшинствам. Например, им гарантируется представительство в законодательном собрании, если какая-нибудь одна партия получает на выборах 60 процентов или больше мандатов.

Законодательное собрание, состоящее из двух палат, играет здесь боль-

шую роль, чем легислатуры в американских штатах, так как у Пуэрто-Рико больше автономии, чем у отдельных штатов. Правительство острова регулирует, к примеру, импорт кофе, что имеет очень важное значение для пуэрториканской экономики, в США же вопросы экспорта-импорта регулирует Федеральное правительство, и они не подлежат рассмотрению штатных легислатур. Некоторые аспекты трудового законодательства острова также отличаются от существующих американских штатных правил.

Муньос и сменившие его губернаторы понимали, что развитие острова требует гораздо большего вмешательства правительства в хозяйственную жизнь страны, в управление общественными предприятиями, чем это имеет место на континенте. Вот почему телефонная связь, электро- и водоснабжение, основные морские пути, по которым идет торговля между островом и материком, находятся в ведении государственных корпораций. (Во всех 50 штатах эти отрасли, как правило, остаются в частных руках.) Необычно и то, что в Пуэрто-Рико правительство контролирует цены на основные предметы широкого потребления. В Положении о содружестве сказано, что островитяне и выбранные ими местные представители вправе сами принимать решения по этим вопросам.

Другие характерные особенности американо-пуэрториканских взаимоотношений проявляются в налоговой системе и в порядке выборов федеральных властей. Хотя каждый пуэрториканец автоматически, по рождению, считается гражданином США, его право участвовать в выборах и его налоговые обязательства зависят от того, где он живет – на острове или в США.

Постоянный житель острова – пуэрториканец по рождению или американец с материка, решивший поселиться на острове, – не имеет права участвовать в выборах Президента США. У островитян нет также полного представительства в Конгрессе; они лишь выбирают специального уполномоченного, который, хотя и является членом Конгресса, присутствует на заседаниях и принимает участие в обсуждении законопроектов, но не имеет права голоса.

Вместе с тем, пуэрториканец, переславший на материк, может выбирать и быть избранным в любых выборах. В настоящее время в континентальных штатах проживает более полутора миллионов пуэрториканцев первого и второго поколений. Они, естественно, голосуют, участвуют в политической жизни США и занимают на материке самые различные посты – как выборные, так и по назначению. Например, конгрессмен от Нью-Йорка пуэрториканец Герман Бадилло – известный политический деятель Америки; в 1973 году он выставил свою кандидатуру на выборах мэра города Нью-Йорка.

От федеральных налогов освобождены не только все жители острова, но и его торгово-промышленные компании. Даже федеральный налог, которым облагается вывозимый на мате-

Достопримечательность Сан-Хуана – крепость

1976 г.
**ПУЭРТОРИКАНЦЫ
ОТДАЛИ
БОЛЬШИНСТВО
ГОЛОСОВ НОВОЙ
ПРОГРЕССИВНОЙ
ПАРТИИ,
СТОЯЩЕЙ ЗА
ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ОСТРОВА К США
В КАЧЕСТВЕ ШТАТА**

Эль-Морро — возвышается на западной оконечности полуострова, образующего сан-хуанскую гавань. Крепость была построена в XVI столетии испанцами.

рик пурториканский ром, и тот в конечном счете попадает в казначейство Содружества. (Разумеется, пурториканцы платят местные налоги — так же как и жители всех 50 штатов.) Если же пурториканец переезжает на материк, он подлежит такому же федеральному налогообложению, как и все жители Соединенных Штатов.

Освобождение от федеральных налогов помогло развернуть хозяйственное строительство на острове; это стимулировало предпринимателей открывать предприятия в Пуэрто-Рико.

Пурториканцы начали прибывать на материк небольшими группами около ста лет назад, когда островом владела еще Испания. К концу 1940-х годов, когда воздушное сообщение стало дешевле и удобнее, миграция резко увеличилась. Но она носит своеобразный характер, напоминающий морские приливы и отливы. Поскольку проезд не связан с паспортными формальностями, десятки тысяч пурториканцев ежегодно переезжают туда и обратно.

Сыновья и дочери высоко оплачиваемых специалистов, а также дети

бизнесменов, как правило, приезжают в США учиться. Большинство политических лидеров Пуэрто-Рико, не исключая марксистов, учились в университетах США; многие из них затем окончили аспирантуру в местных вузах.

По мере того, как путешествия и переезды становятся все более обычным делом, перед пурториканцами открываются новые возможности, и они не зависят ни от общественного положения, ни от местожительства. Семья Мануэля Касиано много лет назад переехала в Нью-Йорк, где Мануэль получил образование и стал преуспевающим предпринимателем. В конце 1960-х годов тогдашний губернатор Пуэрто-Рико пригласил Касиано приехать на остров и возглавить пурториканский Комитет промышленного строительства. Касиано принял предложение и тотчас же записался на курсы, чтобы восстановить утраченную беглость в испанском языке. Когда срок его договора истек, он решил остаться на острове, где он и проживает сейчас со своей семьей.

Таких примеров много. Мигель Диас

Тирадо был постоянным жителем Нью-Йорка и успешным бизнесменом. Свою карьеру на материке он начал чернорабочим, а затем вместе с братьями открыл целый ряд магазинов верхнего платья. Но все 22 года, которые он провел в Нью-Йорке, он поддерживал связь с родными, живущими в районе Гуаямы, шумного 40-тысячного города на южном побережье острова.

«Я на Нью-Йорк жаловаться никак не могу, — говорит он, — тут родились и трое моих детей. Все же меня тянет на остров, там я провел счастливые детские годы и там до сих пор живут мои родители. Поэтому я решил вернуться и попытать там счастья».

И счастье от Диаса не отвернулось. В Пуэрто-Рико жена родила ему еще двоих детей, а он был избран мэром Гуаямы. Зарабатывает он, правда, меньше, чем в своих нью-йоркских магазинах, но пурториканский климат ему нравится больше, чем нью-йоркский.

Нельсон Ортис, который родился и вырос в городе Анаско на западной оконечности острова, пошел добровольцем в американскую армию, пото-

му что ему хотелось повидать свет и потому что бывшие военнослужащие пользуются разными привилегиями, в частности, при оплате обучения в вузах. Когда он в этом году вернулся домой, он снова пошел в свой колледж и сейчас изучает социологию. Каково его будущее?

«Я еще не решил, — говорит он. — Родственники мои в Чикаго, родители живут в Анаско, у меня есть друзья в Сан-Хуане. Может быть, поеду в Чикаго. Почему бы нет?»

У Пуэрто-Рико, так же как у Нельсона Ортиса, есть немало возможностей, и оно может выбрать любую. Остров может отделяться от американской системы или, наоборот, прочнее войти в нее — так же, как житель Сан-Хуана может выбрать ночной ресторан, где поют и шутят только по-испански, или пойти развлекаться туда, где звучит английская речь. По всей вероятности островитяне и в дальнейшем будут пользоваться благами обеих стран.

«Почему бы нет?» — спрашивают они, как Ортис.

АДЫ ХОРОШО
ПОДГОТОВЛЕННЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ
ДАЛИ
ВОЗМОЖНОСТЬ
РАСШИРИТЬ
ТРАДИЦИОННУЮ
ТУРИСТСКО-
АГРАРНУЮ
ЭКОНОМИКУ
ПУЭРТО-РИКО
ЗА СЧЕТ
ТОРГОВЛИ
И ЛЕГКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. Выпускники университета Пуэрто-Рико поздравляют друг друга с успешным окончанием занятий.
2. В небоскребах Сан-Хуана находится крупнейший финансовый центр государства Карибского моря.
3. При сборке мелких и пресцизационных узлов фотографических аппаратов высококвалифицированные рабочие пользуются микроскопами.
4. Современные отели, многоэтажные квартиренные дома и конторские здания выделяются на фоне Старого Сан-Хуана (на заднем плане), сохранившего очарование маленького городка, основанного первыми поселенцами более 400 лет тому назад.
5. Главный предмет экспортта Пуэрто-Рико, знаменитый ром «Бакарди», на пути к отправке.

СПАНСКОЕ
КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
И ЛАСКОВОЕ
КАРИБСКОЕ
СОЛНЦЕ
СОЗДАЛИ
В ПУЭРТО-РИКО
СТИЛЬ ЖИЗНИ,
ПРИЯТНЫЙ
И ДЛЯ ТУРИСТОВ
И ДЛЯ МЕСТНЫХ
ЖИТЕЛЕЙ

1. Местные музыкальные ансамбли с их своеобразными экзотическими инструментами — неизменная принадлежность всех музыкальных фестивалей.

2. Туристы отдыхают в кафе на открытом воздухе отеля Дорадо-Бич.

3. Внутренний двор старой испанской крепости Эль-Морро в сан-хуанской гавани.

4. Вся территория Старого Сан-Хуана (около пятидесяти кварталов) объявлена исторической зоной...

5. ... но люди продолжают там жить, о чем свидетельствует колоритная толпа школьников и туристов на тротуарах.

РИЧАРД ШРЕДЕР

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Луис Муньос Марин, бывший губернатор и выдающийся общественный деятель Пуэрто-Рико, как-то сказал: «Есть старая поговорка — человек должен делать в жизни три вещи: сажать деревья, писать книги и иметь сыновей. Хотелось бы, чтобы сажали побольше деревьев и писали побольше книг». И это мнение Муньоса разделяют многие лидеры развивающихся стран.

Пуэрто-Рико, маленький, густонаселенный остров в Карибском море (площадь около 9000 кв. км), практически лишенный природных ресурсов, испытывает недостаток полезных земель и полностью зависит от торговли с внешним миром. Острову приходится ввозить 50 процентов пищевых продуктов и всю нефть, по существу являющуюся единственным источником энергии для островитян. Большая часть острова — горная. Живет тут около трех миллионов человек, плотность населения составляет свыше 330 человек на кв. км: одна из самых высоких концентраций населения в мире. И с каждым годом население увеличивается на 35 000 человек — и всех их надо прокормить.

Не типичный ли это пример неразвитой и, может быть, даже безнадежно отсталой страны? На первый взгляд именно так и представляется. Но факты говорят о другом. За последние три десятилетия в Пуэрто-Рико наблюдается бурный рост экономики, особенно ее промышленного сектора. Доход на душу населения (2000 долларов) стал самым высоким в Латинской Америке и районе Карибского моря. Валовой продукт страны перевалил за 7 миллиардов долларов в год при годовом экспорте 3,4 миллиарда долларов. Ежегодно у США пуэрториканцы закупают товаров на сумму 2,5 миллиарда долларов.

С 1940 года остров совершил гигантский скачок: перешел от традиционных форм аграрного общества к новым формам общества индустриального, основанного на торговом и финансовом сотрудничестве с развитыми странами. За эти годы в Пуэрто-Рико было построено свыше 2700 промышленных предприятий — от небольших

фирм по сборке электронной аппаратуры до гигантских нефтеочистительных и нефтехимических комбинатов. Не было забыто и сельское хозяйство: пригодные земли на побережье и высокогорные долины продолжают давать сахарный тростник, табак, кофе, ананасы и другие фрукты, а также продукты животноводства. Однако значение сельского хозяйства уменьшается. В 1950 году 36 процентов работоспособного населения было занято в сельском хозяйстве; с тех пор эта цифра сократилась до семи процентов.

Наряду с промышленностью в экономике Пуэрто-Рико большую роль играет туризм, почти не уступающий по размаху и доходам Гавайским островам и Мексике. В 1974 году на острове побывало около полутора миллионов туристов, истративших 360 миллионов долларов в приморских отелях, казино, ресторанах и магазинах пуэрториканской столицы Сан-Хуан и других туристических центров. Да это и не удивительно. Здесь ждут туристов широкие белые пляжи, чистая прозрачная вода, покрытые лесом горы и мягкий тропический климат с легким карibbeanским ветерком. Большой популярностью у туристов пользуется серповидный пляж Люкильо, окаймленный кокосовыми пальмами, и горы Эль-Юнк, склоны которых покрыты пышными тропическими лесами с экзотическими орхидеями и гигантскими папоротниками высотой больше шести метров. Когда-то в этих краях побывал французский поэт Теофиль Готье: он был очарован природой острова и назвал его «жемчужиной морей».

Но своим расцветом Пуэрто-Рико обязано не экзотическому пейзажу, хотя, слов нет, он и привлекает тысячи туристов. Экономическое чудо в современном Пуэрто-Рико скорее результат дальновидности его лидеров, которые в течение последней четверти столетия сумели наладить уникальные политico-экономические взаимоотношения с Соединенными Штатами.

Экономический расцвет Пуэрто-Рико — всецело заслуга самого пуэрториканского народа, создавшего современное индустриальное общество с высо-

ким уровнем жизни и выработавшего статут содружества, который, правда, по мнению сторонних обозревателей, содержит некоторые противоречия. Луис Муньос Марин в бытность свою губернатором острова пытался объяснить посетившему его английскому журналисту, как Пуэрто-Рико сумело сохранить самоуправление и в то же время оставаться частью Соединенных Штатов. Озадаченный британец спросил: «Прекрасно, господин губернатор, но как Вы думаете, когда Пуэрто-Рико станет экономически независимым от Соединенных Штатов?» На это последовал более чем неожиданный ответ Муньоса: «Примерно в то же время, что и Англия».

Пуэрториканцы, впрочем, давно привыкли к двойственности своего положения. Оно характерно для всей богатой истории их родины. Даже само название Пуэрто-Рико — результат ошибки древнего картографа. Христофор Колумб открыл этот остров во время своей второй экспедиции к берегам Нового Света и назвал его островом Сан-Хуан Баутиста, что означает «Остров Святого Иоанна Крестителя». Терпешняя столица Сан-Хуан, основанная несколько десятков лет спустя, раньше называлась Пуэрто-Рико, то есть «богатый порт». На какой-то старинной карте эти два названия перепутали, и с тех пор «Богатым портом» стал называться остров, а Сан-Хуан остался названием города.

В те отдаленные времена было по существу два Пуэрто-Рико: так назывался и город Сан-Хуан, и вся остальная территория. Испанцев привлекли на остров слухи о богатых золотых россыпях. Оказалось, что все это были чистые выдумки, но испанцы на острове остались, чтобы укрепить Сан-Хуан и его превосходную гавань, откуда вели морские пути в Колумбию и Панаму. Сан-Хуан, как и другие важные испанские владения,правлялся непосредственно королем и его уполномоченными. Торговля разрешалась только с метрополией. Остров, кроме города Сан-Хуана, по существу был предоставлен самому себе. Жители горных и труднодоступных внутренних райо-

3

ПУЭРТО-
РИКО, ГДЕ ЭКОНО-
МИКА ЗАЛОЖЕНА
НА ЗДОРОВОЙ
ОСНОВЕ, ТРЕБУЮТСЯ
РАБОЧИЕ ВСЕХ
СПЕЦИАЛЮСТЕЙ

нов сами устраивали свою жизнь. Если Сан-Хуан был в какой-то степени частью Испании и испанской культуры, то в полудиких горах и на отдаленном южном побережье люди занимались, главным образом, контрабандой и пиратством и лишь немного земледелием. Легендарный пират Кофреси совершил набеги из Кабо-Рохо на юго-западном выступе острова.

Пуэрто-Рико было относительно покорным владением Испании на протяжении четырехсот лет своего колониального подчинения. В 1898 году в результате испано-американской войны Испания передала остров Соединенным Штатам, а в 1917 году пуэрториканцы стали американскими гражданами. Затем последовали два тяжелых для Пуэрто-Рико десятилетия — на острове свирепствовали ураганы, опустошившие его поля, всемирная депрессия вызвала экономический хаос. В тридцатые годы остров прозвали «Нищенским домом Карибского моря».

В начале 1940-х годов небольшая группа пуэрториканских деятелей во главе с Луисом Муньосом Марином, сыном славного пуэрториканского патриота Луиса Муньоса Ривера, начала поиски путей выхода из бедственного положения, в котором оказался остров. В молодости Муньос был убежденным сторонником борьбы за независимость, но потом бесконечные споры и пустые разговоры о том, что лучше — независимость или статус американского штата, — несколько охладили его пыл, и он основал новую политическую организацию — Народно-демократическую партию. Статус штата, говорил он, вопрос второстепенный, он лишь отвлекает внимание от действительной проблемы Пуэрто-Рико — нищеты. Для пуэрториканской бедноты самыми живопрепешущими вопросами были «хлеб, земля и свобода». Выступая с такой платформой перед народом, Муньос и народные демократы получили в 1940 году незначительное большинство голосов на выборах в законодательное собрание.

Сейчас Муньосу 79 лет, но он продолжает принимать активное участие в политической жизни страны и, без всякого сомнения, остается крупнейшей личностью в пуэрториканской истории; как руководитель, он, пожалуй, превзошел своего знаменитого отца. Появился он на политической арене, когда казалось, что пуэрториканцы перестали верить в свои силы и возможности. Упаднический дух того времени хорошо выражен в популярной балладе «Ламенто Боринкано», написанной любимым композитором пуэрториканцев Рафаэлем Эрнандесом:

«Боже, что будет с Пуэрто-Рико, моей родной страной?

Что будет с моими детьми и моим домом?»

Муньос вселил надежду в сердца своих сограждан. Он предложил не только конкретную политическую программу, но и план экономического и общественного развития страны. У

Пуэрто-Рико, говорил он, есть огромные, до сих пор не использованные ресурсы — люди. Людей надо обеспечить работой. И он приступил к проведению в жизнь строительства государственных промышленных предприятий — цементного завода, фабрики картонной тары, бутылочного завода, обувной фабрики и других объектов. Когда оказалось, что эти производства не в состоянии обеспечить достаточного количества рабочих мест, Муньос все их продал и перешел к новой экономической стратегии, которая, по его мнению, должна была помочь стране стать на ноги и собственными усилиями ликвидировать свою отсталость. Чтобы привлечь капитал извне, правительство объявило, что готово освободить иностранные компании от налогов и построить для них на свой счет помещения. Идея оказалась жизнеспособной, и экономика свинулась с мертвых точек. К концу 1940-х годов предприятия начали выпускать продукцию. За десять лет между 1940 и 1950 годами доход острова на душу населения вырос с 121 до 297 долларов в год. В следующее десятилетие (1950–1960 гг.) этот доход снова удвоился и достиг 587 долларов в год. К 1970 году он составлял 1400, а в 1975 году — уже 2000 долларов в год.

Последний спад в мировой экономике тяжело отразился на Пуэрто-Рико. В 1975 году, после 15 лет непрерывного роста, составившего в среднем 10 процентов в год, кривая экономического развития пошла резко вниз; было приостановлено строительство ряда запланированных объектов, в частности, нефтехимического комбината и гигантского порта в открытом море. Сократились доходы от туризма.

Все эти затруднения плюс обострение конкуренции на американском рынке, заваленном товарами из стран, где стоимость рабочей силы ниже, чем в Пуэрто-Рико, стимулировали появление новых идей и выдвижение очередных концепций относительно статуса острова и его будущего.

В действительности постоянные разговоры о статусе острова чаще всего сводятся к дискуссии о пуэрториканской культуре, но не без учета экономического фактора. Искренне любя свою родину, пуэрториканский народ на протяжении веков создавал свою самобытную культуру. Сторонники каждого из вариантов статуса, а их сейчас насчитывается не меньше трех, настаивают на своем плане, считая его самым лучшим для сохранения всего того, что есть ценного и уникального в пуэрториканской культуре. Можно без преувеличения сказать, что все пуэрториканцы, независимо от политических убеждений, бережно относятся к своему национальному культурному наследию и чрезвычайно гордятся многовековой историей своего острова, его богатым искусством, музыкой и литературой.

По мнению посторонних наблюдателей, три четверти века содружества с Соединенными Штатами изменили ха-

рактер острова и его народа — они «американизировались». В 1952 году во время дебатов по вопросу о предоставлении острову статуса штата, один американский конгрессмен спросил: «А говорит еще большинство пуэрториканцев по-испански?» — «Пуэрториканцы всегда говорили и продолжают говорить по-испански», — последовал ответ, — однако теперь половина населения острова может также изъясняться и по-английски». Больше того, испанский язык и привязанность к прошлому живы даже среди второго и третьего поколений пуэрториканцев, родившихся уже в США и живущих на американском материке.

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы развитие индустрии и городского строительства не оказали влияния на традиции и устои острова. Выросшие вокруг Сан-Хуана новые жилые районы, заселенные представителями среднего класса, очень напоминают пригороды крупных индустриальных центров во всем мире; такие же аккуратно подстриженные газоны, обилие автомашин и телевизионных антенн, новейшие бытовые электроприборы в домах. А так же массивные уличные транспортные пробки в часы пик, загрязнение воздуха отработанными газами, преступность, наркотики, то есть все то, что наблюдается в большинстве крупных городов нашей планеты.

Но старая культура и традиции живут в Пуэрто-Рико. Песенки «сол» и «рок-н-ролл» перемежаются на волнах эфира с ритмичной латиноамериканской музыкой. На Фестивале имени Пабло Касалса наряду с Бахом и Бетховеном всегда звучит неизменная «данса», сочинение Хуана Мореля Кампоса или Мануэля Товареса, без которой почти не обходится выступление симфонического оркестра Пуэрто-Рико. Рождество здесь празднуется по-американски, со всеми обрядами, елкой, подарками и т.д., но 6 января, в день Трех волхвов, тысячи пуэрториканских детей выносят на двор горшки сена для «верблюдов волхвов». На каких бы стадионах мира ни выступали сборные Пуэрто-Рико, перед соревнованиями всегда исполняется пуэрториканский национальный гимн «Ля Боринкенья», а политические деятели, независимо от своих убеждений, все знают и любят трогательную патриотическую песенку «Пресиоса» Рафаэля Эрнандеса.

В своей массе пуэрториканцы большие патриоты, горячо принимающие к сердцу будущее своего острова. Потому не удивительно, что разговоры о политическом статусе острова стали неотъемлемой частью быта, и, по всей вероятности, горячие дискуссии будут продолжаться до тех пор, пока не будет принято окончательное решение по этому животрепещущему вопросу. Но какое бы ни было принято решение, оно будет изъявлением воли пуэрториканского народа.

Рабочие нефтехимического комбината «Филлипс Петролеум» в Гуаяме стоят перед кассами в день получки.

ВОЗДУШНЫЕ ТАНЦОРЫ

Фото Марты Суоп

Словно белые лебеди проплывают в воздухе силуэты, то вдруг устремляясь вниз, то грациозно взмывая вверх, то вихрем кружась в пространстве, то неподвижно повисая в высоте... Такого эффекта удалось достичь группе «Невесомых воздушных танцоров» под руководством Стефании Иваницкой. Для этого участники группы располагаются на специальных лесах, установленных на высоте шести метров над сценой.

Молодая балерина начала экспериментировать с 1969 года, когда она и основала группу с целью «воздородить в человеке птицу». Танцами в воздухе она хотела символизировать полет человеческой мысли. «Основной акцент я делала на грациозность танцоров, чтобы создать иллюзию полета птицы», — рассказывает Стефания Иваницкая. Однако спектакль «Дань Пикассо», фрагменты которого показаны на наших фото, стал поворотным пунктом в творчестве Иваницкой. Впервые спектакль «Дань Пикассо» был поставлен в Нью-Йорке в Гугенхаймовском музее. Посвятив изучению наследия Пикассо около двух лет, Иваницкая пришла к выводу, что когда «художник создавал свою картину, в основу ее он брал образы в их реальном состоянии». Поэтому она отказалась от чисто абстрактных элементов в танце. Таким образом «Дань Пикассо» воплощает то, что художник видел за образами своих полотен. В этом направлении Иваницкая решила сделать акцент на два основных элемен-

та: во-первых; на «одновременность», свойственную картинам Пикассо, когда одна и та же деталь подается одновременно в различных планах, и, во-вторых, на «монтаж», когда Пикассо изображает части человеческого тела в самых неестественных комбинациях. Часть первая рассказывает о «любовниках и утопленниках»; в нее включен миф об Икаре, образ которого использовал Пикассо: Икара не удержали сделанные им крылья, и он упал в море. Часть вторая была поставлена на базе полотен Пикассо, изображающих цирковых клоунов.

Танцы в воздухе также ассоциируются с картинами Шагала, Леже, Блейка. Подобно творчеству этих художников, в хореографии воздушного танца освещается тема метаморфозы. Вобщем живопись пользуется особенно большим вниманием в творчестве Иваницкой, которая в свое время изучала живопись в Институте Пратта в Бруклине. Дочь выходцев с Украины, она учились танцу в группе Альвина Николаиса в Нью-Йорке. Чтобы запечатлеть всю красоту воздушного танца, фотограф Суоп использовала дающую многократное изображение призму. С помощью надетой на линзу металлической сеточки удалось получить звезды на фото слева. Хотя группа и считается авангардистской, однако, по мнению критика Барбары Роз, это не совсем так. «Танцоры ее, — говорит она, — создают искусство, доступное даже непосвященной публике, которая воспринимает его драматичность».

Хореограф
Стефания
Иваницкая
с группой
воздушных
танцов на
земле
(внизу) перед
их взлетом
в воздух
для «Дани
Пикассо»

МТИ

Покровитель изобретений

Патриша Сагон

Джекоб Москвиц два года играл на бандже в различных клубах и кафе Орегона, пока, наконец, не решил: ведь наверно есть более легкие способы зарабатывать себе на жизнь.

В 1974 году Москвиц покинул ансамбль «Тэрки-Ран бойс» и вернулся в Массачусетский технологический институт (МТИ), где два года до того получил степень бакалавра физики. В лаборатории МТИ он одновременно работает в двух областях, которые его больше всего интересуют: музыка и физика. Получив от Национального научного фонда 15 000 долларов, он разрабатывает новый вид электрогитары со струнами, тон и громкость которых будут регулироваться индивидуально.

«Самостоятельно я ее не мог бы создать, — говорит молодой изобретатель (ему всего 26 лет), указывая на модель гитары. — В МТИ у меня под рукой вся нужная аппаратура, есть к кому обратиться за помощью, и я не боюсь, что кто-то присвоит мое изобретение». Он надеется заключить лицензионный договор с какой-либо фирмой на производство его гитары. «Иначе буду выполнять индивидуальные заказы разных рок-бандов», — говорит Москвиц.

Много ученых и изобретателей вышло из стен Массачусетского технологического института. Его воспитанники создали синтетический пенициллин, усовершенствовали радиолокатор, изобрели миникомпьютер и электростатический генератор. Вот и сейчас МТИ всячески старается привлечь в свои лаборатории талантливых молодых людей вроде Джекоба Москвица. Получив в 1974 году от Национального научного фонда 1,2 миллиона долларов, институт открыл Новаторский центр, где молодые люди приобретают знания и опыт во всех областях, представляющих интерес для изобретателей — от того, как следует приступить к обдумыванию

изобретения нового продукта, до налаживания его экспериментального производства.

В 1975 году в центре занималось 144 человека — от первокурсников до докторантов. Они слушали «Введение в новаторство», «Предприимчивость и инициатива» и четыре другие дисциплины, составляющие теоретическую часть программы.

Если профессора считают изобретение заслуживающим внимания, как это было в случае гитары Москвица, студент может получить от Национального научного фонда от 500 до 30 000 долларов для теоретических и практических разработок своего изобретения. В случае успеха с какой-нибудь фирмой заключается лицензионный договор на массовое производство, причем авторские гонорары в таком случае делятся между изобретателем и МТИ.

Центр старается поощрять творческую мысль своих студентов как можно раньше, чтобы они не теряли зря времени. Согласно словам одного из преподавателей, 27-летнего инженера-химика Огдена Хаммонда, слишком много потенциальных изобретателей долгие годы работают в какой-нибудь фирме, пока, наконец, не решают, что им следует самостоятельно проводить в жизнь свои новаторские идеи. Как мы знаем, большинство изобретателей были людьми молодыми. «Ведь Томасу Эдисону было 32 года, когда он усовершенствовал лампу накаливания, — говорит Хаммонд, — а Александр Белл в 29 лет изобрел телефон». Недавно Хаммонд запатентовал собственное изобретение: более дешевый способ получения метана из угля.

Хотя многие считают, что изобретателем нужно родиться, Хаммонд убежден, что под опытным руководством чуть ли не каждый технически грамотный человек может стать новатором. Он советует своим студентам побольше читать: от чисто технических статей до статей в энциклопедии. «Мы им советуем: попытайтесь снова из-

обрести колесо, — продолжает Хаммонд. — Если молодой человек может сделать то же самое открытие, что и первоначальный изобретатель, обладая при этом лишь тем же диапазоном знаний, то мы считаем, что он по праву заслуживает поощрения».

Директор центра и профессор аэронавтики и астронавтики Иао Тзу Ли советует своим воспитанникам следующее: «Когда вы видите, что кто-нибудь делает какой-то компонент, поразмыслите: как бы вы могли это сделать еще лучше. Без конца обдумывайте все возможности. Процесс изобретения требует пяти процентов вдохновения и 95 процентов напряженной и упорной работы».

В центре разрабатывается около 40 изобретений, причем некоторыми из них уже заинтересовались предприниматели. Фирма «Моторола» запросила центр об изобретении Джозефа Окора, уроженца Ганы, — электронной игре, которую без труда можно подключить к телевизионной антенне и развлечься ею на экране обычного телевизора. Окор собирается продавать игру по 50 долларов каждую — в два раза дешевле, чем японские электронные игры с экранами, которые нельзя подключать к обычному телевизору.

Хосе Кал-Видэл готовится к защите докторской степени по вопросам питания и технологии пищевых продуктов. В центре он конструирует прототип машины-автомата для очистки бананов. Идея создания такой машины пришла ему в голову, когда он в своей родной Бразилии летом работал на фабрике, где чистка бананов производилась вручную. Кал-Видэл надеется заключить лицензионный договор с какой-нибудь американской фирмой до того, как он вернется на родину.

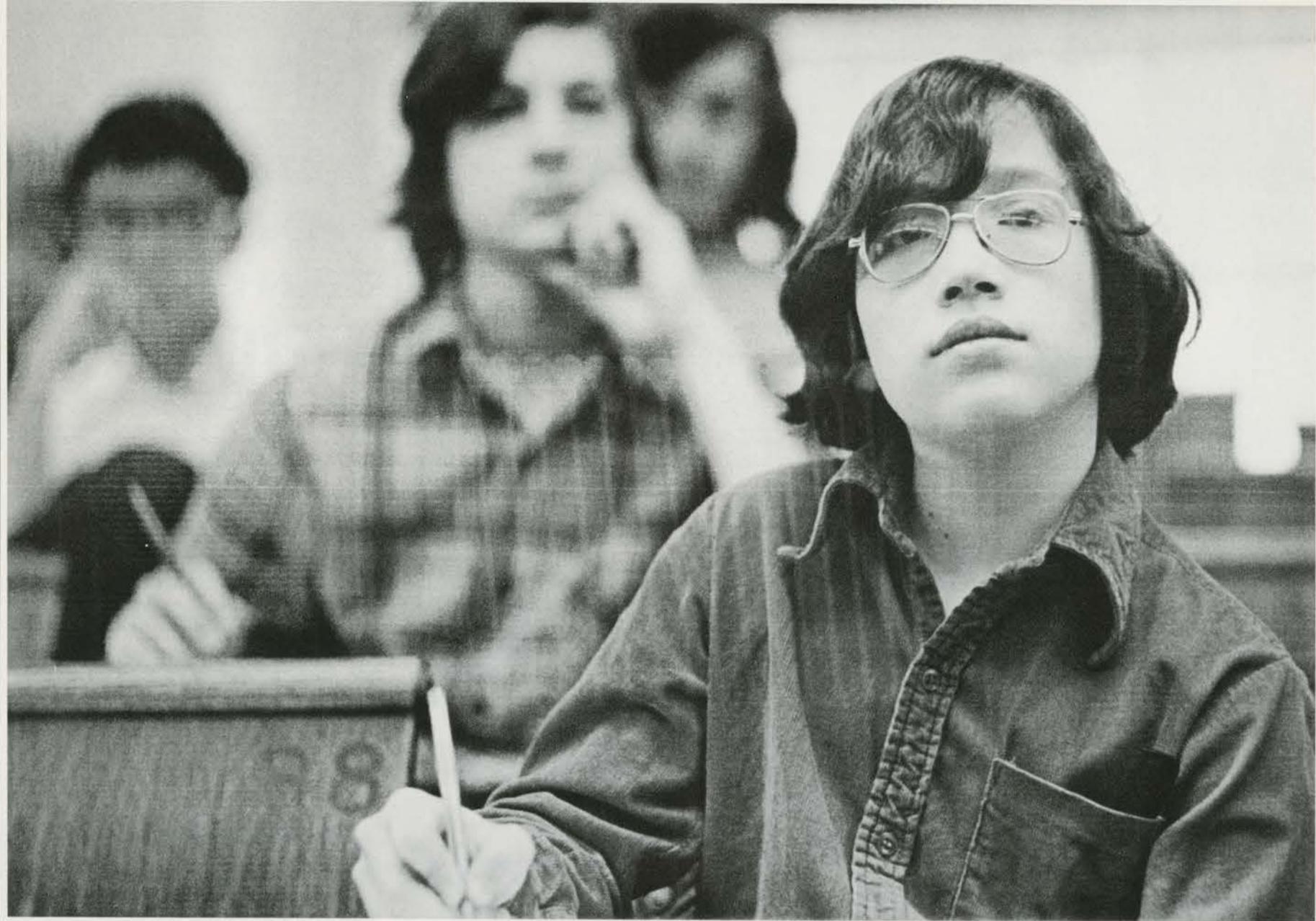
Кал-Видэл с другим студентом центра изобрел компьютеризованную отопительную, воздухоочистительную и охладительную систему, которая позволяет в большом зда-

нии регулировать температуру индивидуально в каждом помещении. Изобретатели считают, что их устройство сократит расход электроэнергии. Они предполагают установить такую систему в экспериментальном порядке в одной из местных фирм.

Другой студент изобрел первый, как он утверждает, поддающийся программированию автоматический проигрыватель дисков, который позволит прослушивать пластинки в любом желаемом порядке. Уверенный в своих силах молодой человек недавно ушел из центра в надежде основать собственную фирму. Иначе, в случае успеха, ему пришлось бы делиться авторскими гонорарами с Массачусетским технологическим институтом.

С целью сохранения научных тайн молодые изобретатели и их профессора избегают огласки. Но в самом центре дело обстоит несколько иначе. «Наши студенты часто делятся своими идеями с коллегами, так как знают, что те их открытиями не воспользуются», — говорит Хаммонд. — В нашем деле доверие — вещь первостепенной важности». Однако с посторонними и студенты и преподаватели отказываются что-либо обсуждать, так как боятся, что кто-нибудь другой получит патент на их изобретение. «Мы не намерены бесплатно снабжать других целями идеями», — говорит один преподаватель Новаторского центра.

Но между собой, как мы уже сказали, студенты ведут себя более откровенно. Так, пять однокурсников совместными усилиями в целях борьбы с мошенничеством разрабатывают систему определения возможной недоброкачественности золотых и серебряных слитков. «Задача перед ними сложная, но пришло время ее решить, — считает Хаммонд. — На такое устройство сейчас существует спрос». Хаммонд всегда поощряет своих воспитанников находить ответы на задачи, которые требуют срочного разрешения. ■

РИЧАРД К. РАЙН
ФОТО ДЖИМА ХАНСЕНА

Субботние Курсы в университете для одаренных школьников

Д

ля большинства американских школьников субботнее утро — это возможность отоспаться. Ведь всю неделю они поздно ложились спать, а вставать приходилось рано, чтобы поспеть в школу. Однако в Колумбийском университете в Нью-Йорке каждую субботу рано утром появляется около трехсот энергичных школьников, готовых грызть гранит науки. Некоторым из них пришлось проделать дальний путь, чуть ли не сто километров, и встать в шесть утра, чтобы не опоздать на лекции.

В Колумбийском университете школьники слушают лекции о таких сложных предметах, как «Элементарные частицы и теория относительности» или «Метаболические основы заболеваний человека». После почти трехчасовых утренних занятий они зачастую остаются в университете, чтобы прослушать дневную лекцию, например: «Пикосекундные лазерные импульсы» или «Эффект магических чисел в органических молекулах». Даже традиционный у американских школьников ежегодный пикник проводится с научным уклоном: студенты

Пятнадцатилетний Майкл Диннерстейн на лекции по астрофизике.

выезжают в Добс-Ферри, к северу от Нью-Йорка, на загородную прогулку, после чего осматривают находящийся неподалеку циклотрон.

Эти школьники не получают зачетов, не сдаают экзаменов, и никто не отмечает их посещаемости. И тем не менее, каждую субботу утром почти все они появляются в университете.

Объясняется этот педагогический феномен просто. Слушатели занимаются на Курсах для отличников по естественным наукам, которые привлекают самых одаренных учащихся старших классов школ Нью-Йорка и прилегающих к нему районов. Благодаря своим способностям, эти учащиеся намного превзошли уровень самых сложных дисциплин, изучаемых в старших классах школы. В Колумбийском университете они слушают лекции у профессоров, которые знакомят их с такими курсами и лабораторными опытами, о которых они, возможно, никогда бы не услыхали в школе, а, может быть, им не пришлось бы узнать даже в высшем учебном заведении.

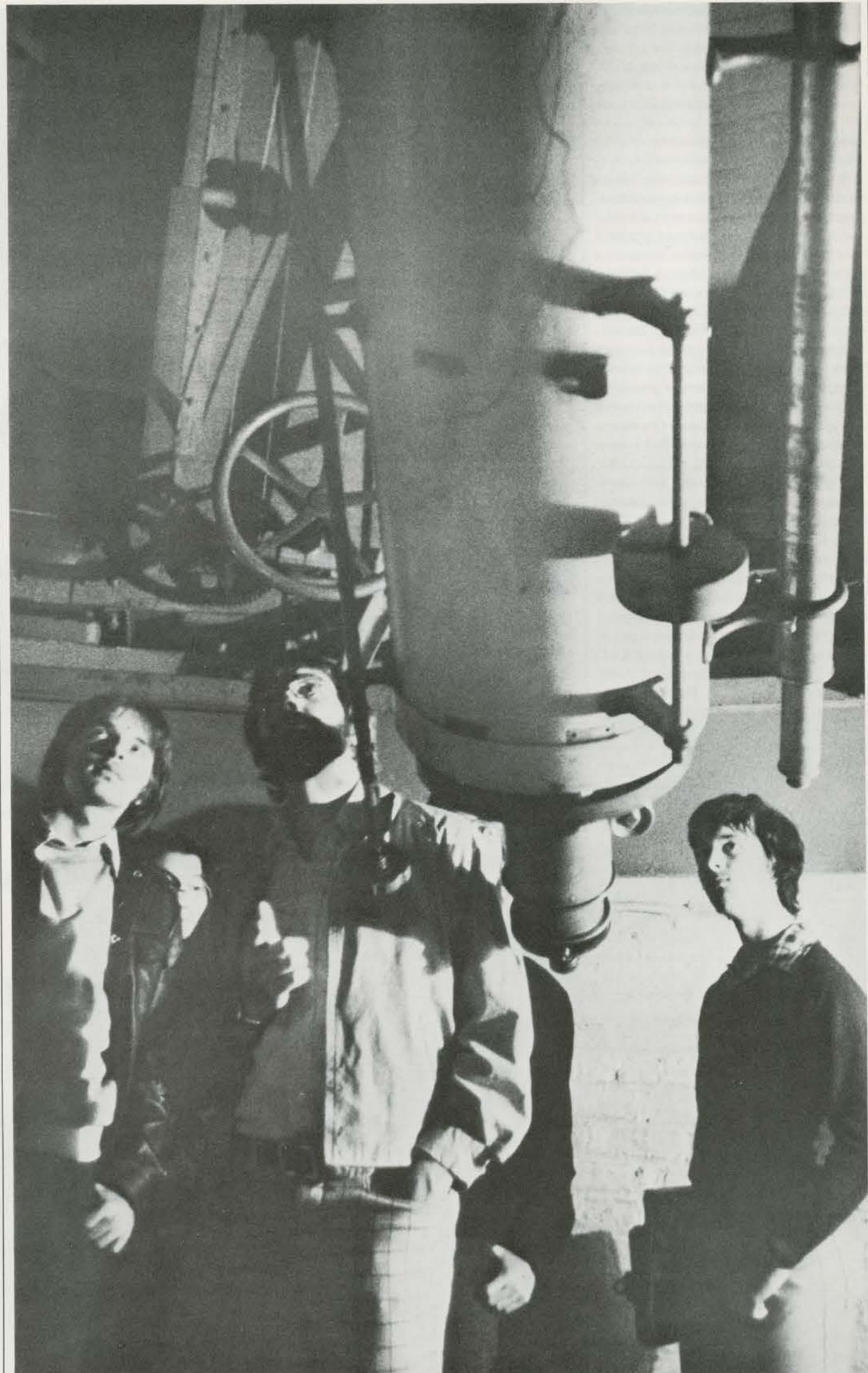
Эти Курсы субсидируются совместно Колумбийским университетом, несколькими крупными корпорациями, а также Национальным научным фондом, правительственный организацией, поощряющей воспитание преподавательских и исследовательских кадров в науке. Курсы в равной степени открыты для всех учащихся, однако число вакантных мест ограничено, и конкурс на них высокий. На курсах обычно обучается одновременно триста школьников, которым разрешается продолжать занятия в течение трех лет, пока они не закончат школу. Каждый год на Курсы принимают сто новых слушателей из семисот желающих, самых лучших учеников своих школ.

Для отбора учащихся на Курсы учрежден вступительный экзамен, включающий 75 вопросов по естественным наукам и 50 вопросов по математике, которые считаются исключительно трудными для школьников. Поступающие должны также написать небольшое сочинение, рассказав о своих интересах и склонностях к науке. Кроме того, учащиеся должны представить рекомендации от преподавателей своей школы. Только некоторые наиболее одаренные учащиеся набирают на экзамене высший балл и зачисляются на курсы. Те, кто не ответил на четыре или пять вопросов, обычно выключаются. Очень многим не удается ответить на два или три вопроса, и их судьба решается на основе содержания сочинений и рекомендаций. Успешно преодолеть эти вступительные барьеры могут только настоящие энтузиасты науки. Уж они-то вряд ли встают поздно в субботнее утро.

Организационным центром всего начинания является всего лишь стол с телефоном в скромном кабинете в одном из научных корпусов Колумбийского университета. Секретарь Курсов работает внештатно и появляется на своем месте только по субботам. По словам секретаря, Уильяма Гренджа, в этом кабинете нет ничего особенного, кроме приходящих к нему школьников.

«Уже заранее известно, что все они дальше будут учиться в колледже, — говорит Грендж. — Некоторые попадают с этих Курсов прямо в аспирантуру, настолько они талантливы. Другие, будучи еще старшеклассниками, печатаются в научных журналах. Некоторые едут в Европу для участия в математических олимпиадах. А кое-кто из них вдруг становится актером или препо-

Поль Свифт (слева) и Скотт Нортон (справа) слушают, как профессор Сэм Палмер, радиоастроном из Института космических исследований в Нью-Йорке, объясняет устройство телескопа. Занятия проводятся в обсерватории Колумбийского университета.

Гэвин Гровер, старшеклассник из Покиши, подготавливает очередной онкологический опыт. Его исследовательской работой руководит профессор Рэй Суит из нью-йоркского Института исследований рака.

давателем. С этими ребятами приучаясь ничему не удивляться».

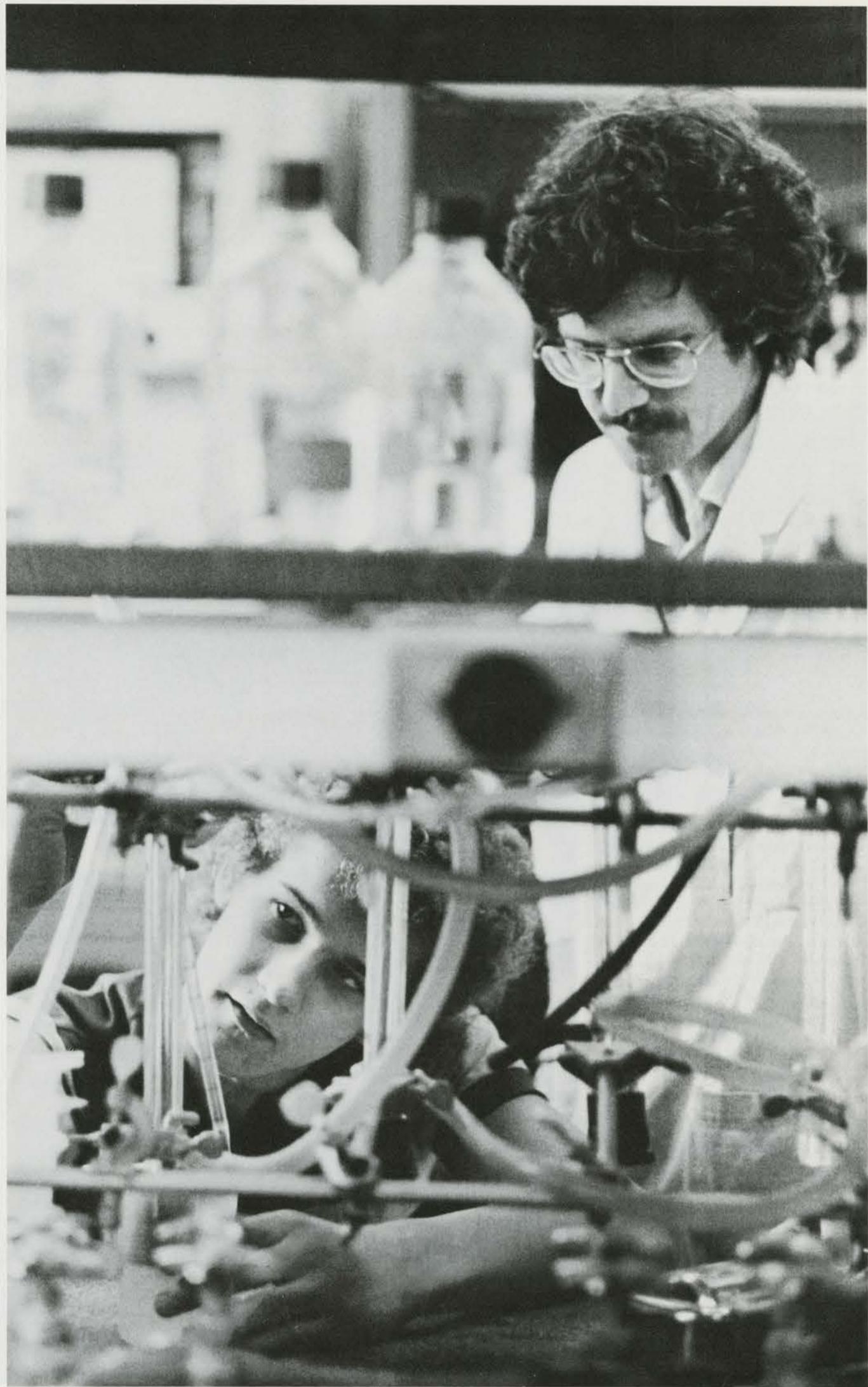
В сегодняшнее субботнее утро одним из посетителей оказался щуплый паренек лет пятнадцати, в очках в металлической оправе, одетый как принято теперь у старшеклассников: джинсы и такая же куртка. Это Майкл Диннерстейн, десятиклассник (в американских школах 12 классов) Стайвесентской средней школы в Нью-Йорке. Диннерстейн спрашивает у Гренджа о летних научных семинарах, которые тоже финансируются Национальным научным фондом и дают учащимся усиленную подготовку во время летних каникул перед последним классом. Хотя Диннерстейн всего лишь десятиклассник, ему разрешили посещать два таких семинара. Он пытается решить, какие ему выбрать.

На Курсах отличников по естественным наукам из десятка читаемых в семестре дисциплин Диннерстейн выбрал курс астрофизики. Он объясняет, что интересуется, в частности, эволюцией галактик. «Я предложил новую гипотезу развития галактик, — говорит он, — как о будничном факте. — Курсы мне очень и очень помогли. Прежде всего, благодаря им я смог прочесть докторскую диссертацию, в которой раньше никак не мог разобраться».

Что понимает Диннерстейн под «новой» теорией? «Ну, это несколько необычная, странная теория, — говорит он. — Когда я ее предложил, я разработал самую точную машинную модель процесса развития галактик».

Самую точную по сравнению с чем? Диннерстейн уверенно поясняет: «Подобная модель описана в «Астрофизическом журнале» (ведущий журнал в данной области). По сравнению с ней у моей модели 15 преимуществ. С помощью моей модели можно объяснить все те факты, что и посредством модели из журнала, плюс решить дополнительные задачи».

Диннерстейна спрашивают о научном значении его проекта. Он отвечает: «Моя модель вносит большой вклад в эту область. Это большой вклад в науку. Ее можно применять во всех случаях, когда вас интересует совместное воздействие на систему одновременно многих факторов. Вы можете проверять, что происходит с системой, если изменять различные факторы. Например, город может применять мою модель для решения своих финансовых проблем». Он говорит, что его проект получил несколько наград на научных выставках, в том числе премии Военно-морского флота США и Общества ядерной медицины, которые

высоко оценили перспективы применения машинной модели Майкла.

Позднее мы поинтересовались у его преподавателя в Колумбийском университете, профессора астрономии Ллойда Мотса, о работе Майкла в области галактик. Оказывается, Мотс ничего об этом не слышал. Мы сказали, что речь идет о его студенте, который разработал машинную модель.

«Ах, компьютерная модель! Сейчас все студенты поголовно увлечены программированием, — говорит Мотс, который преподает на этих Курсах с начала 1960-х годов и привык ничему не удивляться. — Компьютер привлекает их своими практическими возможностями. Это игра. Компьютер дает им невиданную свободу для развития своих идей. Они могут задать ему любую программу, какую только захотят, а в этом они здорово соображают».

Но программа Диннерстейна, говорим мы, имитирует эволюцию галактик. «Правильно, — подтверждает Мотс, ничуть не удивляясь. — Вы просто берете несколько сот тысяч точечных масс, составляете для них фундаментальное уравнение, затем вводите все это в машину, и она начинает составлять вам модель. Захватывающая игра».

Мы говорим, что, по словам Диннерстейна, его модель лучше той, что описана двумя учеными в «Астрофизическом журнале». «Майкл сказал, что его модель лучше? — переспрашивает Мотс. — Это превосходно. Вы знаете, у этих ребят совершенно необыкновенный подход. Если Майкл так считает, у меня есть все основания верить, что так оно и есть. Он очень тихий юноша, но, глядя на него, вы видите, что он глубоко вникает в предмет. Так что такое вполне возможно».

Мы напоминаем, что модель его студента трехмерна. «Как! Так это же действительно здорово, потому что большинство существующих моделей двухмерны. Это замечательно! Я просто поражен». Кажется, Мотсу еще раз пришлось убедиться, что от этих студентов всего можно ждать.

Курсы для отличников по естественным наукам были открыты в 1958 году и явились одной из многочисленных попыток улучшить систему образования в США, предпринятых в связи с запуском на орбиту первого советского спутника. Вначале Курсы получали поддержку Еврейского технического института в Нью-Йорке, а с 1961 года были поддержаны Национальным научным фондом (ННФ) в рамках про-

Семнадцатилетний Луис Доктор сконструировал собственный компьютер с выходной электронно-лучевой трубкой. Благодаря развитию технологии цены на электронные компоненты все время снижаются, что позволяет Луису покупать их дешевле.

водимой им программы вовлечения талантливых школьников в науку и технику. ННФ расходует почти 2 миллиона долларов в год на проведение 125 программ в 44 штатах и в федеральном округе Колумбия. Семь программ, включая курсы в Колумбийском университете, проводятся в течение учебного года. Большинство же программ рассчитано на летние каникулы, и школьники проводят от одной до 12 недель в интенсивных занятиях по биологии, физике, социальным наукам, математике или техническим дисциплинам. Курсы включают занятия астрономией в планетарии имени Адлера в Чикаго; биологией морей в Океанологическом центре на острове Уоллопс, штат Вирджиния; биомедициной и физикой в Северо-Восточном университете Луизианы; полевой археологией под руководством Орегонского музея науки и промышленности в Портленде.

Во всех программах предполагается, что школьники должны сами оплачивать свои расходы. В некоторых случаях школьникам предлагают полностью или частично оплатить курс обучения, и, наконец, небольшая часть фондов предназначена для поддержки школьников, которым плата за обучение недоступна.

Курсы субсидируются также некоторыми американскими корпорациями: «IBM», «AT&T», «Лаборатории Белла», «Юнион карбайд», «Аллайд

кемикл», «Тексако» и «Амерэйс». Все эти корпорации используют новейшие научные достижения, и в большинстве из них работают бывшие слушатели Курсов отличников по естественным наукам. Колумбийский университет, предоставляющий в распоряжение Курсов свои аудитории, электронно-вычислительные машины и лаборатории, также получает косвенную выгоду от проведения этой программы. Многие ее участники поступают в Колумбийский университет на старшие курсы или в аспирантуру. «Каждый год, когда я просматриваю списки допущенных к нам в аспирантуру, я вижу двух-трех человек, которые начинали слушателями Курсов», — говорит Аллен Сакс, профессор физики Колумбийского университета, а с 1969 года директор Курсов для отличников по естественным наукам.

Сакс отмечает, что Курсы не ведут систематической записи достижений своих воспитанников. Однако обзор, проведенный несколько лет назад в отношении слушателей Курсов в начале 60-х годов, подтвердил общее мнение о правильности отбора и о необычайной одаренности этих студентов. Из 305 бывших слушателей Курсов, откликнувшихся на этот опрос, 282 закончили колледж. Почти три четверти из них занимались естественными науками. Интереснее всего то,

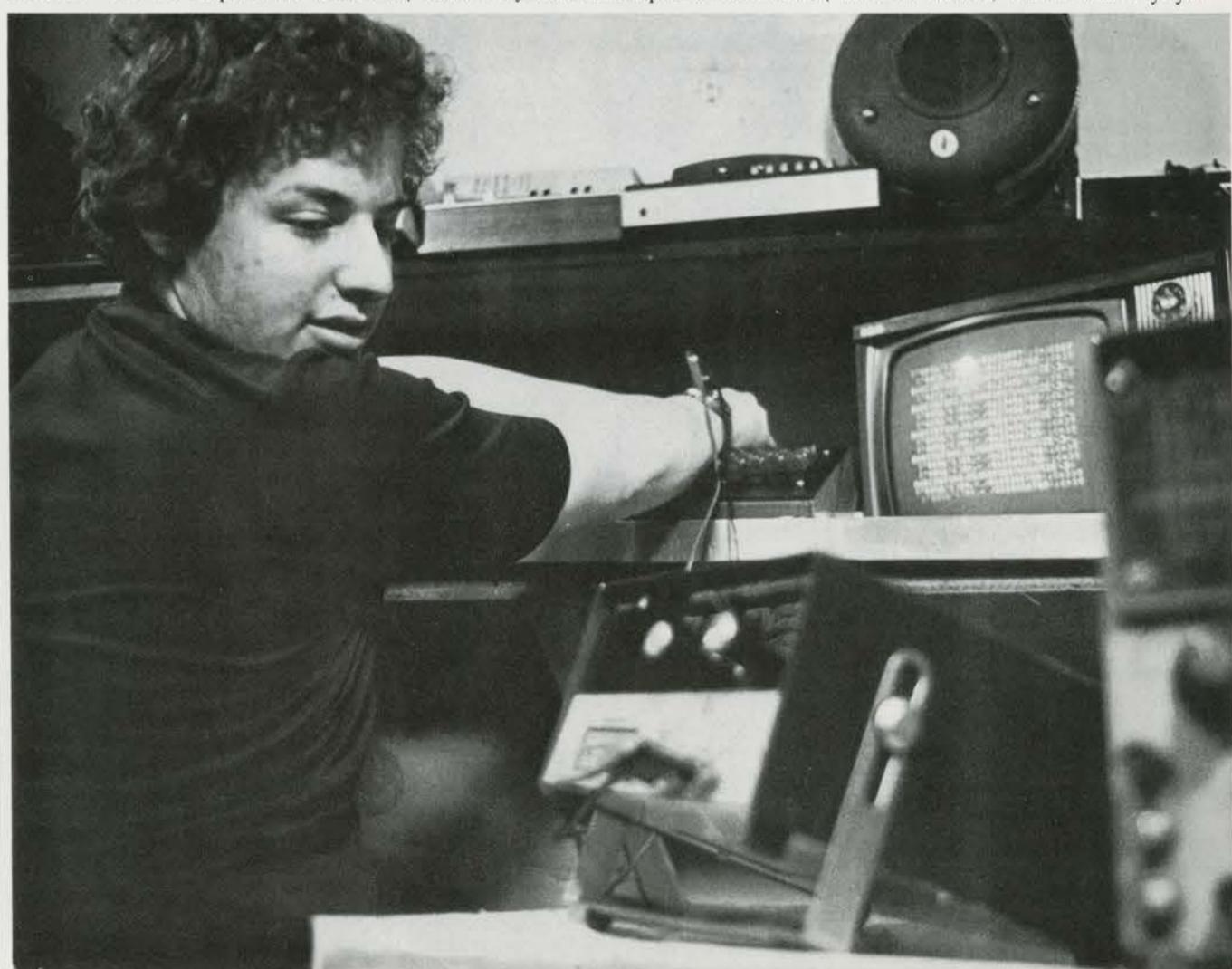
что 90 процентов из них после колледжа продолжали учебу в аспирантуре. Спустя десять лет 41 процент выпускников имели докторские степени и 43 процента опубликовали работы в научных журналах. «Это поразительно», — говорит профессор Сакс.

Бывшие слушатели и слушательницы курсов работают в самых разных областях общественной жизни. Есть среди них научные работники, врачи, один ветеринар, упаковщик военного снаряжения, домохозяйки. Многие из них с восторгом вспоминают о Курсах.

«Мне ужасно нравились эти занятия. Эти Курсы и моя учеба в средней школе были самым насыщенным периодом жизни», — говорит Гарри Элам, посещавший Курсы в начале 60-х годов.

«Возможно, что именно из-за этих Курсов я потом и забросил учебу в колледже», — говорит Элам. — Профессора на Курсах уделяли студентам гораздо больше внимания, чем мои профессора в колледже». Сейчас он снова вернулся в вуз: подготавливается к получению степени магистра по вычислительной технике в Нью-Йоркском городском университете. «Я думаю, что в каждого, кто занимался на этих Курсах, словно заронено какое-то семя. Начатое там никогда не забудется».

Джон Виктор, занимавшийся на субботних курсах в конце 60-х годов, вспоминает об этом периоде как об «очень, очень важном этапе, особенно если вы знаете, что любите науку».

Джон тоже был школьником, поражавшим своих преподавателей. Он учился в шестом классе, когда отец его прочел в газете статью о субботних курсах и убедил сына попробовать поступить. Джона приняли. «Я многим им обязан», — говорит Джон, проучившийся на Курсах пять лет. Сейчас он учится в аспирантуре нью-йоркского Рокфеллеровского университета и работает в лаборатории с одним из учеников, преподающих по субботам на Курсах для отличников по естественным наукам.

«Эти занятия дали мне очень хорошую начальную подготовку по математике. Кроме того, я изучил там программирование для ЭВМ, — говорит Джон Виктор. — Материал всегда был очень современный. Мне казалось, что мы выхватываем самый свежий материал. И все преподаватели прекрасно знали свой предмет. Ни один ваш вопрос не мог застать их врасплох. Вы действительно осваивали научный подход, хотя круг вопросов был иногда не на самом высоком уровне, ибо мы к тому еще не были готовы».

Такая оценка совпадает с общей установкой курсов, сформулированной профессором Саксом. «Нас не столько волнует сам материал, сколько общий обзор научных достижений, — говорит Сакс. — Наша первоочередная задача не ускоренное, а более глубокое обучение. Существует множество программ подготовки школьников к колледжу, где главная цель — ускоренное обучение, так чтобы уже при поступлении в колледж новичок умел заниматься на студенческом уровне. Поскольку мы не ставим зачеты, не устраиваем тесты или экзамены, то очевидно, что у нас другие цели».

Целью же, по словам профессора Сакса, является общение студентов с учеными-исследователями. «Хотя зачастую средняя школа дает учащимся достаточно хорошую подготовку по основам научных дисциплин, — говорит он, — тем не менее учащиеся обычно не имеют ни малейшего представления о характере научно-исследовательской работы. Поэтому при подборе преподавателей и при составлении программ наша главная цель — наладить личный контакт между учеными-исследователями и нашими способными учениками».

Курсы предлагают преподавателям довольно скромное жалование: 1200 долларов за один семестр — сумма, как правило, недостаточная, чтобы соблазнить преподавателя читать лекции по субботам, однако привлекательность Курсов в другом. «Благодаря чрезвычайно тщательному отбору учащихся и высокой одаренности, лучшие ученики Колумбийского университета обычно с готовностью соглашаются работать с ними», — говорит Сакс.

В конечном счете цель Курсов — просто познакомить способных учащихся друг с другом. Сакс поясняет: «Вы вырываете учащихся из их обычной среды, где они, возможно, не видели никого с такими же способностями и устремлениями, и знакомите их с другими столь же одаренными учащимися, имеющими общие с ними интересы. И они начинают понимать, что они не исключение, как они, видимо, привыкли считать в своей школе, что есть другие такие же, как они».

Типичная классная сцена на Курсах отличников по естественным наукам. На занятиях по «Физиологической психологии» в перерыве двое школьников обсуждают достоинства программы.

«В прошлом году я прослушал один из курсов Национального научного фонда, — говорит Гэвин Гровер, старшеклассник из Покипси, что в часе езды на поезде от Нью-Йорка. — Но наши теперешние курсы гораздо интереснее. Ребята здесь мозговитые».

Нэнси Соломон, одиннадцатиклассница средней школы в Спринг-Валли (Нью-Йорк), подала заявление на одну из летних программ. Она спрашивает, правда ли, что летние занятия интенсивнее, потому что они проводятся не раз в неделю, а ежедневно.

«Это так, — отвечает Гровер. — Но некоторые лекции в летних программах хуже. Они лишь стараются впихнуть в учеников побольше материала. А здесь мы действительно кое-чему можем научиться».

«Но у нас здесь нет никаких лабораторных занятий, — говорит Нэнси Соломон. — Это плохо».

Гровер согласен с ней. Благодаря профессору Института исследования рака в Нью-Йорке, с которым он познакомился на Курсах, Гровер теперь получил доступ в настоящую научную лабораторию и проводит там исследование по бактериальным вирусам и их влиянию на ДНК, важную составную часть человеческой клетки.

Некоторые жалуются, что в дополнение к лекционным занятиям Курсы не дают достаточной лабораторной практики. «Знакомство с методикой, которое приобретаешь в лаборатории, очень важно, — говорит старшеклассник Гэвин Гровер, — потому что с этого момента ты начинаешь делать что-то самостоятельно». Директор Курсов Аллен Сакс согласен с критикой. «Для улучшения работы курсов самым эффективным было бы увеличить объем работы в лаборатории, — говорит он. — Но это трудно осуществить как материально, так и организационно». Лабораторное время слишком дорого в американских университетах.

С другой стороны, Курсы критикуются за то, что они стимулируют

слишком интенсивное научное развитие учащихся в ущерб их общественному развитию. Критика эта появилась после того, как журнал «Нью-Йорк таймс магазин» поместил очерк о занимающемся на Курсах студенте Френсисе Берени, в 16 лет сделавшем научное открытие: он выделил фермент, при помощи которого растения-хищники переваривают проглоченных насекомых. В очерке сообщалось, что Френсис, кроме того, обладает выдающимися математическими способностями и что его старший брат Джордж проводит научные исследования в Рокфеллеровском университете. Отец и мать Джорджа и Френсиса оба учены-исследователи, ранее преподававшие в Будапештском университете.

На курсах один преподаватель время от времени просит Френсиса Берени вести занятия. Он говорит, что Френсис, по-видимому, самый одаренный студент из всех, кого он когда-либо встречал.

Некоторые читатели «Нью-Йорк таймса» были обеспокоены столь высокой концентрацией умственных способностей в одной семье. «Френсис Берени — пешка в жизненной игре своих родителей, — писал один читатель в редакцию журнала. — Френсис и Джордж вырастают как запрограммированные гении, развитие которых предопределено и полностью направляется родителями, главная забота которых — развить их интеллект. А какова человеческая ценность Френсиса и Джорджа? Что они сами о себе думают? Какую ценность они придают (и придают ли) чувствам и эмоциям?»

Профессор Сакс, наряду с другими, не принимает такую критику всерьез. «Конечно, если юноша недостаточно всесторонне развит, но у него очень большие способности к науке, то некоторые усмотрят вред в таких программах, как наши Курсы», — говорит он. Но Сакс абсолютно не согласен с критикой в случае с Френсисом. В статье упоминается, что Френсис отличный пловец (он имеет удостоверения спасателя) и увлекается моделированием судов, пуская иногда свои радиоуправляемые модели кораблей на озере в Центральном парке. «Очень интересный разносторонний молодой человек», — заключает Сакс.

На самом деле связь с остальной частью общества для многих из этих ребят жизненно необходима, и они зачастую просто вынуждены работать хотя бы для того, чтобы оплачивать материалы, необходимые им для их научных изысканий. Так, Майкл Диннерстейн выписывает больше десятка научных журналов, в том числе «Астрофизический журнал» стоимостью 120 долларов в год. Как же он оплачивает такие расходы? Частично с помощью денежных призов, которые он получает на научных выставках, а частично, подрабатывая тем, что присматри-

слушатели Курсов для отличников по естественным наукам
Нэнси Соломон и Гэвин Гровер.

вает за малышами по просьбе соседей.

Гэвин Гровер тратит около десяти долларов в неделю только на поездки в Колумбийский университет. Чтобы заниматься биохимией, ему приходится 20-30 часов в неделю работать в магазине, где продаются овощи и цветы. «Я обрезаю овощи, ухаживаю за цветами, обслуживаю покупателей, — говорит он. — Хозяева — молодые парни, которые лишь недавно завели свое дело, и смешно наблюдать, как они принимают то или иное решение».

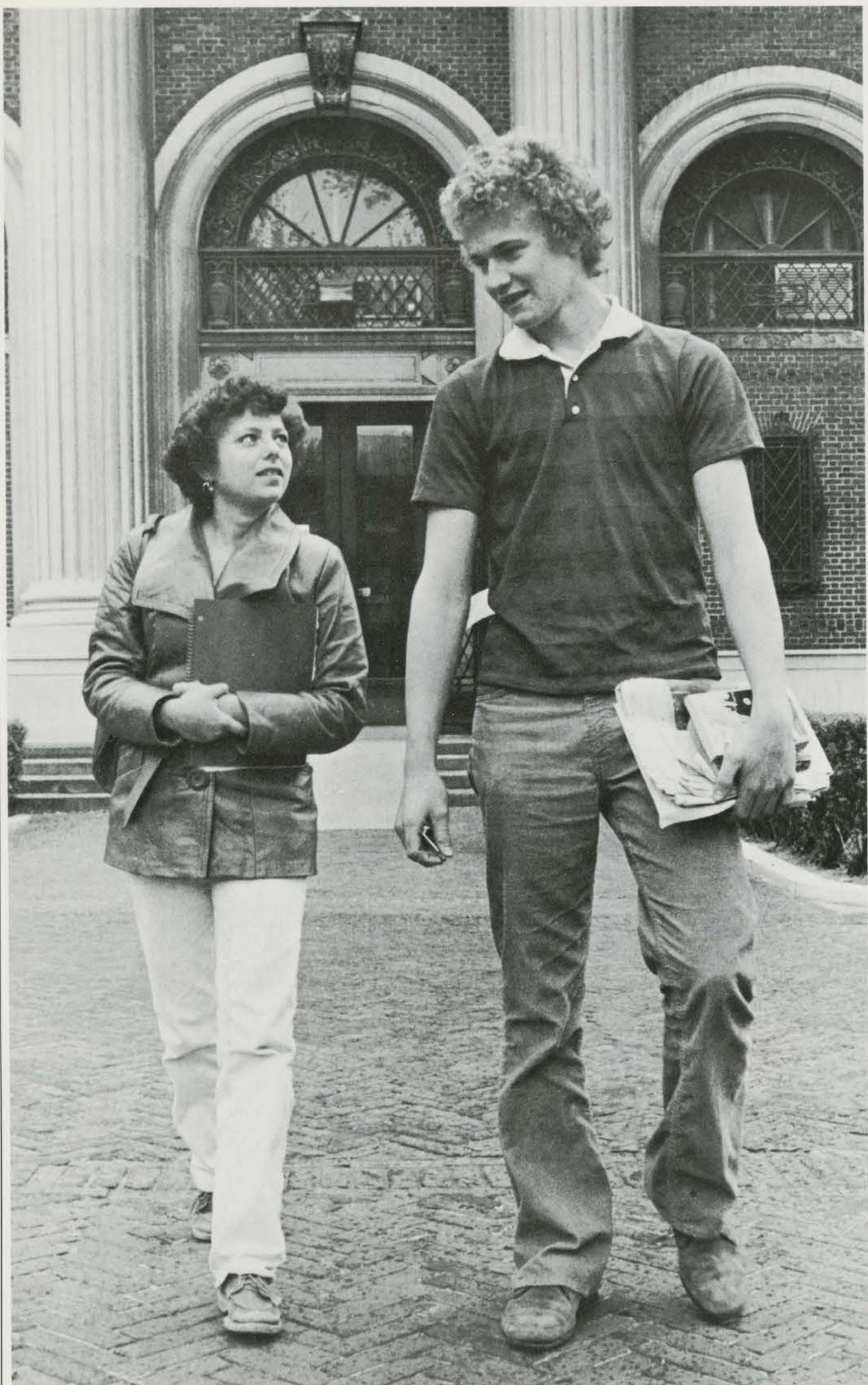
Нэнси Соломон интересуется главным образом изучением окружающей среды, но не возражает и против медицинской карьеры. Практический навык в этой области она приобретает неподалеку от дома: дежурит на пункте скорой помощи в Наяке, штат Нью-Йорк. Она также является членом школьного клуба здоровья и принимает участие в забегах на одну милю в составе школьной легкоатлетической команды.

Другая сцена в субботу утром. Лаборатория электроники. Сэм Палмер, радиоастроном Института космических исследований в Нью-Йорке, входящего в Центр космических полетов имени Годдарда, читает лекцию о цепях в цифровых ЭВМ и о методах сборки схем на транзисторах. «Умный человек способен делать почти все», — говорит Палмер семи школьникам, собравшимся в аудитории. «Чаще всего встречаются схемы, которые вы сможете найти в ЭВМ типа 7400», — продолжает он, имея в виду определенную марку компьютера.

Один из учащихся подходит к Палмеру и говорит, что у него возникли «большие затруднения». Палмер выслушивает и предлагает быстрое решение. Учащийся обдумывает вслух, что парапает на доске и убеждается, что Палмер прав. «Самые трудные вопросы иногда имеют очень простое решение», — говорит преподаватель.

Здоровенный рыжий парень — Луис Доктор — как раз из тех, кто занимается самостоятельно, игнорируя фундаментальные понятия. «Поэтому я и выбрал этот курс», — говорит он. Луис 17 лет, он учится в старшем классе школы в Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде, в штате Нью-Йорк. «Я был помешан на фотографии, — рассказывает Луис. — И вдруг прошлым летом я увлекся электроникой. Я тратил на нее все мое время и деньги. Первым делом я построил свой собственный компьютер. Держу его в подвале дома, там, где у меня раньше была собственная фотолаборатория».

Компьютер? «Ну да, я собрал его из набора деталей. Это миникомпьютер с

выходной электронно-лучевой трубкой, как в телевизоре. Я придумывал и со-бирал его, даже толком не соображая, что я делаю. Теперь думаю вновь к нему вернуться и разобраться, что же я соорудил».

Луис показывает визитную карточку, где написано: «Компоненты ки-лобитной емкости и электронно-вычисли-тельная аппарата. Президент Луис Доктор». Он поясняет, что, конечно, не занимается производством компь-теров, по крайней мере, — пока не зани-мается, но такая визитная карточка позволяет ему покупать по сниженным ценам электронную аппаратуру, кото-рая нужна ему для увеличения емко-сти компьютера. «Что хорошо в элек-тронике, так это то, что цены все время снижаются благодаря непрерывному развитию технологии», — говорит Луис. — Нужно откладывать покупку нужного узла до самой последней минуты, когда без него уже не обойтись».

Несколько учащихся отзывают Луи-са, просят помочь разобраться в не-поладках в их схемах. Он дает не-сколько советов, потом возвращается к прерванному разговору: «Мы рабо-таем с так называемыми «чипами». Это миниатюрные интегральные схемы, являющиеся структурными блоками комьюнтира. Каждый такой «чип» способен принять несложное решение за несколько наносекунд». Луис объяс-няет, что то, что большинство людей считает «мгновенным», на самом деле занимает промежуток времени в не-сколько тысячных долей секунды. На-носекунда — это одна миллиардная дол-ля секунды. Именно в таком фантастическом быстродействии сила ЭВМ.

Сэм Палмер объясняет, что наносекунда — это время, за которое свет проходит 30 см. А Луис добавляет, что наносекунда — это «время, проходящее с момента, когда светофор в Нью-Йор-ке переключился с красного света на зеленый, до момента, когда водитель в стоящей за вами машине начнет сигнализировать».

Занятия заканчиваются, и Луис Доктор торопится на метро, чтобы через полтора часа добраться домой. Он должен спешить: ему нужно вовремя выйти на работу в магазин фототова-ров, где он работает ежедневно от полудня до шести вечера. Луис обслу-живает покупателей, чинит фотоаппараты, а иногда подрабатывает фотографом на свадьбах или других семейных торжествах. И весь свой заработок каждую неделю постоянно тратит на свою электронику.

Мы спрашиваем Луиса, не мешает ли эта работа его занятиям в школе? «Ничуть, — отвечает он. — Сказать по правде, я не очень-то много времени трачу на подготовку к урокам». Вид-но, занятия на Курсах он, как и мно-гие другие слушатели, никак не склонен рассматривать как обычные по-вседневные занятия в школе.

Когда-нибудь в далеком будущем, археолог, копаясь в культурном слое раскопок западной цивилизации, найдет удивительные предметы неизвестного для него назначения: теннисные туфли на высоких каблуках, автомобиль с квадратными колесами, окаменевшего сенатора с бюджетом Пентагона в руках. А если западной цивилизации повезет, то он, возможно, найдет пластинку с записями Артура Рубинштейна, играющего в возрасте 90 лет с удивительной силой, виртуозностью и блеском. И тут наш археолог, так же как Генрих Шиман, размышляющий над мифами и легендами гомеровской Трои, столкнется с тайной. Жил ли на самом деле такой герой в те окутанные мраком времена?

Мы, конечно, знаем ответ на этот вопрос. Дебют Рубинштейна в Нью-Йорке состоялся 71 год тому назад 8 января 1906 года, в Карнеги Холле. Он выступал в этот день с Филадельфийским оркестром. А всего он выступает уже 86 лет. Хотя его первый официальный дебют состоялся, когда ему было семь лет, уже до этого он играл для близких друзей родителей в своем родном городе Лодзи, в Польше, а четырех и шести лет он участвовал в благотворительных концертах. Он начал учиться играть с трех лет. Его не просили и не заставляли: когда его родители завели в доме подержанное пианино, купленное для того, чтобы две старшие сестры могли заниматься музыкой, трехлетний мальчик сел за него сам.

В прошлом году только в США он дал 20 концертов. И все равно, в 90 лет молодость его души и мастерство делают каждое его появление на сцене удивительным музыкальным, а не просто феноменальным геронтологическим явлением. По последним данным, Артур Рубинштейн родился 28 января 1887 года, и, логически, он когда-нибудь должен перестать играть; правда, люди, хорошо его знающие, как Макс Уиллокс, например, весьма в этом сомневаются. Уиллокс был продюсером 60 пластинок для фирмы «RCA» и пяти концертов для телевидения, включая два моцартовских концерта в прошлом году. Нужно сказать, что порой все, что касается Рубинштейна, особенно его энергии и трудоспособности, без труда можно отнести в рубрику Артуровских легенд.

Когда зимой в перерыве между концертами Рубинштейн остановился в Нью-Йорке, я провел с ним несколько незабываемых часов в его номере в отеле. Это была очень интересная и приятная встреча. Как часто бывает, первые

минуты были посвящены тому, чтобы усадить гостя, в данном случае меня, в самое мягкое, самое удобное кресло. Сам Рубинштейн устроился на простом жестком стуле. «Я, знаете ли, всю жизнь сидел прямо. Это, кстати, напоминает мне одну смешную историю, — начинает он и уже не останавливается; если вы собираетесь спросить Рубинштейна о чем-нибудь, спрашивайте поскорее — потом вы уже не сможете вставить ни слова. — Недавно в Бостоне я получил приз имени Агнона. Вы знаете, кто такой был Агнон? Шмуэль Агнон, старый израильский писатель, который умер несколько лет назад. Он получил Нобелевскую премию, и этот приз установили в его честь. Ну вот, как раз был мой концерт в Иерусалиме, и один мой приятель привел Агнона ко мне за кулисы. Я спросил его: «Вы любите музыку?» А он отвечает: «Не знаю, я сегодня первый раз был на концерте. Но мне понравилось, как вы прямо сидите».

Там, где Рубинштейн, всегда весело. Томас Манн называл Рубинштейна «цивилизованным человеком». А вот моя собственная история, иллюстрирующая его врожденную вежливость. Дело было в Буффало, штат Нью-Йорк, пять лет тому назад. Очень холодным зимним вечером я отправился брать у Рубинштейна интервью в день его 85-летия. Ехать туда пришлось потому, что ближе к Нью-Йорку у него не было концертов в этом сезоне. Я прибыл в отель в условленное, как мне казалось, время и позвонил ему в номер снизу. К моему ужасу оказалось, что Рубинштейн не был предупрежден о нашем свидании. Как я узнал позже, в процессе переговоров между приближенными к маэстро людьми его забыли уведомить о посещении. Более того, по голосу в телефонной трубке было очевидно, что мой звонок разбудил Рубинштейна. Ему понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что я журналист (правда, он решил, что я из местной газеты, и мои попытки что-то объяснить были безуспешны). Тем не менее, он сказал: «Будьте добры, дайте мне 15 минут, чтобы одеться».

Когда я, нежданный, нежеланный гость, вошел в его номер, Рубинштейн, в синем костюме с розеткой Почетного Легиона в петлице, уже ждал меня и извинился за задержку. У него, сказал он, грипп, и его жена звонила ему с просьбой отменить концерт. «Но когда я сажусь за рояль, мои болезни проходят, и я безумно счастлив, — про-

должал он. — Поэтому я не отменю гастроли». Несмотря на свое состояние, он был оживлен и полон историй, которых я никогда раньше не слышал. С тех пор я часто думал о Рубинштейне, больном гриппом, в постели, в этом гостиничном номере в Буффало, находящемся на милости всякого, кто снимет трубку внутреннего телефона. И я попытался поставить себя на его место и представить себе, был бы я столь же любезен в подобных обстоятельствах. Боюсь, что не был бы.

Хорошие манеры в трудных обстоятельствах — редкий дар. Рубинштейн сохраняет манеры даже под тяжестью последнего и неизбежного бремени — старости. Как это удается и, что еще удивительнее, как ему удалось это сохранить?

Чтобы с уверенностью ответить на этот вопрос, надо решить старое уравнение, в котором есть два неизвестных — природа и воспитание. Насколько известно, среди предков Рубинштейна не было долгожителей, хотя войны и погромы, прокатившиеся по Польше в текущем веке, делают этот вопрос чисто академическим. Шесть его братьев и сестер погибли вместе с шестью миллионами евреев во время Второй мировой войны. И в физическом и в умственном отношении он является опровергением кумушкиных сказок о том, что у старых отцов ролятся слабые дети. Рубинштейн был седьмым ребенком, и когда он родился, его отцу было за сорок — солидный возраст для Польши по тем временам. Рубинштейн не очень высок — 172 сантиметра, не толстый — он весит 75 килограммов, но у него широкая грудь, мускулы как у кузнеца и непропорционально длинные ноги. В сложении Рубинштейна часто видят причину его недюжинной силы.

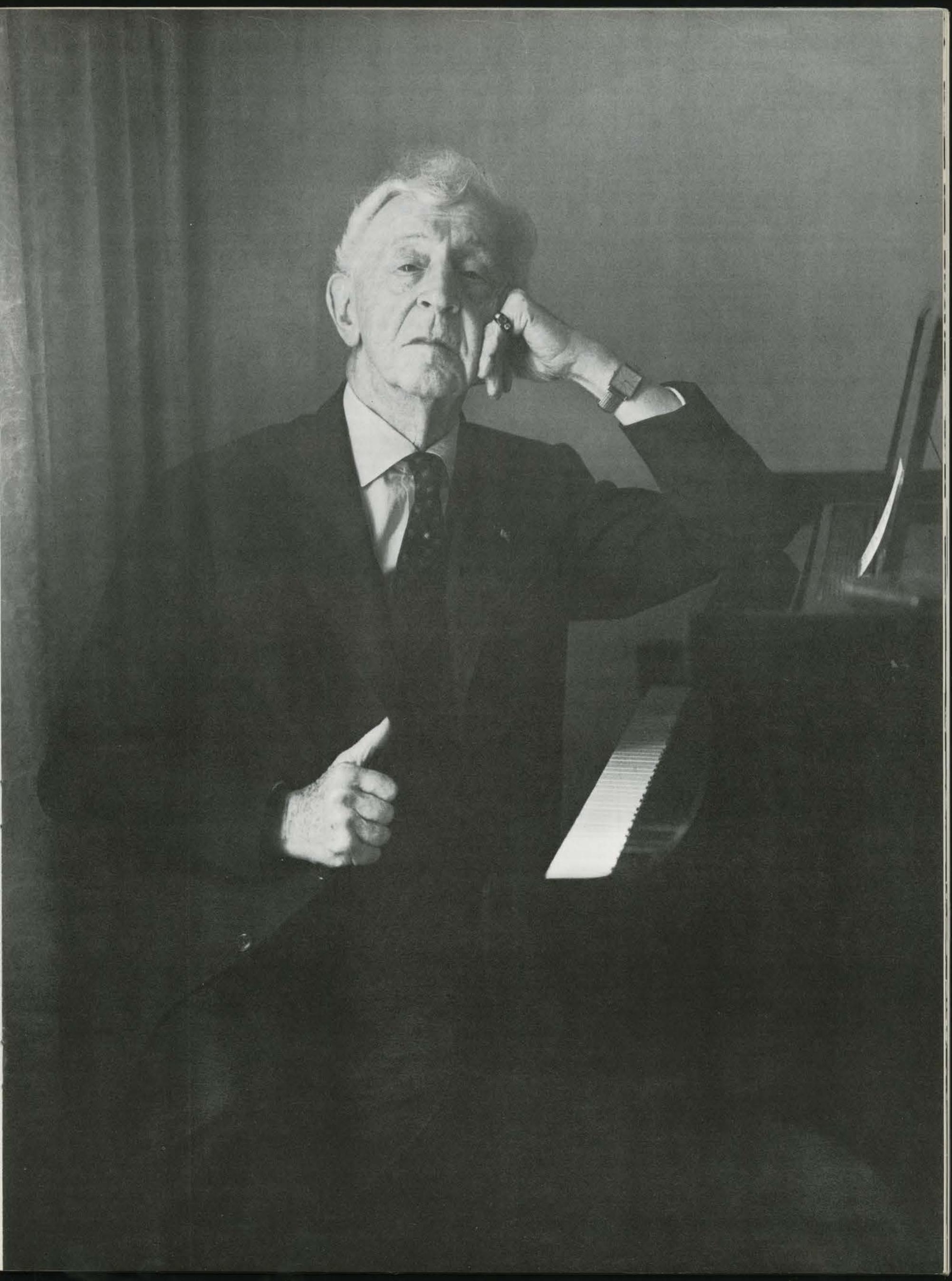
До сих пор его обходили обычные человеческие хворобы. Он встает в восемь или около того и после двадцатиминутной зарядки с аппетитом завтракает. Однако, основным физическим упражнением является для него игра на рояле, и упражнение это не из легких, если вы играете в таком бурном стиле, как это делает Рубинштейн. По словам его жены и близких, он никогда не принимал никаких медикаментов, кроме витамина С. Долгие годы он наслаждался лучшими винами и дорогими сигарами — две-три в день, всегда с кофе — и в своем сибаритском отношении к жизни уже давно является Уинстоном Черчиллем от му-

Акт. права: изд-ва «Нью-Йорк таймс компани», 1976 г. Переведено с разрешения изд-ва.

АРТУР РУБИНШТЕЙН в 90 лет

ДОНАЛ ХЕНАХЕН

С разрешения журнала «Нью-Йорк таймс магазин»

зыки. Его приверженность принципу получения наслаждения от жизни наверняка коренился в генах и подкреплена доставшимся на его долю преклонением. Он также считает, что у него легкого и доброжелательного характера есть прагматическая философская основа, помогающая сохранить и молодость души в таком преклонном, по сути дела, возрасте.

Его благожелательность и чистосердечный гуманизм, которые зрители чувствуют и находят столь привлекательными, по сути своей не сентиментальны, они вытекают из трезвого анализа материального мира, который он сделал еще в ранние годы. Он убежденный агностик. «Ребенком я искал, но не увидел Бога. Сомневаюсь, что и Моисей его видел на самом деле. А все эти юные девицы, видевшие Деву Марию! Нет, это все враки!» — он смеется и машет своими большими руками. Вряд ли кому еще из великих пианистов достались такие большие руки. Он берет 12 клавиш — то есть полторы октавы.

«История Жанны д'Арк — прелестна, но меня не убеждает, — продолжает Рубинштейн. — По-моему, не похоже на правду. Взгляните на ирландцев, породивших прекрасную поэзию. Образованные, музыкальные люди. Люди, как мы с вами, только одни католики, другие протестанты, и поэтому они убивают друг друга. Арабы и израильтяне — что им нужно друг от друга? У арабов один Бог, у евреев — другой. И они говорят друг другу: простите, придется вас убить за это. Давным-давно я решил, что я не вижу Бога. Нас послали на эту землю и не спросили, хотим ли мы жить, словно мы животные, только хуже, потому что умеем думать». Густой голос Рубинштейна опускается до почти беззвучного шепота. Потом он резко выпрямляется и оживляется.

«У меня было такое чувство, будто меня оставили одного на свете и заставили жить», — тут он пускается в одну из своих любимых историй: о том, как он пытался покончить с собой в Берлине, серым днем 1908 года. Ему был 21 год, и его карьера, казалось, была кончена. У него не было ни гроша; гостиницы и рестораны требовали уплаты долгов. Концерта организовать не удалось. И в этот момент он не был влюблен. Он решил повеситься в ванной. К счастью, пояс от халата (за неимением веревки) порвался, и он полетел вниз. («Если бы я увидел такую сценку по телевизору, я хотела бы до слез», — писал он позже в своих мемуарах.) В ту минуту он как бы заново родился и обратился к миру с восторгом, сохранившимся и 69 лет спустя. Этот человек не отмеряет мрачно время, ожидая момента освобождения от жизни. Четыре года назад он опубликовал свою первую книгу, прелестные мемуары «Моя юность». В 1976 году вышел полный комплект пластинок со всеми концертами Бетховена в новых записях.

Макс Уилкокс, продюсер всех звукозаписей Рубинштейна с 1959 года, считает, что записи Бетховена прошли «замечательно». Эти пять концертов были записаны в Лондоне с дирижером Даниэлем Баренбоймом и Лондонским симфоническим оркестром, и запись заняла семь с половиной сеансов, общей сложностью

менее 19 часов. «Почти рекорд для любого, а для 90-летнего человека, тут уж, знаете... — Уилкокс делает паузу и прикладывает в уме. — Был ли когда-нибудь пианист-виртуоз в таком возрасте? По-моему, нет». И Сен-Санс, и Исидор Филипп, и Франсис Планте, да и другие выступали с концертами, когда им было под девяносто, а то и более, но отнюдь не на уровне Рубинштейна.

Стивен Борелл — другой человек, хорошо знающий Рубинштейна и работавший буквально рядом с ним. Он настраивал его рояль и иногда переворачивал ноты. Он был старшим мастером у Стейнвея, а затем у Болдуина. Сейчас Борелл больше не работает и не настраивает стейнвеев Рубинштейна, но он долгие годы путешествовал с ним, присматривая за его инструментом. Когда он говорит о Рубинштейне — артисте и человеке, он пускается в лирику: «Рубинштейн так жизнерадостен, так полон чувства юмора и естественной грации. А его звук!» Звук Рубинштейна, полный и глубокий на любом уровне громкости, является характерной чертой его игры с самого начала, и музыкальные критики все еще пытаются понять это. Борелл знаком со всеми их теориями: толстые подушки пальцев, удар с плеча, гибкие запястья. Но у Борелла есть собственное объяснение — он видел его игру как бы «крупным планом». «Сидя рядом с ним и перелистывая ноты, я имел возможность следить за ним и обнаружил нечто удивительное: знаете, как он приподнимается на стуле, подымает руки над клавишами и ударяет. Вы ждете потрясающего удара. Но я заметил, что перед самыми клавишами он задерживает руки на долю секунды, а потом как бы погружает пальцы в клавиатуру. Это происходит так быстро, что заметить почти невозможно». Рубинштейн получает удовольствие от производимого эффекта, и эффект этот не только зрительный, в чем легко убедиться, закрыв глаза перед таким ударом. Почти слышимая пауза смягчает звук, и если у вас есть под рукой пианино, вы можете проверить теорию Борелла. «Рубинштейн никогда не начинает сразу играть на незнакомом инструменте, — говорит Борелл. — Он пробует, пытается выяснить возможности рояля, его характер. Потом он с удивительной быстротой приспосабливается к инструменту. И это тоже характерно для его отношения к жизни». Плутарх говорил, что никто не может выглядеть героем перед своим слугой, однако Артур Рубинштейн был героем для своего настройщика.

Президент Форд во время торжественной церемонии в Белом Доме вручает Рубинштейну «Медаль Свободы».

За свою долгую жизнь он получил много музыкальных премий и несколько почетных дипломов. В апреле 1976 года Президент Форд во время торжественной церемонии в Белом Доме вручил Рубинштейну самую высокую гражданскую награду — «Медаль Свободы». В грамоте говорилось, что он принадлежит к «плеяде гигантов нашего времени».

В 1975 году после 16-летнего перерыва он поехал в Польшу, побывал в Лодзи. Во время поездки был снят документальный фильм «Возвращение». Рубинштейн очень волновался перед поездкой — первой за столь долгие годы. Но все сошло хорошо, хотя и страна, где пианист родился, и он сам переменились за это время. «Это трогательная, очень трогательная маленькая страна, — говорит Рубинштейн. — Поляки похожи на испанцев, такие же гордели. Люди с практическим умом считают эту гордость глупостью. Что делает тысяча солдат, вооруженных ложками и вилками, против миллионной армии? А они гордятся тем, что, когда падут на поле брани, о них сложат красивые стихи. У них эта традиция живет до сих пор. И как они от начала до конца сопротивлялись Гитлеру!»

Рубинштейн с женой и двумя детьми (потом у него прибавилось еще двое) жил в Париже. Когда началась Вторая мировая война, он, как и многие другие европейские деятели искусств (Манн, Барток, Шенберг, Хиндемит, Стравинский и др.), переселился в Америку и, как многие из приезжих, обосновался в Калифорнии. Его дом в Беверли-Хиллс был его тридцать вторым домом. В 1946 году он стал гражданином Соединенных Штатов. Сейчас между своими бесконечными турне и краткими остановками в отелях всего мира, он живет или в Марбелье, на юге Испании, или в своем довоенном доме в Париже.

Многих из старых его друзей уже нет на свете, теперь их места заняли миллионы его слушателей и почитателей. Среди его друзей были знаменитые люди нашего времени; он близко знал почти всех крупных деятелей искусства и общественности нашего века. Он был, как ни удивительно себе представить, протеже Иосифа Иоахима, того самого, которому Брамс посвятил свой Концерт для скрипки, и Игнатия Падеревского, единственного в истории пианиста, который был также политическим лидером своей страны. Он дружил с Сен-Сансом и был близко знаком с Хемингуэем и Пикассо. («Я знал его до того, как он стал Пикассо, а я Рубинштейном»). Он пропагандировал музыку таких друзей, как Игорь Стравинский, Исаак Альбенис, Энрике Гранадос, Мануэль де Фалья, Кароль Шимановский, Морис Равель, Франсис Пулленк и Дариюс Мийо — имена, составлявшие изрядную часть неистового авангарда. Он знал Сола Юрока до того, как тот стал импресарио. Теперь, когда Юрока уже нет в живых, Рубинштейн стал еще более одиноким.

Рубинштейн, когда он познакомился с Юроком, был уже человеком средних лет. Он был знаменит своей эксцентрич-

ностью. Хотя он выступал в Нью-Йорке в 1906 году, а затем в 1918 году, его попытки завоевать внимание американских любителей музыки нельзя было назвать успешными. Рубинштейн утверждает (хотя многие — на основе существующих записей — с ним не соглашаются), что технически он не был еще тогда первоклассным пианистом. В 1932 году, в возрасте 43 лет, женившись на Аньеле Млынарской, он решил остынуть: уехал в альпийскую деревню и там играл по 12-16 часов в день, пытаясь отработать технику с самых основ, технику, равноценную его музыкальности и чутью.

«Видите ли, до этого я в различные периоды моей жизни интересовался различными вещами: я обожал литературу, я любил слушать умных людей. Все это отвлекало от регулярных занятий». По воспоминаниям современников, да и по словам самого Рубинштейна в его мемуарах, мешала не столько литература, сколько женщины, вино и развлечения.

И тут появляется Юрк. «Он тогда устраивал дешевые концерты на ипподроме: конечно, лошади, Миша Эльман, цирк, Галли-Курчи, все, кто угодно — и запах соответствующий. Юрк помнил меня еще с шалинских времен. Он пришел ко мне и сказал: «У меня тут концерт Титта Руффо, но он может спеть всего несколько арий. Вы сыграете два номера в программе?» Я согласился. И оказалось: я был «в голосе», а Руффо нет. Зрители дважды вызывали меня на бис в середине концерта. Юрк был приятно удивлен. Он решил, что я идеально подхожу для Америки в то время. И мы с ним начали делать карьеру. Он и я».

Юрк был великолепным знатоком зрителей и актера, и теперь не трудно понять, почему Рубинштейн завоевал себе такую большую и преданную аудиторию. Он всегда обращает внимание на общий рисунок произведения, его смысл и структуру. Как сказал однажды дирижер сэр Томас Бичем оркестру: «Слушателям только это и нужно». Рубинштейн вспоминает, что «даже в те дни, когда критики больше всего придирились к деталям, общий рисунок произведения был всегда очень даже на месте». Тем не менее, этот рисунок должны сопровождать бесчисленные нюансы, фразировки, акценты, изменения окраски цветовой гаммы и динамики, иначе останутся недовольны разборчивые зрители, а факт остается фактом: самыми верными поклонниками Рубинштейна на протяжении всей его жизни были музыканты. Не каждому пианисту дано угодить и изысканным музыкантам, и миллионам слушателей, приходящих на его концерты, которые устраивал Сол Юрк.

Присоединившаяся к нашей беседе миссис Рубинштейн, полная жизни блондинка, на 23 года моложе своего мужа, вставляет: «Нам очень не хватает Юрка. Так было смешно, как он забавно называл мужа». Рубинштейн кивнул и тут же начал имитировать Сола Юрка, и его сильный акцент: «Ах, мой дорогой Арту-у-ур!» В целях рекламы Юрк именовал Рубинштейна Артуром с ударением

на последнем слоге на заграничный лад, поскольку ему казалось, что это звучит более экзотически, чем обычный американский Артур. «Я никогда с ним не спорил и в угоду ему даже подписывался «Артуро» в Испании. Глупо обращать внимание на мелочи, и мне было неволовко, но я предпочитал поступать так».

Услышав слово «неволовко», миссис Рубинштейн с укором посмотрела на мужа: «Артур просто преисполнен чувством вины. Он чувствует себя виноватым за войны, за то, что он жив, а другие погибли. И даже за то, что он не сыграл некоторые знаменитые музыкальные произведения». Рубинштейн хмуро кивает: «Да, я умру, зная, что есть по крайней мере сотня вещей, которые я не играл: например, Шестая соната Прокофьева, его Первый и Третий концерты. А вот последние сонаты Бетховена мне, знаете ли, никогда не хотелось исполнять публично. Зрители притворяются, что любят их, а на самом деле они им скучны. Медленный ритм опуса III возвышен, но в концертном зале, если его играют не абсолютно возвыщенно, я почти засыпаю».

Это и подобные высказывания причиняли Рубинштейну массу неприятностей от людей, считавших, что они относятся к музыке серьезнее, чем он. И хотя по темпераменту ему были весьма созвучны многие из тех произведений для фортепиано, которые ценят эти трезвые специалисты, тем не менее он считал, что исполнение их для публики не отвечает его требованиям. Так, до последнего времени он мало играл Моцарта и еще меньше Шуберта, а когда, наконец, собрался сделать шубертовскую пластинку, то выбрал самую лучшую и самую трудную из шубертовских вещей — посмертную Сонату си-бемоль. Он не очень толково объясняет, почему он любит Брамса или Шопена. «Я всегда думал, что музыку надо слушать, а не говорить о ней. Поэтому я так мало писал о музыке в своей книге. По-моему, когда музыкант пишет о том, как он играет, это немножко смешно, — его подвижное лицо становится маской-карикатурой на философ-педанта, и он гнусавит поучительно: — Однажды я прочитал еще Шопенгауэра и после этого начал играть Чакону немного медленнее».

Мы пересели к обеденному столу, и миссис Рубинштейн дает одно из возможных объяснений, как ее муж сохраняет свою удивительную умственную и физическую молодость: «Я готовлю для него много лет. Я профессиональный повар, я люблю готовить. Мне нравится новая французская обезжиренная кухня, о которой все теперь говорят, она мне нравится потому, что я всегда так готовила. Я снимаю все сало и жир и только иногда добавляю в некоторые блюда немного сливок».

«Все 43 года замужней жизни я так готовила. Ему очень легко угодить. У него хороший аппетит. Он любит курицу, и я знаю миллион способов ее приготовления. Он может есть курицу каждый день и не жаловаться. Кровавый бифштекс он не любит». Рубинштейн, сгорбившись над тарелкой, уродливо опустив нижнюю челюсть, изображает «дикаря-американца», набросившегося на кровавый бифштекс. Он рычит и издает страшные звуки, достой-

ные пещерного человека. Но тут его настроение снова меняется. «Знаете, — тихо говорит он, — я бы хотел продолжать писать, но — увы, теперь слишком поздно. Я слишком стар, и мои глаза...»

Миссис Рубинштейн морщится. Причина объясняется быстро: Рубинштейн теряет зрение. «Сказать?» — спрашивает миссис Рубинштейн мужа. Он улыбается и пожимает плечами. «Почему нет? — продолжает она. — Это ведь совершенно замечательно, что ты играешь без...»

И вот то, что давно подозревали, подтверждается.

«Последние шесть концертов я не видел клавиш», — говорит Рубинштейн. Слепота становится все более серьезной в течение последних нескольких лет и теперь уже затрагивает оба глаза. По-видимому, все началось с того момента, когда Рубинштейна положили в больницу с приступом опоясывающего лишая. Этой глазной болезнью очками не поможешь, ее вызывает отвердение кровеносных сосудов зрачка. Рубинштейн сохраняет только слабое периферийное зрение. Кроме того, как становилось все более ясным в ходе нашего разговора, он практически полностью оглох на правое ухо.

Но запас жизнерадостности у Рубинштейна неистощим, энтузиазм не покидает его даже при таком неблагоприятном повороте событий. «Конечно, это нехорошо — эта история с глазами, потому что больше всего, после музыки и семьи, я люблю книги. Ну, так жена будет читать мне вслух. Мы строим всевозможные планы в связи с новым образом жизни. Естественно, я очень огорчен, но что поделаешь? Я старею, и в таком возрасте такие вещи случаются. Я все равно собираюсь радоваться каждому дню жизни и играть, пока я могу». К счастью, у Рубинштейна фотографическая память, в которой запечатлены сотни произведений, в том числе 40 концертов.

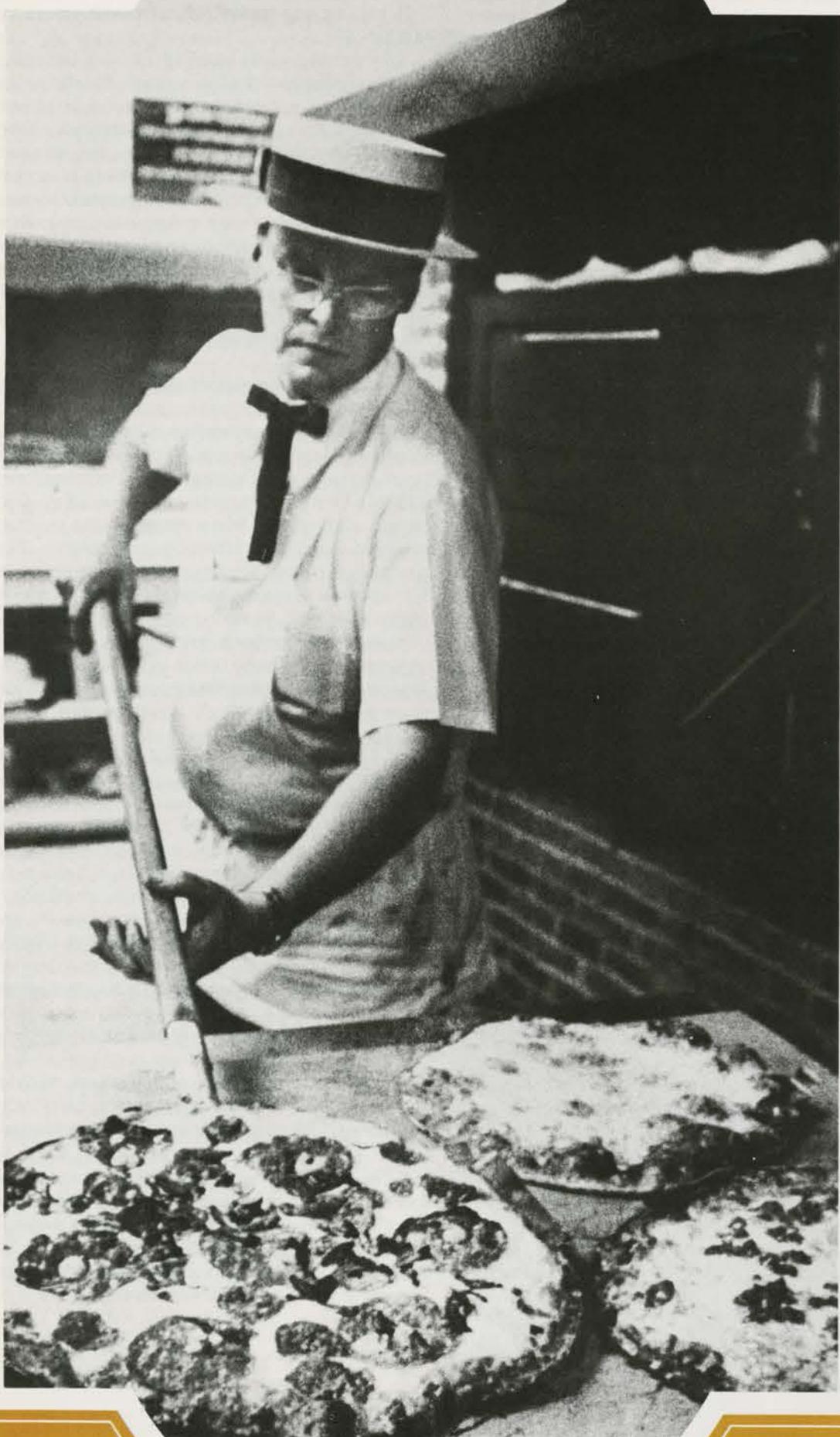
Когда я вернулся домой после этого разговора, что-то заставило меня заглянуть в заметки, сделанные мною после интервью в Буффало в 1972 году. Я нашел несколько его замечаний, которые показались мне не настолько важными, чтобы включать их в статью. Сейчас они приобрели смысл.

Рубинштейн добродушно отстаивает свой красочный стиль игры, свою манеру откладываться назад, глядеть на потолок, высоко поднимать руки над клавишами: «Как вы знаете, я всегда славился своими фальшивыми нотами. Меня это не тревожит. Мне нужно получить эффект, который я достигаю таким образом», — говорит он. — Должен признаться, что моя мечта — сыграть целую вещь, может быть целую программу, ни разу не посмотрев на клавиши».

Его мечта сбылась. Может быть, мы снова услышим несколько фальшивых нот. Может быть. Розина Левина, сама известный пианист и педагог, ответила ученику, который как-то заговорил о фальшивых нотах Рубинштейна: «Да, но зато какие это фальшивые ноты!» — сказала она мечтательно.

ФИРМЕННОЕ БЛЮДО

Когда приходит время отпраздновать какое-нибудь семейное событие, в особенности день рождения юного члена семьи, многие отправляются в одну из цепных закусочных «Шейки». А их в стране насчитывается до пятисот, и у каждой — свой хозяин. Коронное блюдо в любой из них — итальянская пицца: объеми-

Пицца на пути в жаркую печку.

Зиновнику торжества несут торт.

В разгаре празднования.

Ю ПЛЮС ВЕСЕЛЬЕ

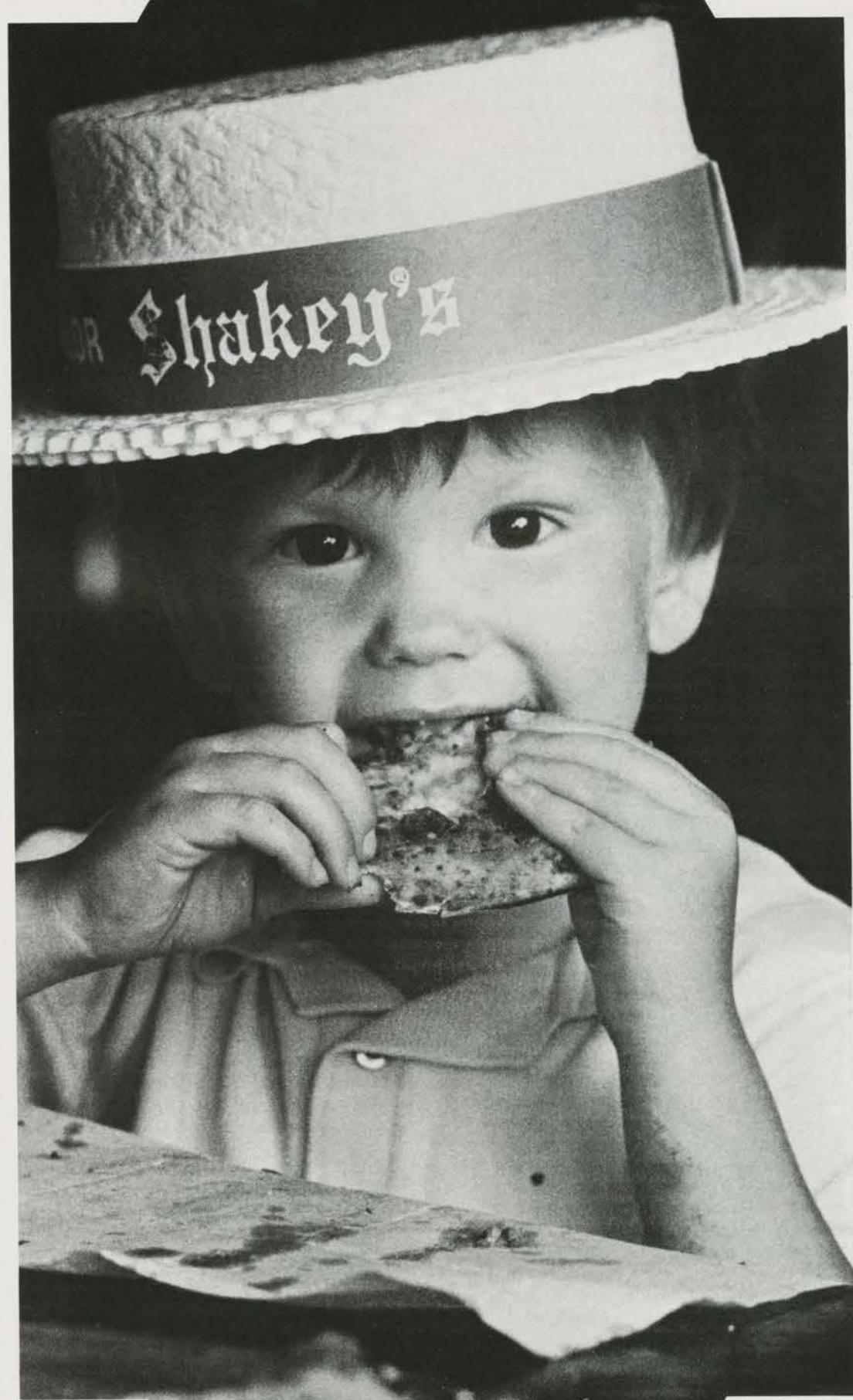
стый, с невысокими бортиками диск из теста, намазанный сверху томатным соусом и плавленным сыром и запеченный в жаркой печке. Но не только пицци славятся закусочные «Шейки»: их павильоны привлекают людей своим оформлением в стиле 1890-х годов, звуками джаза и показом древних фильмов.

Типичный павильон «Шейки».

дня рождения.

Торговый знак «Шейки» — канотье из пластмассы.

Линда Хэйген проверяет кофе на упаковочном конвейере.

ЭЛЛИОТ БЕРНСТАЙН

В крупном деле ЗНАЮТ СВОЕ ДЕЛО

Линда Хэйген

В минуту на заводе в Эванстоне (Индиана) упаковочный конвейер пропускает две сти банок растворимого кофе. За этим потоком банок внимательно следит Линда Хэйген. Ей 27 лет, ее каштановые волосы покрывают белая шапочка — такая же, как и у всех рабочих цеха. Линда знает, что из 20 банок одна сходит с конвейера поврежденной, и ее дело установить почему.

В конце концов причину удалось выяснить — виновником оказался шуропообразный шнек, которому надлежит легонько подталкивать банки. А иногда он сильно ударял по ним. Линда не успокоилась, пока шнек не почили — ведь ее обязанность обнаружить неисправность и принять меры по ее устранению. В должности управляющего производством новой серии ароматизированных растворимых кофе, выпускаемых фирмой «Дженерал фудс корпорейшн», Линда Хэйген несет ответственность за все фазы производственного процесса — от рекламы, распространения и вкуса кофе до технических неполадок. За это ей платят свыше 25 000 долларов в год.

К новым товарам широкого потребления успех приходит нелегко, каким бы привлекательным ни был их внешний вид. Обычный американский универсам предлагает свыше 9000 наименований продовольственных и других товаров. Кроме того, различные предприятия ежемесячно заваливают такой универсам по крайней мере сотней новых товаров. Но только пять из этой сотни попадает на полки магазина. Особенно острая конкуренция парит на кофейном рынке, оборот которого составляет 2,3 миллиарда долларов в год.

Управляющие производством играют решающую роль в этой трудной борьбе, оказывая значительное влияние на ассортимент товаров, предлагаемых потребителю. Пока что Линда Хэйген и ее кофе находятся в числе победителей. В октябре 1974 года фирма «Максуэлл хаус», филиал компании «Дженерал фудс», выбросил на рынок новый продукт под названием «Интернациональный кофе». Для успешного внедрения новой продукции в масштабе страны и для получения прибылей необходимо продать товара в год на 10 000 000 долларов. И новый кофе преодолел этот барьер менее чем за год.

Линда Хэйген получает большое удовольствие от своей самостоятельной деятельности и в то же время не испытывает больших трудностей. Она хорошо зарабатывает, пользуется всеми льготами и привилегиями, которые ей обеспечивает крупная компания, чего не в состоянии дать становящееся на ноги предприятие. За помощью она может обратиться к любому отделу компании — от лабораторий для проведения химического анализа продукта до отдела продажи, одного из самых мощных торговых аппаратов в этой отрасли.

Управляющие производством должны обладать умением наиболее продуктивно использовать все возможности фирмы. «Тут очень важно наладить сотрудничество, — говорит Линда Хэйген. — Ведь во многих сферах деятельности компании — будь то исследование спроса, управление финансами или вопросы сбыта — имеешь дело с сотрудниками, которые вовсе тебе не подчинены». Кроме того, в ее работе необходимы знания в области экономики и психологии. «От управляющего требуется глубокое понимание запросов потребителя, — продолжает Линда, — а дело это сложное, зависящее от многочленов».

На работе гардероб Линды Хэйген отличается деловой аккуратностью — она носит готовые платья и костюмы неяркой расцветки, которые она заказывает по почте из одного из самых дорогих специализированных магазинов «Бергдорф Гудман»: ходить по магазинам она не любит. Свободное время Линда проводит на свежем воздухе. Лыжи и отлично пригнанные лыжные ботинки всегда стоят наготове за дверью ее кабинета, а у себя дома в Стэмфорде (Коннектикут) она держит пару лошадей. До или после работы ее часто можно увидеть в бриджах («у меня есть бриджи всех цветов») и скачущей на лошади по специально отведенным для верховой езды дорожкам.

Работа начинается в девять. Линда, тщательно причесанная, едет на работу на своей голубой спортивной машине. Это в 30 километрах от ее дома. В Уайт-Плейнсе (штат Нью-Йорк), где находится управление фирмой «Дженерал фудс», Линда ставит машину на стоянке у северного входа.

В ее небольшом кабинете (таких в полукруглом здании «Дженерал фудс» много) на стене в рамках висят гранки журнальных объявлений, рекламирующих три сорта кофе, выпущенных под маркой «Интернациональный кофе» — кофе-оле, кофе по-венски и швейцарский мокко. Банка стоит 1,39 доллара (из банки получается двадцать чашек).

Рабочий день прерывается телефонными звонками, заседаниями и неожи-

данными запросами. Недавно утром, Линда Хэйген занималась составлением плана рекламных затрат на кварталы будущего года, прикидывая количество потребителей, которых нужно охватить. Частью этой стратегии был план увеличения затрат на рекламу в случае появления на рынке конкурентного продукта. Сначала Линда зашла с кратким изложением дела к руководителю местного сбыта. Потом отправилась в отдел исследования спроса, чтобы узнать, как продаются данные сорта кофе в «испытательных» городах. Затем она решила свериться с графиком новой продукции в отделе обслуживания. В обеденный перерыв Линда обычно отправляется в кафетерий «Дженерал фудс», а когда есть время, то идет с другими управляющими производством в местный ресторан «Ле Шак». После обеда она напряженно работает еще пять часов, а перед уходом кладет в свой зеленый портфель несколько бумаг, чтобы просмотреть дома.

В манере поведения Линды Хэйген чувствуется уверенность и деловитость. Готовясь к поездке в Лос-Анджелес на съемки телерекламы кофе, она дает указания секретаршу: заказать место на рейс № 1 авиалинии TWA, вылет из аэропорта имени Кеннеди в 17.00 во вторник; забронировать номер на трое суток в отеле «Беверли-Хиллз»; в Нью-Йорк она возвратится ночным рейсом в 6.35 утра в субботу. С такой же предельной ясностью она просит коллегу Майка Палмера уточнить добавочные данные для прогноза прибыли. «От всех нас ожидается максимальная продуктивность», — говорит Палмер.

Несмотря на высокие темпы и напряжение, вызванные необходимостью уложиться в графики сбыта и доходов, Линда никогда не теряет ни присутствия духа, ни женственности. Внутреннее напряжение почти не прорывается наружу; его лишь изредка выдаст взмах руки во время разговора да еще привычка быстро тушить недокуренную сигарету — она выкуривает примерно 15 сигарет в день.

Два-три раза в неделю Линда покидает свой кабинет в Уайт-Плейнсе для встречи с представителями рекламы и промышленности, кроме того, она также читает лекции студентам, изучающим коммерцию. Во время одной из таких поездок Линда Хэйген и двое ее коллег приехали в Нью-Йорк посетить фирму «Янг и Рубикам» (рекламное агентство, ведущее дела «Интернационального кофе» и других отделов «Дженерал фудс»). Линда обсудила с представителями агентства график журнальной и телерекламы. Затем они побывали на просмотре новой тридцатисекундной

телерекламы с популярной актрисой Карол Лоуренс.

Как всегда, Линда Хэйген отвечала быстро и точно на вопросы, и на критические замечания по поводу рекламы. Когда ее начальник из «Максуэлл хаус» Джером Морриси спросил ее, почему на рекламу по телевидению идет 90 процентов бюджета, а не все сто, Линда ответила, что часть рекламного бюджета должна направляться в женские журналы для охвата потребителей с более высоким уровнем образования и дохода.

Вращаясь преимущественно в мужском мире, Линда не ощущает никакого неудобства. «Большинство мужчин как будто просто не замечают, что я женщина, — говорит она. — Правда, новички поначалу немного насторожены: думают, что я буду пускать в ход свои женские чары. Но скоро убеждаются, что это не так».

Линда работает в «Дженерал фудс» с 1970 года. Попала она сюда прямо после окончания Северо-Западного университета в Эванстоне (Иллинойс), где получила магистра делового администрирования. Среди различных фирм и компаний «Дженерал фудс» подходила ей больше всего. Ее привлекало особое место, занимаемое компанией в пищевой индустрии. Компания была шестой по производству пищевых продуктов в 1974 году, а стоимость проданных ею товаров за 1975 год превысила 3,7 миллиарда долларов. Многие из товаров, выпускавшихся компанией, пробились в бестселлеры, в том числе кофе «Максуэлл хаус» и «Санка», десерты «Джелл-о» и замороженные овощи «Бирдс-ай». Компания славится своим высоким уровнем техники сбыта.

Вначале Линда поступила в качестве стажера в отдел производства растворимого прохладительного напитка «Кул-эйд» с годовым окладом 14 000 долларов. Уильям Кораб, управляющий отделом производства, принял ее на работу прямо из университета. Тридцатилетний Кораб, ныне помощник директора планирования, вспоминает, что их первое собеседование произошло непосредственно после запрещения Федеральным правительством употребления цикламатов для искусственного подслащивания напитков. «Она сразу захватила инициативу и начала задавать мне вопросы о том, что собирается предпринять компания по поводу этого запрещения. Она, видимо, рассудила, что ей лучше самой задавать вопросы, чем предоставить эту возможность мне», — говорит он. (В дальнейшем компания, как и другие фирмы, перестала пользоваться цикламатами.)

Линда Хэйген отличилась при выполнении своего самого первого задания — анализа возможности приготовле-

Просмотр телерекламы с участием актрисы Кэрол Лоуренс.

ния растворимой смеси для лимонада, — проявив при этом завидную для новичка смекалку. Определяя причину успеха конкурирующего лимонада фирмы «Уайлдер», она установила, что все зависит от оптовых складок крупным магазинам, а также складок потребителям через газеты. В результате, вместо использования телевидения на первых стадиях рекламы, был использован метод складок. Коммерческий дебют лимонада «Кул-эйл» прошел успешно.

Инициатива такого рода не остается незамеченной. И в «Дженерал фудс», и в других компаниях высоко ценятся те управляющие, которые используют любую возможность в своем деле с молниеносной быстротой. Спустя пять месяцев после ее поступления Линду назначили помощником управляющего производством. В феврале 1971 года она перешла в отделение «Максузэлл хаус», где анализировала проблемы сбыта растворимого кофе.

В августе 1972 года она была переведена с повышением на должность заместителя управляющего в отдел «Интернациональ кофе». «Идея смешивать кофе с ароматизирующими компонентами существовала в компании по крайней мере в течение десяти лет, — говорит она, — но серьезные исследования и опыты начались только теперь. Мы пытались использовать чуть ли не все ароматические вещества, за исключением явно неподходящих, как например лакрица. В теперешнем виде эти сорта кофе вызывают ассоциацию с европейскими кафе-кондитерскими с послеобеденным приятным и неторопливым отдыхом за чашечкой ароматного кофе».

Линда Хэйген сыграла важную роль во всех стадиях развития производства

этих сортов кофе. За это время в ее отделе успело смениться три директора, поэтому, быть может, Линде и досталась наибольшая доля похвал за успех продукции. Когда сорта «Интернациональ кофе» были готовы к выпуску, Джером Морриси, бывший в то время ответственным за проект, посоветовал назначить ее старшей управляющей производством. «Только мы собрались ее повысить, — вспоминает Морриси, — как вдруг пришло извещение о новом заказе. Впрочем, ее повышение не было связано с этим заказом, она и без того уже созрела для должности управляющего производством, и мы решили доверить ей дело».

Несмотря на то, что интерес к изучению техники производства и торговли возник у Линды Хэйген только в колледже, она всегда считала, что ей необходимо приобрести специальность. «Я не собиралась выходить замуж и жить на средства мужа, — говорит она. — Я всегда хотела быть самостоятельной и независимой».

Она была единственным ребенком в семье. Детство свое Линда провела в Уэлсли (Массачусетс) и в северных пригородах Чикаго. Она была удивительно бойкой девчонкой, любила лазить по деревьям, кататься на лошадях и бегать с мальчишками. «Одно время, — вспоминает она, — я увлекалась коллекционированием змей. У меня было до пятнадцати ужей».

Поскольку она интересовалась животными, родители ей советовали стать ветеринаром или врачом. Отец ее, Билл Хэйген (которому сейчас пятьдесят четыре года), окончил физико-математический факультет и в настоящее время занимает пост президента небольшой компании (недалеко от Форт-

Уорта в Техасе), выпускающей ходильное оборудование. Ее дедушка, Гарольд Хэйген, тоже оказал влияние на Линду. Он преподавал машиностроение в Гарвардском университете, а в двадцатых годах спроектировал вентиляционную систему для туннеля, проходящего под рекой Гудзон и связывающего штаты Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Мать Линды не работала, занималась домашним хозяйством; в 1963 году она развелась с отцом Линды. Теперь она работает в районе Сан-Франциско в фирме, планирующей кухонное оборудование. Линда считает, что развод родителей — ей было тогда шестнадцать лет — заставил ее по-другому строить свою жизнь. Несмотря на то, что Линда хорошо училась и ни в чем не нуждалась, она бросила школу и пошла работать: сначала машинисткой в страховой компании за 56 долларов в неделю, затем агентом по найму рабочей силы в среднем за 100 долларов в неделю, потом секретаршей в небольшой маклерской фирме за 433 доллара в месяц. «Видимо, это было восстание ребенка против мира взрослых», — говорит ее отец.

Пропустив целый учебный год, Линда пришла к выводу, что на самом деле ей хочется заниматься тем, «чем занимается ее начальник или, по крайней мере, зарабатывать не меньше его». За четыре месяца она наверстала упущенное в школе и в июне 1965 года, к немалому удивлению ее знакомых, получила, вместе со своими одноклассниками, аттестат зрелости.

Учась на первом курсе в университете, она начала подумывать о карьере в области экономики. В 1966 году она вышла замуж за своего однокурсника Майка Дэнтмана.

Дэнтман, будучи офицером запаса ВМФ, должен был некоторое время прослужить на действительной службе. Его послали в Сан-Диего, где Линда стала посещать местный университет. К тому времени она уже твердо решила заниматься экономикой, возможно потому, что это была также и специальность Майка. Но брак распался после трех лет семейной жизни. Они развелись. Линда, начавшая вновь пользоваться своей девичьей фамилией, получила в 1968 году степень бакалавра в Университете Сан-Диего. После этого она продолжала образование в Северо-Западном университете.

У Линды — одной из трех женщин и восемнадцати мужчин, управляющих производством — большие возможности продвижения по службе. Компания традиционно благоволит к женщинам. Две из наиболее видных ее работников — женщины. Это тридцатисемилетняя Сандра Мейер, начальник планирования и сбыта в отделе сбыта, и пятидесятишестилетняя Маргарита Коль, вице-президент по делам потребителей. Овeta Кальп Хобби, бывший министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США — директор компании; до нее директором компании была Марджори Мерриветер Пост, чей отец С. В. Пост основал предшественника «Дженерал фудс» — «Постум компани».

Но Линда Хэйген оказалась пионером: стала первой женщиной, управляющей производством. «Если у нас и было предубеждение в отношении принятия женщин на работу в наш отдел, — говорит Билл Кораб, — то с появлением Линды оно исчезло полностью. К ней просто ни с какой стороны не придерешься».

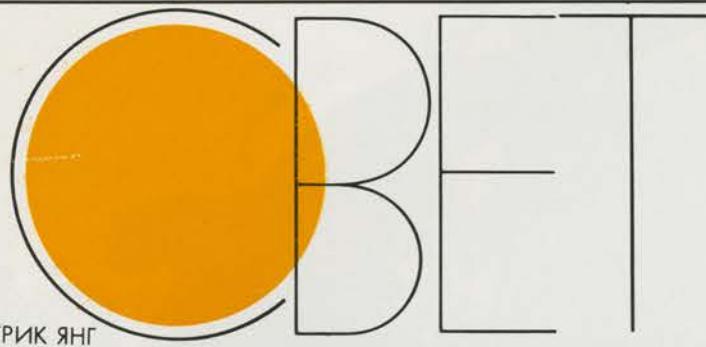
Парад зонтиков

ФОТО МАЙКА МИТЧЕЛЛА

B

наше время расцветка и фасоны зонтиков стали крайне разнообразны. Приобрести их можно в любом универмаге, но большой выбор зонтиков имеется и в других магазинах, включая аптеки, где для удобства покупателей их обычно располагают у самых дверей, чтобы в случае дожда они всегда оказывались под рукой. 1. Нейлоновый зонтик с геометрическим узором, 20 долл. 2. Одноцветный нейлоновый зонтик, 6 долл. 3. Нейлоновый зонтик крупного размера, 20 долл. 4. Рейоновый зонтик в белый горошек и с оборкой, 17 долл. 5. Зонтик для пассажиров авиакомпании «Истерн», в продаже имеется редко, прозрачные виниловые клинья чередуются с нейлоновыми. 6. Нейлоновый зонтик-трость, 10 долл. 7. Двухслойный нейлоновый зонтик, внешняя сторона одноцветная, внутренняя в цветочках, 10 долл. 8. Нейлоновый зонт крупных размеров с лозунгом «Пусть улыбка служит вам зонтиком» и улыбающейся рожицей, 18 долл. 9. Нейлоновый зонт с геометрическим узором, продаётся только в магазинах «Сакс», 20 долл. 10. Сверхкрупный нейлоновый зонт для игроков в гольф, 26 долл. 11. Зонтик-мельница из смеси хлопчатобумажной и синтетической тканей, крупного размера, 14 долл. 12. Крупный нейлоновый зонтик со словами популярной песенки «Пение под дождем», 18 долл. 13. Зонтик с рисунком «плетеная корзина», 18 долл. 14. Зонтик-мельница из нейлона для игроков в гольф, 18 долл.

ПАТРИК ЯНГ

ПРОТИВ НЕДУГА

С разрешения газеты «Нэшонал обзэрвер»

В кроватке под ярким светом десятилампового облучателя лежит пятидневный младенец. Он совершенно голый, только глаза его защищены повязками. Ребенок страдает желтухой новорожденных, которая при отсутствии лечения может вызвать серьезные повреждения головного мозга и даже смерть. Во избежание этого врачи Медицинского центра Лос-Анжелесского округа и Университета Южной Калифорнии круглые сутки облучают ребенка флуоресцентным светом.

Только в одной Америке такой высокоэффективной терапии ежегодно подвергаются около 300 000 новорожденных. Это прекрасный пример действенного использования света для лечения заболеваний. Можно привести еще ряд примеров, которые доказывают правоту исследователей, придающих важное значение светолечению.

На медицинском факультете Гарвардского университета д-р Джон Парриш и д-р Томас Фишпатрик разрабатывают метод лечения острых форм псориаза — частого хронического заболевания кожи. Они надеются, что уже в конце этого года закончат исследования. Врачи вводят пациенту препарат 8-метоксисоралена и через два-три часа подвергают больного воздействию ультрафиолетового света высокой интенсивности — то есть тех самых лучей, которые вызывают загар кожи. После первичного облучения 300 больных у 94 процентов псориаз полностью исчез, а при дальнейшем лечении кожа оставалась чистой в продолжение примерно 20 месяцев у 84 процентов больных.

Вирусологи Медицинского колледжа имени Байлора в Хьюстоне Джозеф Мельник и Крейг Уоллис изобрели способ применения флуоресцентного света и красящего вещества для борьбы с вирусом пузырчатого лишая. Два его вида вызывают ряд стойких заболеваний: губной лишай, кожные инфекции, кератит (воспаление роговой оболочки глаза, могущее повлечь за собой потерю зрения) и инфекцию половых органов (которая способна убить плод еще в утробе матери или привести к повреждению головного мозга ребенка). Наблюдается также и взаимосвязь между лишаем половых органов и раковым заболеванием шейки матки.

Научные исследования показывают, что использование красящего вещества (гематопорфирина) или его производных, в сочетании с облучением белым или флуоресцентным светом, может со временем оказаться очень полезным при диагнозе и лечении рака. Краситель сосредоточивается в раковых опухолях. Это делает их светочувствительными, вследствие чего раковые клетки в них при облучении погибают.

В Калифорнийском университете в Сан-Франциско д-р Айван Даймонд и его пять коллег стимулировали рак в лапках крыс. Затем они, дав животным гематопорфирин, подвергали крыс действию света.

«На ранней стадии нашей работы нам удалось уничтожить большую часть раковых клеток, но не все, так что через некоторое время опухоль снова начала разрастаться», — говорит сотрудник Даймона химик Антони Макдона. — В дальнейшем с помощью более сильного потока света нам удалось убить от 90 до 95 процентов раковых клеток. По-видимому, мы могли бы уничтожить всю опухоль». Но Макдона предупреждает, что лечение раковых опухолей у человека — пока еще вопрос будущего.

Однако, несмотря на свой большой потенциал, световая терапия, столь успешно используемая при лечении новорожденных, пока еще не может найти широкого практического применения. «Светолечение находится еще в стадии младенчества», — говорит биофизик Томас П. Вогл. — С медицинской точки зрения оно имеет огромный потенциал, но требует тщательного изучения для своего полного развития».

Светотерапия использует лазер, равно как и обычные лучи видимого и ультрафиолетового спектра. В тех случаях, когда применяются только световые лучи, как при лечении желтухи новорожденных, она называется фототерапией. А методика, использующая свет в сочетании с медикаментами или красящими веществами, называется фотохимической терапией.

Когда в 1960 году появился лазер, многие ученые отнеслись к нему весьма скептически. Если обычные источники света испускают волны различной длины («некогерентный» свет), то у луча лазера свет когерентный, имеющий единую длину волны. Офтальмологи пользуются лазерным лучом для «спаивания» разрывов сетчатки глаза, для предупреждения ее отслойки и устранения возникших в ней разного рода повреждений, а также для предотвращения слепоты или отстрочки ее наступления у диабетиков.

Авт. права: «Нэшонал обзэрвер», изд-во «Доу Джонс энд компани», 1976 г.

Разрабатываются и другие формы применения лазера при лечении глазных болезней. Офтальмолог Сидер-Синайского центра в Лос-Анжелесе д-р Роберт Эбрахам пользуется лазерным лучом для прокалывания мельчайших отверстий в глазу в целях отведения жидкости, быстро накапливающейся в глазном яблоке при одной из разновидностей глаукомы, могущей за сутки привести к полной потере зрения.

Поначалу казалось, что лазер может быть весьма полезным в терапии рака. Некоторые химические вещества в раковых клетках поглощают энергию лазерного излучения, в результате чего содержащаяся в клетке вода, нагреваясь, превращается в пар. Под давлением скопившегося пара клетка разрывается и гибнет. Однако в борьбе со злокачественными опухолями лазер на практике оказался малоэффективным.

Прежде всего, только некоторые виды рака поддаются его воздействию. Но даже и в этих случаях лазерные лучи полностью уничтожают лишь небольшие опухоли. Более всего обескураживает тот факт, что при разрыве опухоли — как это показывают опыты на животных — лазер может рассеять неповрежденные клетки, которые, в свою очередь, могут распространиться на другие части тела. Однако достигнутый в последние годы прогресс в лазерной технологии вновь пробудил интерес к использованию лазерного излучения при лечении рака.

Эксперименты, проводимые в Центре медицинских исследований в Пасадине (Калифорния), указывают на возможную эффективность лазерного облучения в сочетании с противораковой хими- или рентгенотерапией. «Однако нам не удалось вызвать у радиологов большого энтузиазма в отношении такого комбинированного метода лечения», — говорит сотрудник Центра медицинских исследований Доналл Э. Раундс, признанный авторитет в области использования лазеров.

Исследуются и другие возможности применения лучей лазера в лечебных целях. Хирурги изучают вопрос их использования при удалении миодалин и опухолей на голосовых связках, а также в качестве режущих инструментов для почти бескровных операций на различных органах тела. Лазеры используются в гинекологической хирургии, при лечении кровоизлияний язвы желудка и накожной язвы и, экспериментально, в зубоврачебных лабораториях для подготовки зуба к пломбированию и герметизации пломб в целях предотвращения возможного проникновения вызывающих процессы гниения кислот в полости между пломбой и зубом.

Действие лазерного облучения на организм хорошо изучено по сравнению с воздействием других световых лучей видимого и ультрафиолетового спектра. В связи с этим некоторые ученые, работающие над изысканием новых методов светолечения, обеспокоены тем, что вопрос о механизме действия света на человеческий организм еще далеко не ясен.

«Одна из причин настороженного отношения к фототерапии обуславливается следующим фактом: нам хорошо известно, что ни один препарат не был бы допущен на рынок, если бы его действие было нам столь же малоизвестно, как действие света. Именно это и вызывает у публики опасения», — говорит профессор медицинского факультета Университета Южной Калифорнии д-р Джоун Э. Ходжман.

Фототерапия явление не новое. Третья Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена датчанину Нильсу Р. Финзену в 1903 году за разработку способов применения световых лучей для предотвращения образования рябин при осипе и для лечения волчанки, одной из форм туберкулеза кожи.

Со временем эти методы были заменены другими более эффективными, и фототерапия стала уделом шарлатанов, бравшихся с помощью своих магических лучей предупреждать любые заболевания и лечить чуть ли не все болезни.

Весь раз фототерапией вновь начали заниматься в Англии при лечении младенцев. Все новорожденные в той или иной степени болеют желтухой. Печень у них при рождении еще недостаточно развита, и требуется несколько дней для того, чтобы их организм мог надлежащим образом освободиться от билирубина — желто-оранжевого выделения, образующегося при разрушении старых эритроцитов.

Механизм влияния света на понижение уровня билирубина врачам сегодня понятен в общих чертах, но не в деталях. Свет проходит через кожу, и в процессе ряда реакций его энергия расщепляет билирубин на легко выделяемые печенью ребенка частицы. Каким-то образом световые лучи также помогают недоразвитой печени выделять билирубин и нормальным путем.

В связи с широким распространением методов светолечения Национальный институт здравоохранения ребенка и физического развития человека выделил Медицинскому центру Лос-Анжелесского округа и Университету Южной Калифорнии 240 000 долларов на проведение двухгодичного исследования, во главе которого стоят д-р Ходжман и д-р П. Ву. В целях наиболее исчерпывающего поиска возможных пагубных последствий фототерапии эта работа может быть продолжена еще на пять лет.

Развитие методов лечения болезней светом, так же как и появление новых лечебных препаратов, сопровождается сомнениями в их безопасности и эффективности. Все эти сомнения вряд ли рассеются. «Мы до сих пор не знаем деталей о действии света на человеческий организм, — говорит Вогл. — Больше всего мы нуждаемся теперь в очень осторожном подходе к выяснению вопроса, что можно делать и чего делать нельзя».

ЯРМАРКА НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ ВО ФРЕДЕРИКЕ

Фото Гэри Пергла

Безоблачный солнечный день, легкий ветерок не-
много сбивает жару. Где-то слышится музыка:
веселым звукам банджо ловко вторит гитара. В
воздухе носятся ароматы копченой ветчины,
свежеиспеченных пирогов, воздушной кукурузы и
сосисок. Самое подходящее время посетить мэри-
лендский городок Фредерик, что в 45 минутах
езды от Вашингтона, ибо здесь можно насладиться
замечательно красочным зрелищем — ярмаркой народных ремесел. «Нам удивительно повезло с погодой, — говорит директор
ярмарки Ноэл Кларк, — над нами словно повис волшебный кол-
пак, сделанный искусными руками гончара».

Это уже вторая ярмарка во Фредерике, и в этом году она привлекла больше участников чем в прошлый раз. Сюда приехали даже ремесленники из далекой Калифорнии. Любителей здесь не было — одни профессионалы. Участвовать в ярмарке изъявили желание 1300 мастеров из 37 штатов. Из них жюри отобрало пятьсот, чьи работы экспонировались на выставке пло-
щадью в 14 200 кв. метров. Здесь были работы представителей самых различных ремесел: ткачей, кожевенников, столяров-краснодеревцев, кузнецов, ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров, гончаров, стеклодувов, резчиков по кости, мастеров игрушек и музыкальных инструментов и т.д. и т.п.

Ярмарка народных ремесел во Фредерике по своим масштабам самая крупная в Соединенных Штатах, однако далеко не единственная. По данным Американского союза ремесел, в стране ежегодно устраивается до 350 подобных ярмарок, которые обычно проводятся в летние и осенние месяцы.

Первые три дня ярмарку во Фредерике посещают оптовики, они делают выбор товаров для своих лавок или универсальных магазинов. Публику начинают привлекать на выставку в последние три дня, причем за вход со взрослых взимают 2,5 доллара. «Ярмарка предоставляет нам, молодым кустарям, возможность показать себя, а также сравнить свой товар с работами других мастеров и установить, какие предметы пользуются наибольшим спросом», — говорит Тру Беннет, мастер из Виенны в соседней Вирджинии.

Публика, посещающая такие ярмарки, может здесь помимо эстетического наслаждения, также приятно провести время, послушать народные песни, кое-что купить для себя. И каждый получает прекрасную возможность поближе познакомиться с кустарными ремеслами.

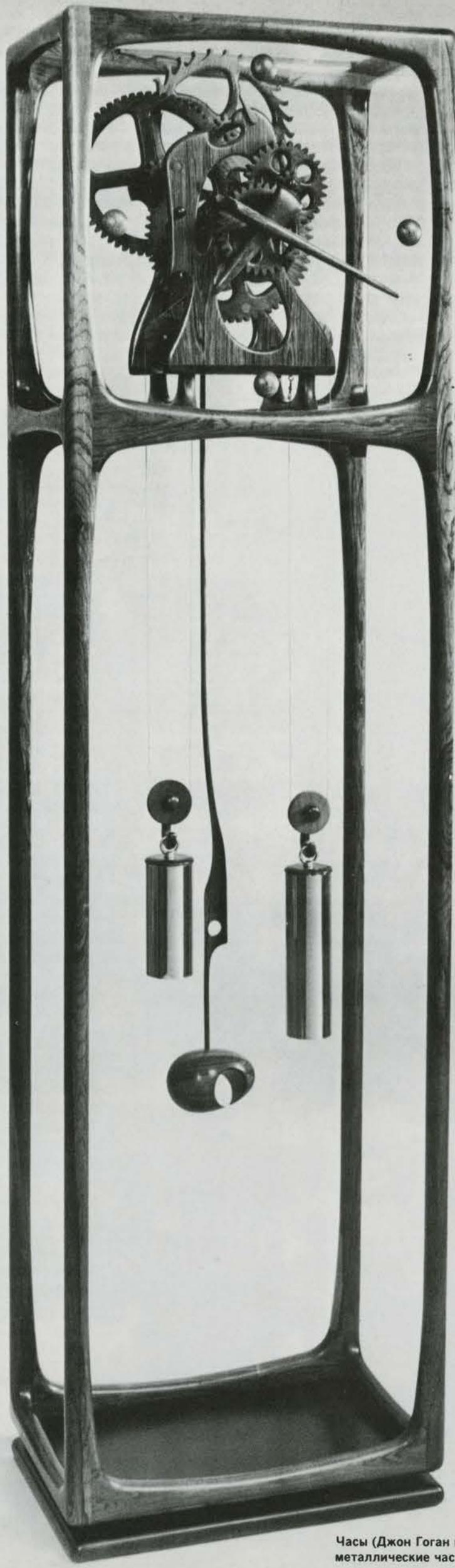
Популярность ярмарки во Фредерике свидетельствует о большом интересе публики к кустарному искусству, которое поражает не только своей красотой, но и практичностью, ибо, как сказал писатель Джемс Даниэл, «нас привлекает ремесло, которое таит в себе не только народное умение, но и традиционный народный дух».

АМЕРИКАНСКОЕ

**рукаами
шемендер**

КУСТАРНОЕ ИСКУССТВО

В отличие от кустарного искусства, произведения которого изготавливаются в одном-единственном экземпляре, экспонаты выставки «Кустарные серии», устроенной в washingtonской художественной галерее «Ренуик», с самого начала были предназначены для репродукции в большом количестве и для продажи. Идея выставки была показать хорошо спроектированные и хорошо выполненные предметы, созданные умельцами в количестве, по меньшей мере, десяти экземпляров и совмещающие в себе очарование индивидуального творчества с практической полезностью.

В результате получилась живописная коллекция из 130 изделий 126 кустарей, отобранных из 2300 представленных предметов. Выставка охватывала большое разнообразие стилей, от вещей традиционного типа, весьма популярных и в наши дни, до более современных форм.

Большинство кустарей участников выставки не старше 35 лет, почти половина из них живет от продажи своих изделий и больше половины проживает в сельской местности. Чаще всего они пользуются традиционными материалами — глиной, тканями, стеклом, металлом, деревом. Некоторые работают в одиночку, другие с помощниками; одни работают только вручную, другие пользуются и машинами. Выставка, открытая в июле 1975 года, сейчас находится в трехлетнем турне по 21 городу Соединенных Штатов.

Зачем же с таким трудом изготавливать вручную функциональные предметы, которые можно гораздо дешевле и быстрее сделать фабричным способом? На это дает ответ столяр-краснодеревщик Шиничи Мизаяки: «Когда искусство ремесленника прилагается к правильным материалам, получается уникальное художественное произведение, какого нельзя достигнуть в массовой продукции. И когда мы употребляем такие предметы, творческая радость ремесленника передается в какой-то мере и нам, и мы ее разделяем»

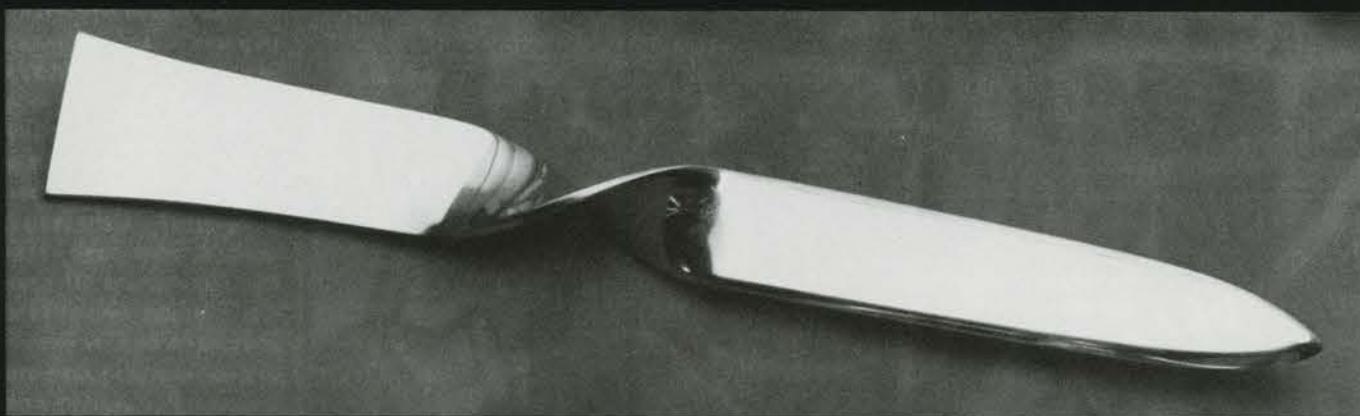
На этой и последующих страницах читатель увидит некоторые из экспонатов выставки «Кустарные серии».

Часы (Джон Гоган из Калифорнии); красное дерево, стекло, нержавеющая сталь, металлические части; ручная и машинная работа, 175 см. Цена: 3250 долларов.

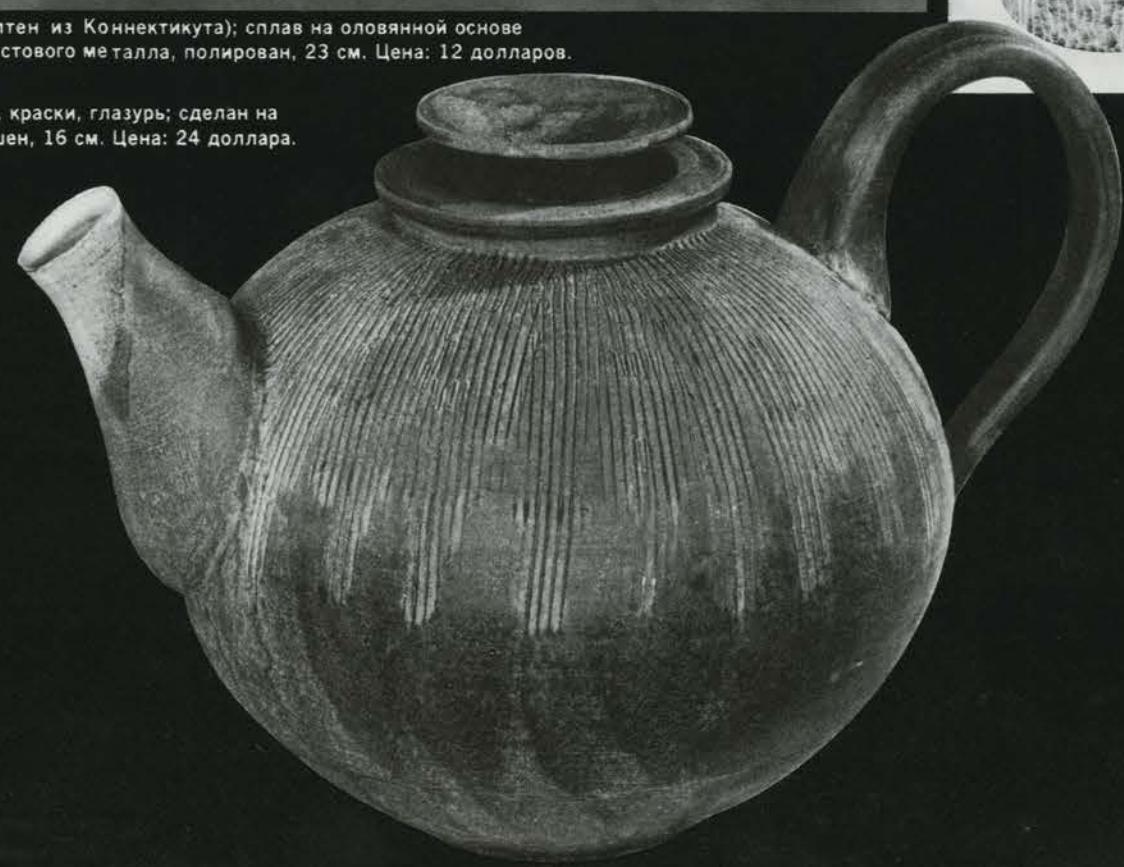
Подушка (Элизабет Геррир из Нью-Хэмпшира); муслин, вата, шерсть ангорской козы, полизэфир, 41 см. Цена: 96 долларов.

Пивная кружка (Уильям Бернштайн из Северной Каролины); окрашенное стекло, 20 см. Цена: 24 доллара.

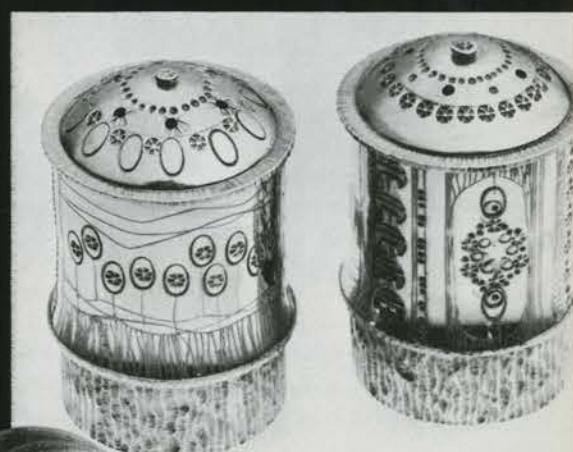

Разрезной нож для писем (Франсес Фелтен из Коннектикута); сплав на оловянной основе без примеси свинца, сделан вручную из листового металла, полирован, 23 см. Цена: 12 долларов.

Чайник (Раньяр Несс из Нью-Йорка); глина, краски, глазурь; сделан на гончарном круге, покрыт рубчиками, окрашен, 16 см. Цена: 24 доллара.

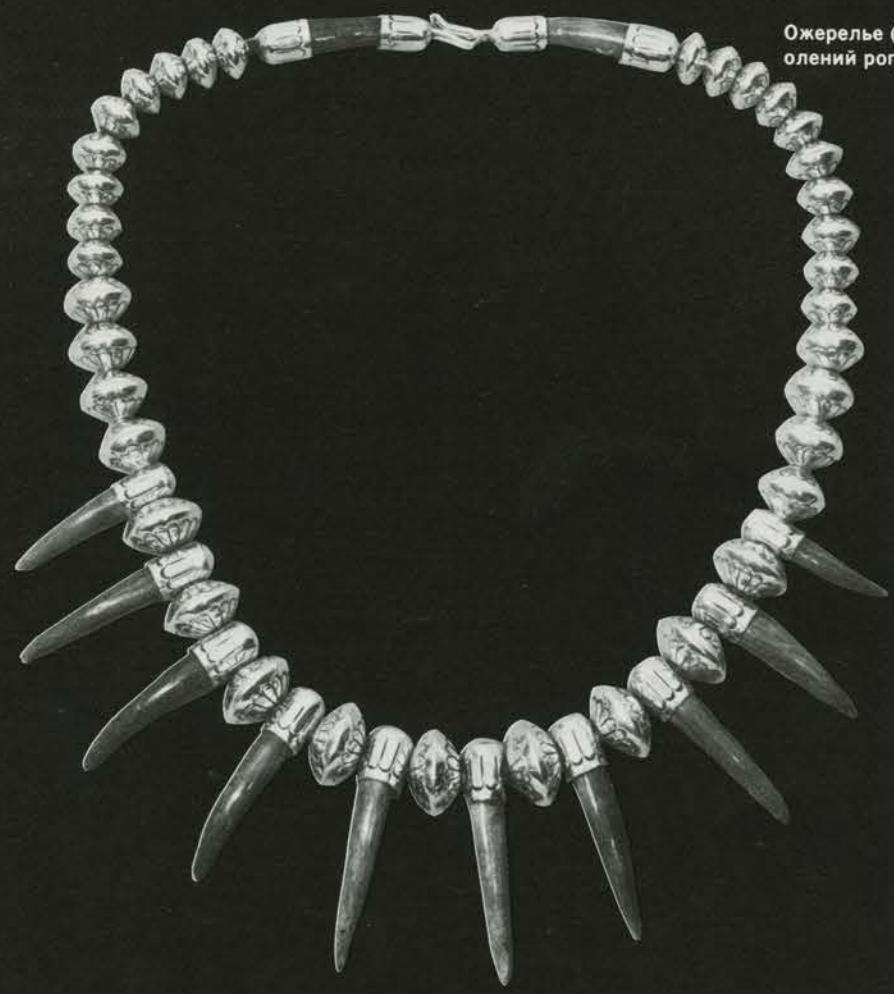
Солонка и перечница (Джоэл Баньян из Массачусетса); серебро, 5 см. Цена: 150 долларов.

Письменный стол (Артур Карпентер из Калифорнии); орех, вишневое дерево, черное дерево; ручная и механическая обработка, 98 см. Цена: 1750 долларов.

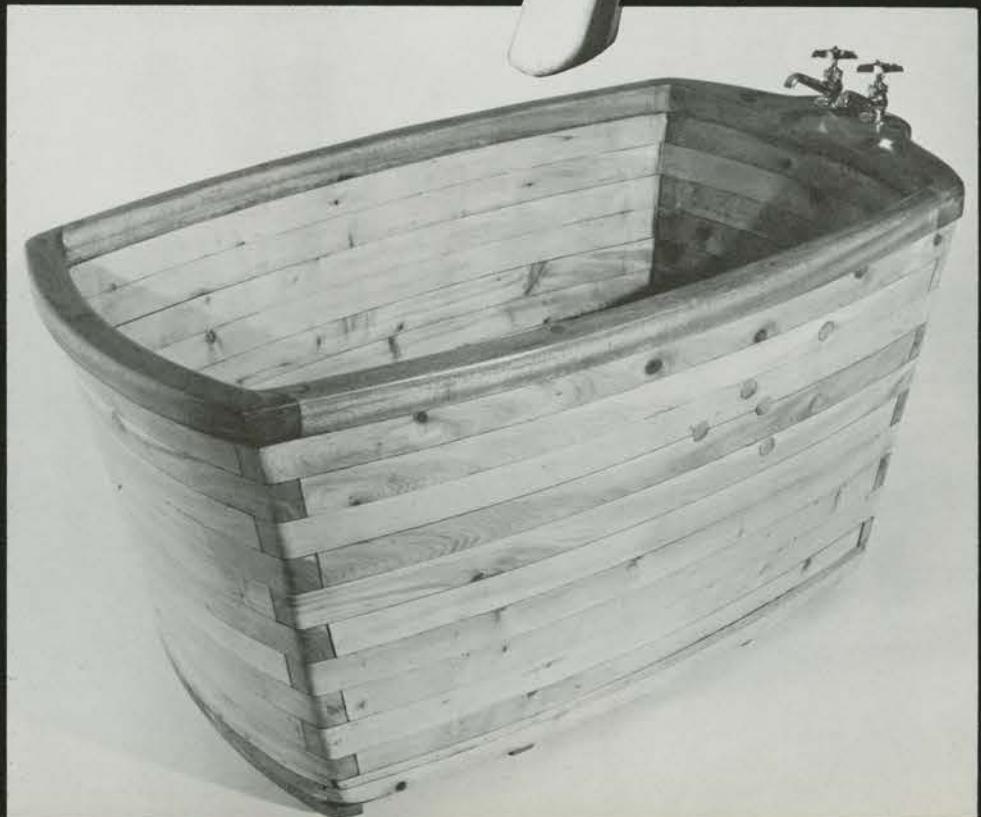

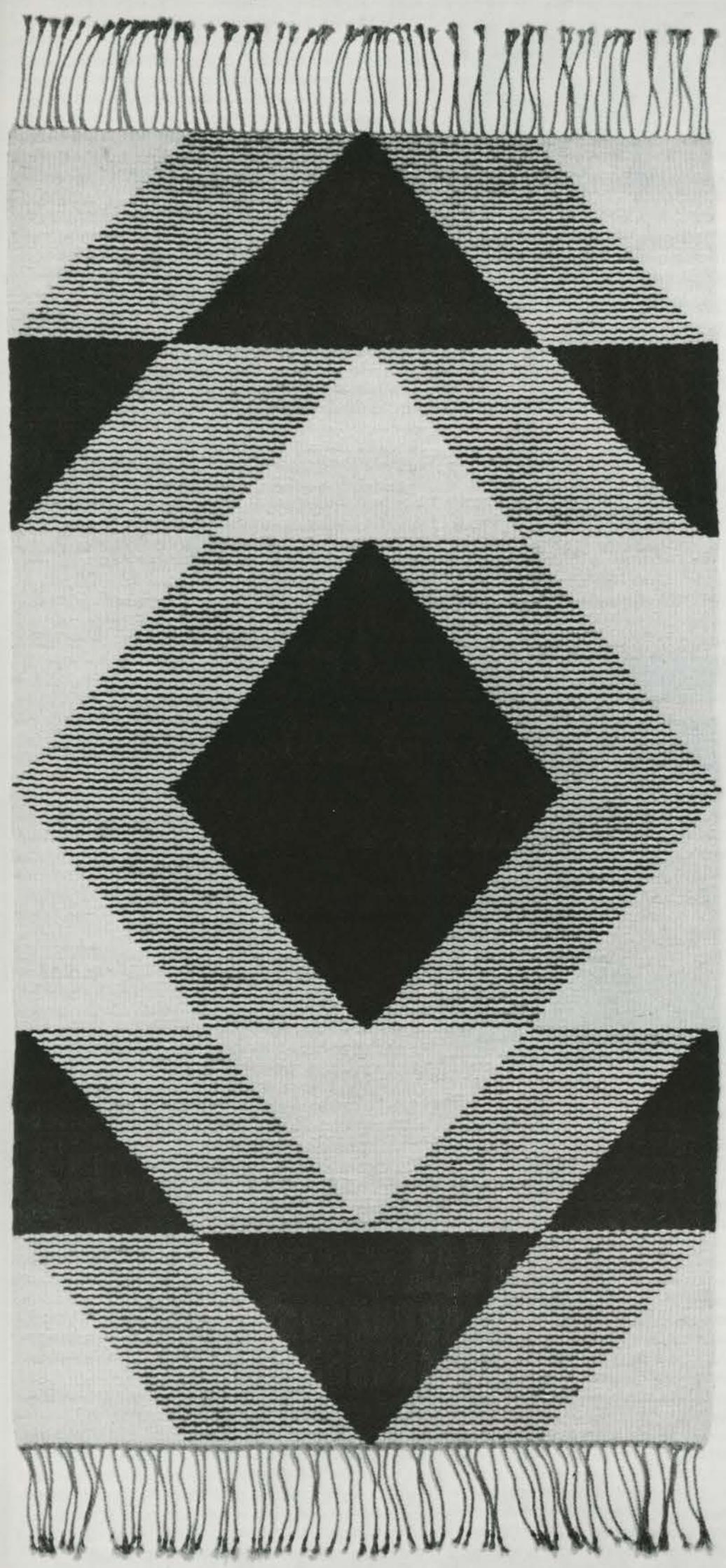
Ожерелье (Уэлдон Марчант из Техаса); серебро, олений рог, кожа, 63 см. Цена: 750 долларов.

Ванна (Марк Болдуин из Мэна); кедр, орех, хромовая арматура, 60 x 130 x 75 см. Цена:

675 долларов.

Коврик (Джейн Бусс из Охайо); ткань из некрашеной шерсти на льняной основе, ручного ткачества, с бахромой, 213 x 100 см. Цена: 415 долларов.

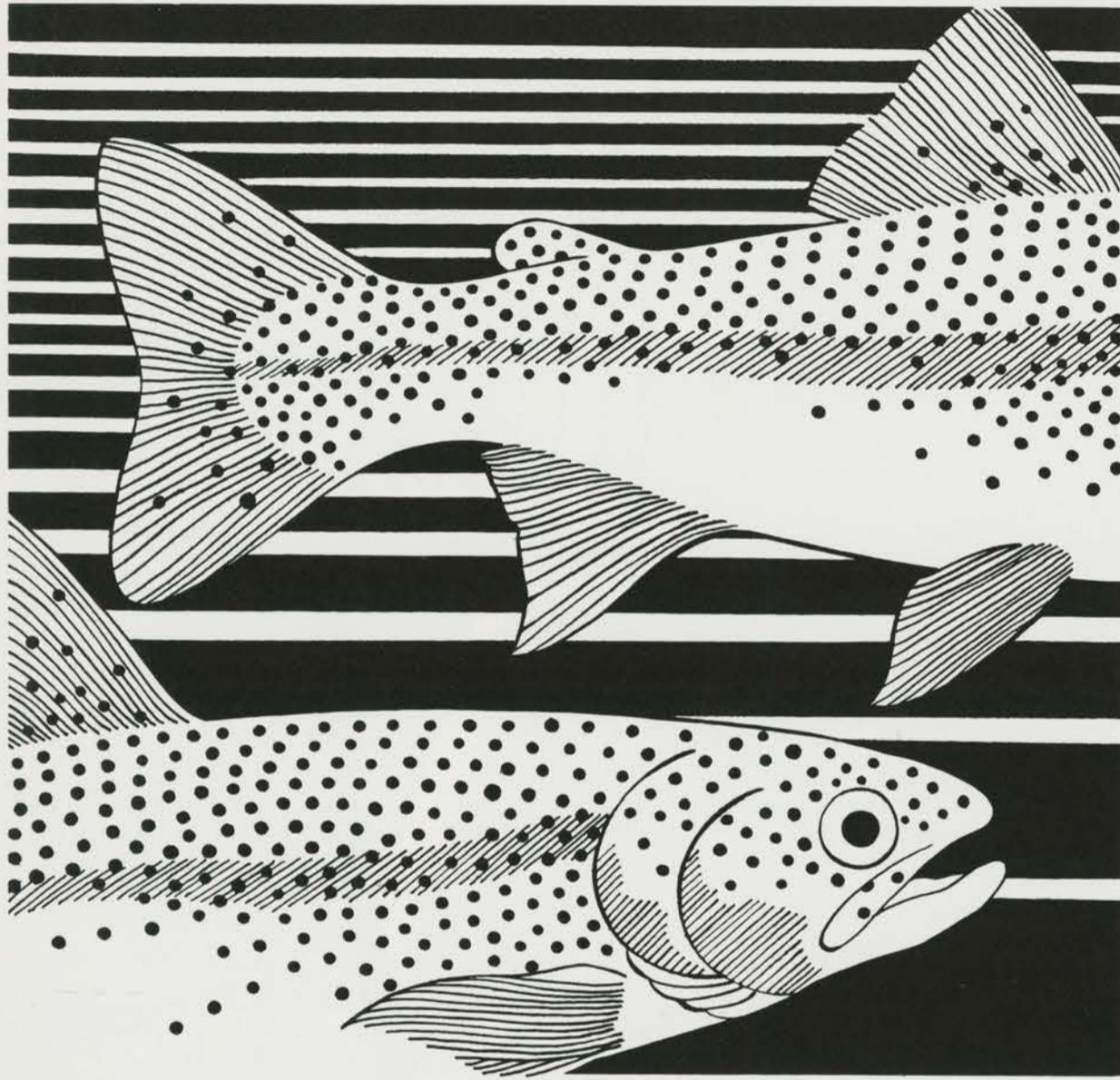

Доска для резания и совочек (Эмиль Милан из Пенсильвании); твердый клен, ручная и механическая работа, 51 x 29 см. Цена: 120 долларов.

Политр (Ричард Р. Джон из Калифорнии); черный орех, черное дерево, на шпунтах; ручная и механическая работа, 111 x 49 x 32 см. Цена: 450 долларов.

ВЕСЕННЯЯ РЫБАЛКА

Форель манит

ЛЕНАРД М. РАЙТ С разрешения журнала «Нью-Йорк таймс магазин». РИС. БАРБАРЫ АЛУ

Когда Т. С. Элиот жаловался, что «апрель — самый жестокий месяц», он, возможно, угодил любителям поэзии, но несомненно привел в негодование ловцов форели. И в Европе, и в Америке апрель означает долгожданное открытие рыболовного сезона на форель; в эту пору живительные соки снова начинают струиться по жилам ловцов форели, как поднимаются весенние токи в стволах деревьев. Почти никем не замеченная толпа трясущихся от холода уличных мальчишек и деревенских бездельников, забрасывающих червяки в ручьи и реки этими ранними весенними днями, и есть головной отряд армии серьезных любителей ловли на искусственную мушку.

Возможно, «серьезный» — слабое слово, чтобы описать ту одержимость рыбной ловли нахлыстом, которой охвачены ловцы форели. Страстный игрок в гольф может потратить часы, отрабатывая за спиной замах клюшкой или некоторые другие технические приемы. Но слышали ли вы когда-либо об игроке, который создает экспериментальный мяч для гольфа? Изобретает новый вид клюшки? Сосредоточенно изучает рефераты о сортах трав и химическом составе песка? Или о доморощенном спеле, изучившем все об отводе грунтовых вод и перемещении воз-

душных потоков лишь ради того, чтобы усовершенствовать свою игру? Даже известный гольфист Джек Никлас не заходит так далеко. Однако, это почти именно то, чем занимаются некоторые любители искусственной мушки (по аналогии, конечно), когда их обуревает страсть к рыбалке.

Естественно, не все, кто ловит форель, впадают в эту крайность. Некоторые следуют с банкой червей за грузовиками, развозящими по ручьям выросшую в прудовых хозяйствах форель, в надежде поймать достаточно количество вялых, «полунастоящих» рыбешек, чтобы оправдать стоимость рыболовной лицензии. Другие гонятся за добычей покрупнее, и поэтому в разгар лета направляются в Арктику, где ловят здоровенных рыб в таких количествах, что их как дрова можно складывать в штабеля. Но адепты искусственной мушки склонны оставаться вблизи дома и на сильно облавливаемых речушках сдавать экзамен на «аттестат зрелости», который принимает у них умудренная опытом и видавшая виды форель.

Нетрудно опознать одного из таких страстных рыболовов (значительно реже поражены этой болезнью жены). Рыбаки с приманкой на крючке и спиннингисты жмутся к берегу; на них резиновые сапоги до бедра. Но если вы увидите в эти дни фигуру посреди ручья или речки, одетую во что-то похожее на нижнюю часть водолазного костюма, — значит, вы нашли того, кого ищете. Он со свистом рассекает воздух сверкаю-

шим удилищем, стелет толстую лесу на воду, ждет несколько мгновений или чуть дольше — и снова и снова повторяет этот процесс.

Наблюдая довольно долго с места или следуя за ним черепашьим шагом вдоль ручья, вы, возможно, действительно увидите, как он вытаскивает рыбку, — чуть-чуть крупнее сардинки. Невероятно осторожно он отпустит ее на волю — и потом начнет свой ритмичный ритуал сначала. Нужно выстрелить из пушки, чтобы он заметил ваше присутствие. Он слишком поглощен своим занятием, чтобы глядеть по сторонам. Одновременно он выполняет по крайней мере четыре ритуальных движения.

Во-первых, ему приходится передвигаться в коварной среде. Течение может быть очень быстрым, а покрытые водорослями камни скользкими, как банановая кожура. Один неверный шаг — и он может с головой уйти под воду или того хуже.

Во-вторых, он должен постоянно оценивать течения и глубины, чтобы предугадать, где стоит рыба покрупнее. Форель становится мелководья и предпочитает держаться под каким-нибудь укрытием, вроде нависшего камня, где есть шанс чем-нибудь поживиться. Так как она зависит от бесконечной «поточной линии» реки, несущей еду, крупная форель стремится занять позицию под узиной, нередко полуметровой ширины, в которую вместе с пищей устремляется вода со значительно более широкого участка ручья.

В-третьих, он должен все время угадывать по всяким признакам, какого типа, размера и цвета мушку предпочитает форель. Иногда форель берет только ту пищу, что плывет под водой, а иногда — плывущую по поверхности. Выбор искусственной мушки часто зависит от тех насекомых, которых рыболов видит в воздухе, на воде или в тенетах паука, но бывает, что он должен быстро сменить мушку, если появится другой превалирующий вид насекомых.

И последнее: он должен преподнести форели свою мушку как можно натуральнее. Подвести ее поверху к лежке форели не так-то просто, особенно при изменчивом течении, которое, то ускоряя, то замедляя свой бег, часто подхватывает и уносит мушку далеко в сторону.

Удивительно, но вываживание рыбы на берег (главное событие в ужении крупной рыбы) — самая легкая часть ловли форелей. Эксперты знают, что какой-то процент рыбы сорвается с крючка, как бы осторожно ее ни вываживали. Многие не берут с собой подсачка и пользуются лишь безбородковым крючком, с которого рыбу можно освободить, не дотрагиваясь до ее руками и не причиняя ей повреждений.

Обмануть несколько рыбешек, стоящих по сравнению со многими другими рыбами на низших ступеньках эволюционной лестницы, может показаться недостойным внимания взрослого человека. Но на протяжении всей рыболовной истории форель привлекала к себе внимание человека больше, чем любая другая рыба.

Очевидно, форель эволюционировала весьма недавно — в течение ледниковых периодов — и выжила в зоне вечной мерзлоты благодаря редкой способности процветать в любой воде — пресной или соленой. После периода таяния ледников форель возвратилась в пресную воду, расселившись в холодных водоемах Северного полушария и постепенно образовав несколько подвидов.

Наибольший интерес для американских рыболовов-спортсменов представляют радужная форель Западного побережья, восточная ручьевая форель и кумжа, завезенная из Европы. Тогда как эти форели определенно выглядят по-разному, между ними есть одно общее: возможный недостаток умственных способностей у них с лихвой восполняется пугливостью и разборчивостью в еде.

Эта пугливость — инстинктивное чувство всех рожденных в естественных условиях форелей (чего нельзя сказать о выращенных в прудовых хозяйствах) — доходит до психоза с началом рыболовного сезона, когда ручьи становятся мельче и прозрачнее. Вскоре форель, пережившую день открытия рыболовного сезона, так загоняют и запугивают (да еще не раз поденут на крючок), что ее нервы будут напряжены сильнее, чем у примадонны перед премьерой.

Затем, как уже говорилось, форель очень разборчива в еде. Если бы она хватала что попало, ей давно бы пришел конец от пресыщения грубой пищей. Ведь с каждым съедобным насекомым, попавшим в воду, ручей несет над форелью энное количество ягод, веточек, сосновых игл, кусочков листьев и прочих аппетитных на вид частич. Форель безошибочно отделяет плевелы от пшеницы.

Форель отличается от других объектов спортивного рыболовства тем, что до самой старости она питается главным образом мелкими насекомыми, в том числе упавшими случайно в воду муравьями, жуками и червячками. Не отказывается она и от мелких рыбешек и раков, однако основной пищей ей служат личинки комаров и кровососных москитов северных лесов — бича животных и человека.

К основным видам пищи форелей относятся также безобидные поденки, ручейники и веснянки. Большую часть своей жизни они проводят на дне водных потоков в виде невзрачных личинок, которые дышат трахейными жабрами и пытаются разлагающимися остатками водных растений и илом. В последние часы жизни они всплывают на поверхность, быстро превращаются в тонкокрылых, дышащих воздухом насекомых, спариваются и вскоре умирают. В эту пору форель их любит больше всего.

Когда форель кормится этими насекомыми, она редко проявляет интерес к червям или мелкой рыбешке. Насекомые богаче жирами и поэтому вкуснее и питательнее. Также, поскольку насекомые данного вида обычно выводятся сразу в больших количествах, рыба быстро привыкает к их размерам и цвету и обычно пренебрегает искусственной мушкой, если та больше, темнее или гуще.

Для того, чтобы подобрать в этот период нужную приманку, приходится таскать с собой сотни образцов искусственных мушек, и большинство заядлых рыболовов отправляются на ловлю с таким количеством набитых мушками металлических коробочек, что под их тяжестью не мудрено пойти ко дну. Некоторые берут с собой клочки меха и перья, чтобы на месте изготовить нужный вариант мушки. Все это может показаться излишним. Не проще ли, казалось бы, поймать несколько живых экземпляров изобильных в данную пору насекомых и наживлять ими крючок. Но это тоже не сработает. Насекомое, размером до полутора миллиметров, чрезвычайно нежно. Насадите его даже на самый маленький крючок — и от него останется лишь одно воспоминание.

Вот почему, возможно, более двадцати столетий назад и были изобретены искусственные мушки. Римский софист Элиан описал во II веке н. э., как Македонцы ловят в ручьях крапчатую рыбку на крючок с перышком, взятым из-под петушины бородки. Элиан нигде не упоминает, что это был новый способ ловли.

По сей день самым лучшим материалом для изготовления искусственных мушек остаются длинные, особой упругости перья с гривы петуха; но их все труднее и труднее достать. Большинство петухов попадают на полки продуктовых универсамов задолго до того, как они вырастут и оденутся яркими перьями зреющей птицы. В результате этого большинство искусственных мушек, продающихся в хозяйственных и спортивных магазинах, изготовлены из перьев сомнительного качества.

Поэтому новоиспеченный энтузиаст ловли форелей предпочитает сам добывать нужный материал и изготавливать из него мушки собственными силами, делая этим первый гигантский шаг к успеху. Техника изготовления искусственных мушек удивительно проста. Если вы умеете завязывать шнурки своих ботинок, значит вы можете наладить производство отличных мушек за несколько недель или, самое большое, месяцев. Но где найти первоклассный материал? Человек рыскает по птичьим рынкам, высматривает фермерские дворы и, зевая, просиживает на петушиных боях в надежде поживиться павшим бойцом. Не исключено даже, что он заплатит фермеру, чтобы тот вырастил для него несколько петухов.

Вот эта-то искусственная мушка — неважно, самодельная или купленная в магазине, — а в особенности ее размер, и определяет остальные снасти. Так как излюбленное «блюдо» форели — предмет довольно мелкий, поэтому преподносить его рыбе нужно на тонкой прозрачной жилке, называемой поводком. Длиной от трех до пяти метров, поводок сделан из прозрачной конической нейлоновой нити толщиной

на конце с человеческий волос (0,007 миллиметра в диаметре). Такая леса может порваться при длительной нагрузке в неполный фунт — и это до того, как ее ослабят узлы крепления мушки.

И действительно, этой слабой нити полагалось бы неизменно рваться при подсечке и вываживании сопротивляющейся рыбы, если бы не упругость и гибкость удилища и умение ловца позволить рыбе смотреть на катушки леску в момент ее сильного натяжения.

Обычно удилища бывают длиной от двух до неполных трех метров и весят 85-115 граммов, иногда меньше, но несмотря на это они позволяют забрасывать лесу на 20 и более метров. В них заключена скрытая сила, и опытные рыболовы вываживали этой легкой форелевой удочкой чуть ли не пудовых атлантических лососей. Такое удилище, сделанное на заказ из расщепленного и склеенного бамбука высоквалифицированным мастером, может стоить от двухсот до пятисот с лишним долларов, и владелец испытанного удилища ценит его как скрипач своей страдивариус.

Но попадаются рыболовы, которым приходится не по вкусу любое удилище, сколько бы оно ни стоило. Такие сами расщепляют бамбуковый хлыст и вручную выстругивают гранки, придавая им в поперечном сечении форму идеального равностороннего треугольника. Шесть таких гранок, склеенных специальным водостойким kleem, образуют совершенное шестиугольное нахлыстовое удилище — прочное, упругое и гибкое благодаря своей многослойной конструкции. Если же принять во внимание, что каждая гранка каждого колена (а удилища их три или четыре) должна по всей своей длине сопрягаться с другими пятью с допуском до тысячной доли миллиметра, то вы поймете, каким тяжелым может быть этот труд.

Если вы думаете, что такой фанатик ловли рыбы нахлыстом достиг последней стадии безумия, то помните: пока что он снарядился лишь техническими средствами лова форели. Большинство заядлых рыболовов ведут подробный дневник собственных впечатлений на речных потоках, записывая уровни воды и ее температуру, состояние погоды, поведение насекомых и рыбы. Впоследствии записи анализируются и используются как справочный материал. Кроме того, все жаждут поглощают книги о рыбной ловле, а после закрытия сезона собираются группами и обмениваются информацией и опытом.

Просматривают они также всякого рода научные рефераты, ибо, чтобы глубже познать жизнь и повадки форели и насекомых, которыми она кормится, нужно заглянуть в гидробиологию и энтомологию. Изготовление мушек, сортирование перьев и выращивание петухов приводят к орнитологии, птицеводству и генетике. Чтобы побольше узнать о любимом ручье и повысить его производительность, нужно кое-что прочесть по экологии, химии воды, ботанике, геологии, гидродинамике и лесоводству, не говоря уже о прочих смежных отраслях знаний.

Действительно ли все это доставляет удовольствие? И что на самом деле чувствует ловец форелей во время рыбаки? В чем его духовное вознаграждение? Ответ на эти вопросы так же труден, как описание первой любви. Очевидно, настоящее чувство не поддается описанию.

Чтобы рассказать о прелестях ловли форелей лучше всего, пожалуй, перечислить то, чего в этой ловле нет. Прежде всего, ее даже трудно назвать спортом. Здесь нет ни победителя, ни побежденных. Нет спайки спортивного клуба. Не ведется счета очков и даже не берутся трофеи. Настоящий ловец, даже если он и без ума от жареной форели, считает ее слишком ценной рыбой, чтобы лишать жизни, и бережно отпускает с крючка на волю в надежде побороться с ней в другой раз. Таким образом, единственное доказательство их рыболовной доблести — эта пара пахнущих рыбой рук.

Здесь нет ни точки высшего напряжения, ни «момента истины». Высшее удовлетворение наступает тогда, когда крепкая форель берет искусно заброшенную мушку, а не тогда, когда обессиленная рыба лежит в сачке. Этот вид рыбной ловли нечто большее, чем изучение природы, но нечто меньшее, чем охота.

Главная привлекательность ловли, по-видимому, в том, что в ней человек ощущает непосредственную близость к природе.

Можно было бы ожидать, что это увлечение охватывает только людей с легко определяемой характеристикой. Но это не совсем так. Ловцы форели нахлыстом — разношерстная компания всех возрастов и образов жизни. Неожиданное их число, однако, связано с профессиями, требующими от них долгого рабочего дня с предельной нагрузкой. Так, среди них большое количество врачей; увлекались ловлей два Президента — Герберт Гувер и Дуайт Эйзенхаузэр. Возможно, разгадка здесь в том, что ловля форели на мушку настолько всепоглощающа, что она отгоняет всякие житейские заботы и назойливые мысли, по крайней мере на время процесса самой рыбаки.

И пусть упомянутое ранее 500-долларовое удилище никого не смущает и не заставляет думать, что ловля форели доступна лишь состоятельным людям. Такое удилище — предел, до которого ловец форели может быть искушен; прекрасное удилище можно приобрести за долю этой суммы. Ныне ловля нахлыстом полностью демократизирована, хотя так было не всегда. Лет шестьдесят-семидесят назад это действительно был спорт снобов, привилегия «рыцарей сухой мушки», стоявших на верхней ступеньке рыболовной лестницы. В Англии, в начале этого столетия, снобизм этот достиг таких пределов, что джентльменов запросто выбрасывали из аристократических и дорогих рыболовных клубов лишь за то, что они осмеливались ловить форель на «мокрую», то есть уходящую в средние слои воды мушку.

За шестьдесят с лишним лет, выдавших две мировые войны, ловля форелей на мушку перестала быть привилегией снобов. Нынче мокрые мушки, особенно имитации некоторых личинок, приемлемы даже на наиболее свято чтимых водоемах. Более того, теперь считают, что, по сравнению с сухой мушкой, ловля на мокрую — искусство куда более тонкое. Рыбная ловля на живую приманку по-прежнему рассматривается неодобрительно, потому что она связана с уничтожением большого количества мальков, но зато вы можете применять любую искусственную мушку, ловить любым способом, как угодно и где угодно, не вызывая косых взглядов.

Хотя ловля форели и перестала быть достоянием богатых людей и снобов, тем не менее о ней по-прежнему много пишут. Из-под пера любителей ловли на искусственную мушку выходит множество отличных книг. Очевидно, их авторы горят желанием воодушевить других, поделиться с ними своим опытом.

По-прежнему жалуясь на «перепроизводство» рыболовов, авторы, тем не менее, с неумной страстью пропагандируют прелести ловли форелей, хотя в стране уже насчитывается около 45 миллионов ловцов форели. По-видимому, вечно хвалять и рекламировать свой спорт — в натуре рыболова, хотя в то же время он косится на своего собрата, стоящего рядом с удочкой. Томас Бастард, поэт елизаветинских времен, оставил нам такой горький комментарий:

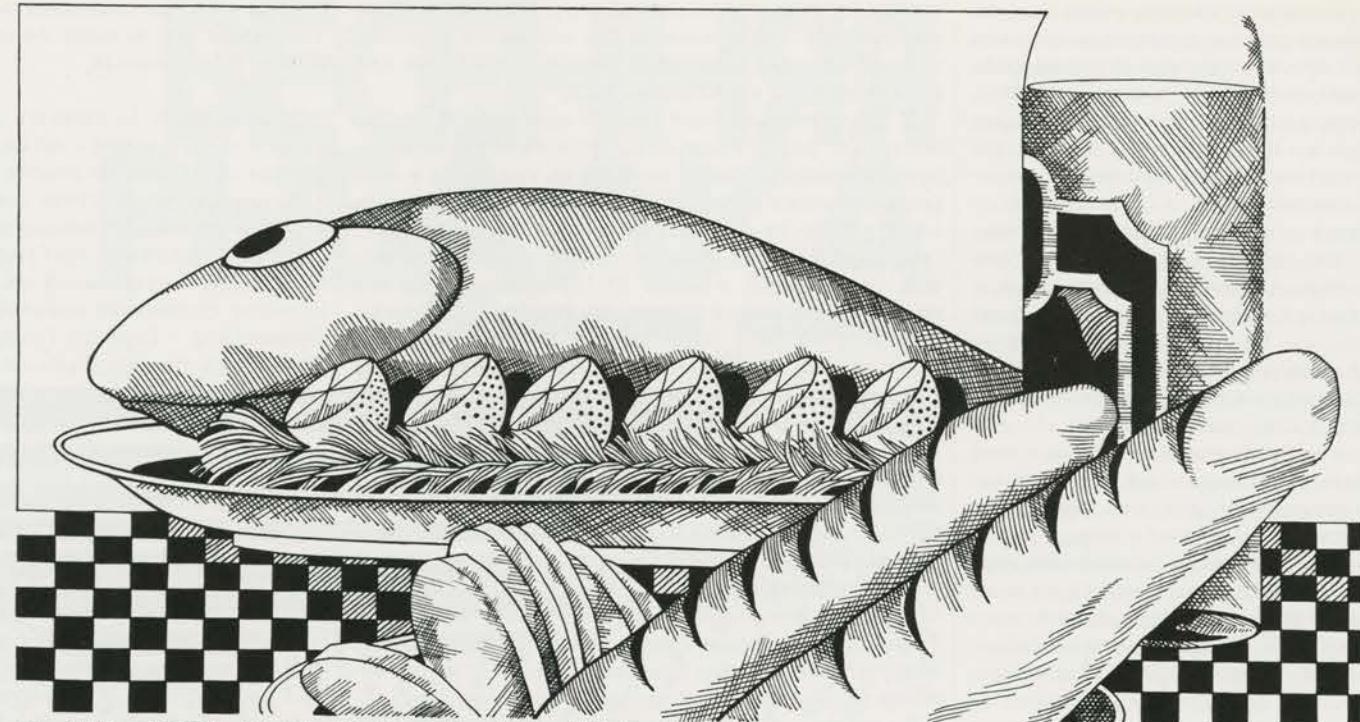
Коль я рыбак, рыбака мне,
позволю вам заметить,
На свете слаще всех улад,
Из лучших лучший спорт.
Всех увлекательней забав,
невинней всех утех.
Но нынче спорт уже не тот
по той простой причине,
Что рыбаков число растет,
а рыб — идет на убыль.

Если бы была (а ей следовало бы быть) организация под названием «Анонимные форелевые» (на манер организации «Анонимные алкоголики»), состоящая из людей, бросивших свою дурную привычку, их кredo, наверно, звучало бы так:

Ловля форелей на мушки угрожает здоровью и счастью. Вы можете упасть в воду и заболеть воспалением легких. Рыбалка уводит вас из дома, что может разбить вашу семейную жизнь и разрушить карьеру. Поэтому в следующий уикенд пойдите в кино, в музей, даже в бар, но не подходите близко к воде.

Это мудрый совет. Я надеюсь, что вы строго будете следовать ему. В самом деле, если большинство из вас примет его, то в следующую субботу, впервые за много лет, в заветном месте на ручье Бивер-Кайл рыбачить, возможно, буду только один я.

Крейг Клейборн, обозреватель кулинарного отдела газеты «Нью-Йорк таймс», и его друг Пьер Франси, бывший шеф-повар ныне закрывшегося изысканного нью-йоркского ресторана «Ле павильон», обединив свои таланты, ныне задумывают, готовят, оценивают и описывают способы приготовления своих кулинарных шедевров. Здесь они сосредоточили внимание на форели и предлагают рецепты ее приготовления, начиная с форели «теуниère», что в переводе с французского значит «по рецепту мельничихи». Вместе с этим рецептом для гурманов даются два других рецепта приготовления форели. — Редакция.

УГОШЕНИЕ ФОРЕЛЬЮ

КРЕЙГ КЛЕЙБОРН С ПЬЕРОМ ФРАНИ
С разрешения журнала «Нью-Йорк таймс магазин».

ФОРЕЛЬ «MEUNIÈRE»

2 фунтовых форели; желательно отделить мясо от костей, но не филетировать
Соль и свежемолотый перец
½ чашки молока
¼ чашки муки
¼ чашки растительного масла
Одна половинка лимона
6 тонких ломтиков лимона для гарнировки
2 столовые ложки сливочного масла
Мелконарезанная зелень петрушки для гарнировки.

1. Промыть форель и осушить, стряхнуть с нее воду. Посыпать внутри и снаружи солью и перцем.
2. Уложить форель на блюдо бок о бок и замочить в молоке.
3. Обвалять рыбь в муке (только снаружи).
Отряхнуть лишнюю муку.
4. Нагреть растительное масло в сковороде и положить в нее форель. Обжарить с одной стороны до золотистой корочки (около пяти минут) и перевернуть. Продолжать жарить, часто обливая маслом из сковороды, еще минут десять.
5. Готовую форель переложить на блюдо и выжать на нее сок половинки лимона. Гарнировать ломтиками лимона.
6. Быстро протереть сковороду и положить в нее сливочное масло. Кипятить, все время покачивая, пока масло не примет коричневого оттенка. Залить им рыбь. Посыпать зеленой петрушкой и подать на стол. По желанию можно подавать с отварным картофелем и обжаренными помидорами.

Порций: две — четыре.

СОТЕ ИЗ ФОРЕЛИ С КЕДРОВЫМИ ОРЕХАМИ

Следовать описанному выше рецепту форели «теуниère»; исключить лимонный сок и гарнировку из лимонных ломтиков. По окончании жарения форели сковороду протереть досуха, положить в нее две столовые ложки сливочного масла и две столовые ложки кедровых орехов. Обжаривать, двигая сковороду над огнем, пока орехи не станут коричневыми. Залить форель маслом с орехами и подать на стол.

Авт. права: изд-ва «Нью-Йорк таймс компани», 1976 г. Переведено с разрешения изд-ва.

ФОРЕЛЬ С НАЧИНКОЙ ИЗ КРАБОВ

2 фунтовых форели; желательно отделить мясо от костей, но не филетировать.
8 десертных ложек сливочного масла
¼ чашки мелко изрубленной зелени сельдерея
¼ чашки мелко изрубленного репчатого лука
¼ чашки мелко изрубленного зеленого перца
1 чашка свежего мяса крабов
½ чашки сухарной крошки
1 слегка взбитое яйцо
1 столовая ложка зелени петрушки
Соль и свежемолотый перец
½ чашки рыбного бульона или консервированного сока мидий
4 десертных ложки хереса
1½ чайных ложки паприки
¾ чашки густых сливок
1 яичный желток
1 чайная ложка французской горчицы
1. Предварительно нагреть духовку.
2. Промыть форель, стряхнуть с нее воду. Отложить в сторону.

3. Нагреть в сотейнике две десертные ложки масла, положить в него сельдерей, лук и зеленый перец. Жарить, пока лук не стушится. Положить крабы и сухари, яйцо, петрушку, соль и перец по вкусу. Хорошо перемешать.
4. Посыпать форель внутри и снаружи солью и перцем по вкусу. Начинить форель мясом крабов. Уложить в смазанный сливочным маслом противень. Положить на каждую форель три десертные ложки сливочного масла. Налить бульон и херес. Запекать 20 минут, не накрывая крышкой и часто поливая соусной жидкостью.

5. Вылить горячий соус в сотейник и вскипятить. Пальцами снять с рыбы кожу, не трогая головы и хвоста. Пальцами вынуть позвоночник. Уложить форель на горячее блюдо. Не давать остывать.

6. Прибавить к соусу паприку и сливки, довести до кипения. Взбить яичный желток, добавить к нему немного горячего соуса. Вылить смесь в сотейник и быстро размешать. Не кипятить. Добавить горчицу и остальной херес, размешать и полить соусом рыбь.

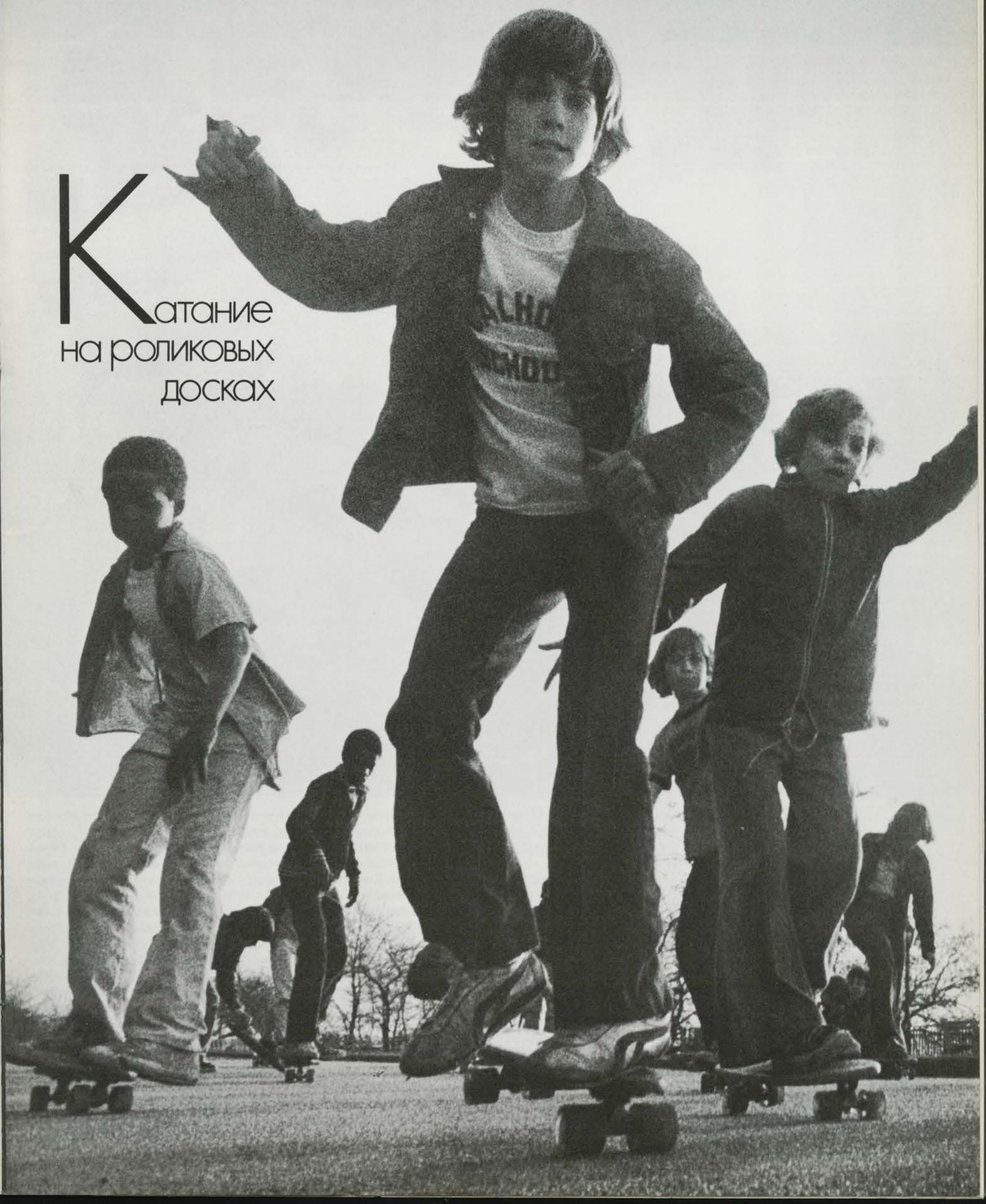
Порций: две — четыре.

ФОРЕЛЬ «MARGUÉRY»

1 форель, до фунта весом. Желательно отделить мясо от костей, но не филетировать.
2 столовые ложки сливочного масла
2 чайные ложки мелко изрубленного лука-шалот
Соль и свежемолотый перец
4 вареных очищенных креветки
2 тонко нарезанных шампиньона (примерно ¾ чашки)
¼ чашки сухого белого вина
¼ чашки рыбного бульона или свежего или консервированного сока мидий
½ чашки густых сливок
1 яичный желток
Сок из половинки лимона
2 столовые ложки взбитых сливок (по желанию)
1. Предварительно нагреть духовку до 200 градусов.
2. Промыть форель, отряхнуть с нее воду.
3. Смазать маслом противень, достаточно большой для рыбь. Положить столовую ложку сливочного масла. Насыпать на дно луку-шалот, положить рыбь, посолить и попечить по вкусу.
4. Распределить вокруг форели креветки и грибы. Налить вина и сока мидий, покрыть все парафинированной бумагой, слегка смазанной маслом. Печь 20 минут.
5. Вынуть рыбь и креветки; не давать остывать. Вылить с противня соус с грибами в сотейник. Дать закипеть и варить до тех пор, пока соус не загустеет. Не допускать пригорания.
6. Осторожно снять пальцами кожу с форели, не трогая головы и хвоста. Пальцами вынуть позвоночник. Положить форель на жаропрочное блюдо.
7. Вилкой осторожно вынуть дольки грибов из соуса и разложить их поверх рыбь. То же сделать с креветками.
8. Добавить в сотейник с соусом сливок, размешать и довести соус до кипения. Взять с четвертью чашки соуса, смешать с яичным желтком и лимонным соком и хорошо взбить вилкой. Вылить смесь обратно в соус и, помешивая, нагревать, пока соус не станет густым. Положить в соус одну столовую ложку сливочного масла, по вкусу добавить соли и перца. Вылить соус на рыбь; при желании, можно поставить блюдо в сильно нагретую духовку и держать до тех пор, пока соус слегка не запечется. Соус запечется лучше, если в него добавить взбитых сливок перед тем, как поставить в горячую духовку. Можно обойтись и без сливок.
Порций: две.

K

катание
на роликовых
досках

Kатание на роликовых досках, ставшее ныне новым американским увлечением, началось в Калифорнии и быстро охватило всю страну. Сейчас оно совершают путешествие уже по второму кругу.

В середине 1960-х годов, когда увлечение роликовыми досками только начиналось, вид у них был довольно простой: доска на колесиках от роликовых коньков. Роликовые доски служили отличным снарядом для тренировки сорфистов, что, возможно, сильно способствовало развитию сорфинга в Калифорнии. Но доски эти были ненадежными и таили в себе много сюрпризов, угрожавших каталышкам в первую очередь падением. Увлечение продолжалось год с лишним и внезапно прекратилось.

Однако к середине 1970-х годов оно возродилось вновь. Теперь элегантно отделанные платформы устанавливаются на янтарного цвета колесиках, выполненных из полиуретана. «Полиуретановые колесики катятся мягко и бесшумно, на поворотах они не отрываются от грунта», — говорит Стив Урман, продавец роликовых досок в Торрансе (Калифорния).

Сейчас производство роликовых досок превратилось в процветающие предприятия с годовым оборотом в 250 миллионов

долларов. Любители этого спорта могут поступить в профессиональную ассоциацию и подписать на специальный журнал «Скейтборд» («Роликовая доска»). По подсчетам Джемса О'Махони, издателя и редактора этого журнала, в одной лишь южной Калифорнии имеется около двух миллионов каталышников, включая и ребят из Карлсбада, показанных здесь на фото, и ежедневно производится от двух до пяти тысяч досок на полиуретановом ходу (размером от 60 до 75 см) из дерева, алюминия, стекловолокна и других пластиков. Цены на них, в зависимости от компонентов, — от шести до 125 долларов.

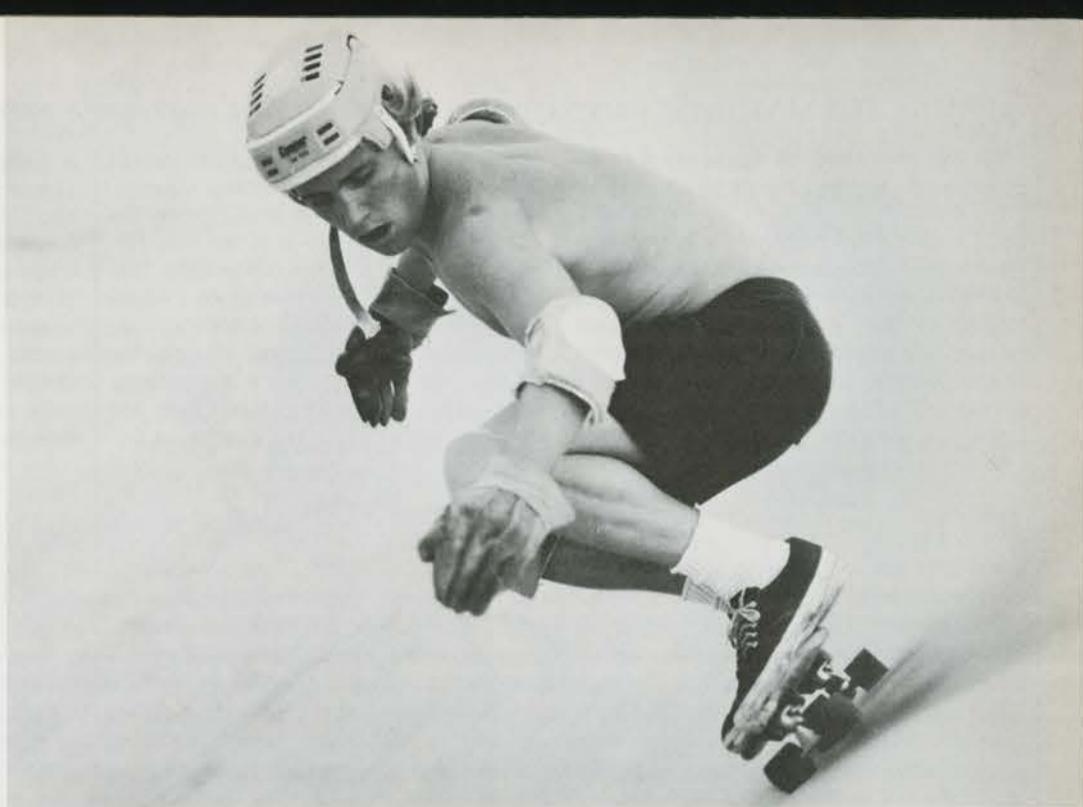
Катание на роликовых досках не ограничивается Калифорнией; этот спорт популярен и в других штатах. Всего в стране насчитывается от шести до десяти миллионов каталышников. (На предыдущей странице помещено фото ребят, катящихся в нью-йоркском парке Риверсайд.) В арсенале любителей тротуарного спорта имеется немало трюков: поворот на 360 градусов, поднимание одной стороны и езда только на двух роликах, стойка на доске и даже преодоление препятствий.

Жажда скорости и новых трюков привела каталышников в весьма необычные места: высохшие заасфальтированные каналы, извилистые спуски и т.п. В Сан-Франциско, например,

ребята катаются в заброшенном трубопроводе длиной в двести метров и высотой в пять метров; в Гардине, в той же Калифорнии, они гоняют по бетонированному полотну дороги. Но нет лучше места, чем пустой плавательный бассейн. Здесь опытный катальщик начинает с мелкой стороны и мчится вниз по наклонной плоскости, набирая скорость; затем взлетает на почти отвесную стенку глубокой стороны, делает под влиянием центробежной силы поворот, на какую-то долю секунды повисает в воздухе и затем мчится обратно. Все это красиво, грациозно, но, к сожалению, не безопасно: количество увечий и переломов среди катальщиков увеличивается.

Потому в некоторых городах, например, в Сан-Диего (Калифорния) и Далласе (Техас), катание на проезжих дорогах запрещено. В ряде городов для катальщиков строят специальные площадки, которыми можно пользоваться только в защитных шлемах. Одна такая площадка имеется в Карлсбаде (фото на этих страницах). Всего в Калифорнии запланировано построить по крайней мере десять площадок, где можно заниматься этим увлекательным спортом, не рискуя получить увечья. Специальные площадки для катания на роликовых досках есть также во Флориде, Нью-Мексико, Техасе и других штатах. ■

Есть много способов нарисовать человеческий портрет. Но не нужно через чур много воображения, чтобы понять, что в этих фотографиях и в этих стихотворных строках запечатлен портрет Роберта Фроста, или, по крайней мере, в них есть перспектива, показывающая, каким образом можно нарисовать этот портрет. Ибо самой сутью Роберта Фроста была его кровная связь с Новой Англией. И, как я надеюсь показать, это была совсем не та связь, которую мы могли бы понимать предположить. Это была та связь, которую сумел сковать и выразить фотоаппарат Деуитта Джонса и о которой рассказывают стихи Фроста, если вдумчиво их прочесть и правильно понять.

Фрост — явление совершенно особое. Уже прошло более двенадцати лет с его смерти, но до сих пор он остается загадкой для своих читателей и даже для биографа, которого сам еще при жизни выбрал, чтобы тот рассказал о нем потомкам. И не в том дело, что кто-то ставит под сомнение его значение. Значение Фроста общепризнанно, об этом никто не спорит. Он был не только поэтом своего времени, но и поэтом своего языка — одним из немногих поэтов, которых можно так назвать. Кроме того, он был выдающимся литератором

предположения (как это делают многие из нас), что вы знаете ответ заранее. Кто лирический герой этих стихов? Вы скажете: «Янки» (то есть житель Новой Англии). Как он говорит? «Так, как говорят янки». Разве даже в «Британской энциклопедии» Фрост не охарактеризован как «поэт Новой Англии»? Разве он не жил и не фермерствовал в Дерри, штат Нью-Хэмпшир? Разве не написал он «К северу от Бостона»? Конечно, все это так.

Но беда в том, что если вы исходите из заранее заданного взгляда на Фроста как на типичного поэта-янки, то вы думаете, что писать он будет именно так, как пишут поэты-янки (Фрост часто так и пишет — но далеко не всегда); следовательно, его стихи должны быть стихами о Новой Англии — не только о пейзажах Новой Англии, но и о том, что думают и чувствуют жители Новой Англии. А на самом деле стихи Фроста нередко совсем не таковы. И вот тут-то и начинаются вопросы школьников, недоумения студентов, смущение уважаемых учёных-литературоведов, которые, взявшись за ключ к поэзии Фроста творчество прежних поэтов Новой Англии, заходят в тупик и безуспешно пытаются объяснить, почему этот ключ ничего не открывает.

рошицей? Есть ли между стихами и пейзажем какие-то другие взаимоотношения? Передается ли в его строчках ощущение, восприятие, характер какого-то определенного уголка Америки? Или же это не так? Говорят с нами человек, который видит эти пейзажи, любит их, пользуется ими для своих целей — однако он говорит только за себя самого, говорит своим собственным голосом?

На мой взгляд, несомненно, что это голос только одного человека, единственного, неповторимого. По-моему, неверно было бы искать в творчестве Фроста умонастроения и чувства жителей Новой Англии. Не Новая Англия породила Фроста, а Фрост избрал Новую Англию. И отношение Фроста к Новой Англии было не отношением сына своего края, принимающего родную землю такой, какова она есть, но отношением пришельца, который полюбил эту чужую землю, избрал ее и поселился там, чтобы жить на ней и ею, слиться воедино с ее природой в буквальном смысле слова.

Фрост, который родился и вырос в Калифорнии, знал все это не хуже нас. В одном из своих самых знаменитых стихотворений он рассказывает как раз об этом выборе. В стихотворении «Тро-

Знать, даже до амбара нынче —
трудный путь;
И в сердце у меня — сомненье:
Да вправду ль наш удел — вставать
чём свет
И спину гнуть без чьей-нибудь
подмоги?

... когда он пережил на ферме свою первую трудную зиму и сел писать, его поэзия стала истинной поэзией янки; более того, в то время Фрост прославился как единственный поэт-янки своего поколения. И именно в этом — как раз в этом курьезном, почти парадоксальном обстоятельстве — мы находим подлинный ключ к выяснению вопроса о взаимоотношениях Фроста с Новой Англией.

Большинство молодых американцев, которые и до Фроста и после него избрали «менее торные тропы», считали средства добывания хлеба насущного всего лишь средствами, не более. Если они, например, оседали на земле, то фермерство было для них средством прокормиться, позволяющим в свободное время писать; и земля, на которой они трудились, оставалась для них землей — и только. С Робертом Фростом обстояло иначе. С самого начала, как видно из его ранних нью-хэмпширских стихотворений, земля Нью-Хэмпшира была для Фроста чем-то гораздо большим, чем способом добывания средств к существованию. Он ее не только обрабатывал, он ее воспевал в стихах. Новая Англия стала для Фроста всеобъемлющей метафорой, включающей все, что Фрост выучился и что он ощущал всем своим существом поэта.

В творчестве большинства поэтов — особенно молодых — темы и место действия меняются от одного стихотворения к другому, а от одного сборника к другому меняются целые миры. Читая ранние стихи Фроста, вы всегда находите в них Новую Англию или то, что становится Новой Англией в воображении поэта.

Возьмем для примера первые строчки первого стихотворения (после эпиграфа) сборника Фроста «Избранные стихи»:

О, если бы темные деревья эти —
Столь старые и сильные, что ветер
Им ни почем, — не мглились одиноко,
А протянулись вдаль, до края рока.
Меня никто не мог бы удержать
В огромность их когда-нибудь бежать.

Это — еще незрелое, неровное, несколько неуклюжее стихотворение явно не из его лучших. Но оно чрезвычайно характерно для его творчества, ибо по нему хорошо видно, каким образом Фрост изображает типичный пейзаж Новой Англии: вид на открытое пастбище, а за ним, вдали — полоса деревьев, замыкающая открытое пространство (такой пейзаж можно встретить повсюду в Массачусетсе, Нью-Хэмпшире, Вермонте). Сначала поэт мечтает, чтобы «одиноко мглиющиеся» деревья простились «до края рока», и тогда человек мог бы, если хочет, затеряться в их темной, бесконечной «огромности». И Фрост этого действительно хочет — или утверждает, что хочет: «Меня никто не мог бы удержать», — заявляет он. Иными словами, стремление уйти во тьму заложено в нем самом. Стихотворение называется «В себя». Однако возникающий в стихотворении образ, воплощающий желание поэта уйти «в себя», очень характерен именно для Новой Англии. На одном краю пастбища — человек, на другом — деревья на фоне неба, между ними — создается стихотворение.

То же самое касается и других глубоко личных эмоций — например, той боязни, о которой (Окончание на стр. 54)

РОБЕРТ ФРОСТ И НОВАЯ АНГЛИЯ

— одним из самых уважаемых американских литераторов своего поколения. Он читал лекции, и его видело и слышало множество людей во всех концах Америки — от Атлантического океана до Тихого. Он был общественным деятелем, символом и олицетворением Америки: именно таким он представил на инаугурации Президента Джона Ф. Кеннеди. Самые солидные библиотеки бережно хранят его рукописи, автографы и другие документы, связанные с памятью о нем. Его читали и читают во всех концах земного шара. Тысячи людей знают наизусть его проникнутые лиризмом стихи.

Однако, что представлял собой тот человек, который создал эти стихи, остается загадкой не только для научных и исследователей, избравших свою профессию разгадывание тайн прошлого, но и для школьников, которым с ранних лет дают читать стихи Фроста на уроках, для юношей и девушек, которые читают эти стихи для удовольствия, и даже для стариков, которые всю жизнь читали его.

— Что это значит? — спрашивает ребенок.

— Ну, кто так говорит? — спрашивает молодая женщина.

— Не знаю, — отвечает старик, — не совсем понятно.

Не всегда легко ответить на такие вопросы, особенно если вы исходите из

Авт. права (текст и фото): Национального географического общества, 1976 г.

Все цитаты в тексте и подписи под иллюстрациями взяты из книги «Пoэзия Роберта Фроста» под редакцией Эдуарда Кониери Латама. Авт. права: из-за «Голт, Райнгардт энд Уинстон», 1916, 1923, 1928, 1930, 1934, 1939, 1949, 1967, 1969 гг. Авт. права: Роберта Фроста, 1934, 1936, 1942, 1944, 1951, 1956, 1958, 1962 гг. Авт. права: Лесли Фрост-Балланти, 1964, 1967, 1970 гг. Перепечатано с разрешения издава «Голт, Райнгардт энд Уинстон» (Нью-Йорк).

Взять, например, хотя бы прославленную фростовскую иронию, которая пронизывает все его творчество. Его стихи — даже его ранние, которые мы даем читать детям, — все они дышат иронией. Разумеется, янки очень любят иронию. Но похожа ли ирония Фроста на иронию янки? Тут следует призадуматься. Ирония янки сродни иронии древних греков, которые старались «замаскировать» мысль, говоря несколько больше или несколько меньше (обычно меньше), чем требовалось, и в самой сути слов скрывали комическое, которое предостерегало читателя. Ирония же Фроста несколько иная. За ней скрывается что-то тревожное, а иногда — трагическое. Она может быть безжалостна и зла (перечтите стихотворение «Приготовьтесь, приготовьтесь»). Различие заключается не в том, что у Фроста меньше юмора: фростовского юмора хватит на добрых семь поэтов. Различие в характере самой иронии, в том, каким образом она высмеивает, в том, какую интонацию она придает голосу поэта, и в том, какое впечатление о поэте у вас возникает.

И это означает, что дети правы. Действительно, если читать некоторые стихи Фроста, исходя из предположения, что они типичны для поэзии янки, то бросается в глаза некоторое противоречие. Однако, отсюда не следует делать вывод, что трудность содержится в самих стихах. Нужно просто пересмотреть предположение. И, по-моему, легче всего пересмотреть его, если внимательно взглянуться вот в эти фотографии видов Новой Англии, одновременно повторяя стихотворения Фроста или отрывки из его стихов. Были его слова и строки вдохновлены вот этим полем, вот этим пастбищем, вот этой далкой

па, которую я не выбрал» «менее торная тропа» отнюдь не символизирует поэтическое искусство, как любят утверждать преподаватели. Нет дороги более торной и накатанной, чем поэзия. «Менее торная тропа» — это путь к поэтическому искусству, тот самый путь, который Фрост выбрал в двадцатишестилетнем возрасте, когда он переселился в Новую Англию — настоящую Новую Англию, сельскую Новую Англию — и стал зарабатывать на жизнь — свою и своей семьи — на маленькой ферме в Нью-Хэмпшире, в то же время осваивая поэтическое искусство.

И вот, готовясь уйти на покой,
Я вспомнил могу — и при этом вздохнуть.

Когда я достиг развилики лесной,
Я двинулся менее торной тропой —
И этим я предрек свой путь.

Конечно, Фрост был не первым и не последним, которые делали и будут делать этот выбор, идя на отчаянный риск. Всезде молодые художники, молодые писатели рисуют, пускаясь по неизвестной дороге. Закрывая глаза на грозящие им опасности и трудности, они увлекают за собой своих жен и даже детей. Но Фрост был мужественнее, чем большинство этих людей, — не только потому, что в фермерском деле риск куда больше, особенно в Новой Англии, но и потому, что он был менее подготовлен к тому, чтобы идти на риск. Он почти совсем не разбирался в сельском хозяйстве. И почти не знал Новой Англии.

И все же, когда он переехал на ферму и пережил там свою первую трудную зиму...

Огонь тускнеет, в дом вползает стужа,
Сугробы громоздятся у дверей,
Тропинки заметает снегом:

И

разве это не значило
Продать свою свободу –
Сдаться и плыть по течению,
Разумным резонам в угоду,
И в поклоне смириться с гибелью
Любви и времени года?

НЕЖЕЛАНИЕ

П

рекрасен бор,
суров и строг,
Но я сказал,
что буду в срок –
А мой ночлег
еще далек,
А мой ночлег
еще далек.

ОСТАНОВИВШИСЬ ВЕЧЕРОМ
В ЗАСНЕЖЕННОМ ЛЕСУ

3

емлею этой мы владели раньше,
Чем сами стали ей принадлежать, —
Владели больше сотни лет, пока
Не стали мы ее народом.

ДАР НАВСЕГДА

дин твердит, что с миром плая
Покончит, а другой — что лед.
Меня спросить, так, между
нами,

Я полностью стою за памя.

Но если этот мир невзгод

нами.

*Я полностью стою за пламя.
Но если этот мир невзгод
Будет дождем дождади.*

*Быть должен важны
уничтожен,
То я считаю, что и лед
Возможен
И вполне сойдет*

ПЛАМЯ И ЛЕД

(*Окончание со стр. 48*) говорится в процитированном выше стихотворении о зиме: оно называется «Страх перед пургой». Стихотворение это начинается легкой насмешкой поэта над самим собою — над человеком, выросшим в городе и оказавшимся в деревенской тиши, когда вдруг подул ветер с востока и начался первый снегопад:

Когда нам ветер хочет насолить
И трудится в ночи,
Окошки залепляя снегом,
И тихо шепчет приглушенным лаем,
Негодяй:

«Выди! Выди!» —

Не трудно удержаться, чтоб не выйти.
Но хотя тон стихотворения легкий,
эта боязнь вовсе не так уж смешна. В
«приглушенном лае» ветра таится из-
вечный страх человека перед природой;
и хотя «негодяй» — это не что иное, как
карнавальный монстр, — в стихотворе-
нии есть действительно что-то жуткое,
что-то такое, в чем человек едва ли ре-
шился бы признаться в другом месте, а
не в Новой Англии, где давно стали
традиционными страшные легенды, свя-
занные с зимой и морозом. Когда мы
читаем это раннее стихотворение Фро-
ста, нам приходит на ум другое — более
позднее и более значительное — стихо-
творение. Оно тоже начинается изоб-
ражением снегопада в Новой Англии:

Снег падает, ночь падает так быстро... а в финале, как и в стихотворении «Страх перед пургой», тоже возникает страх — об этом страхе говорится легко и с иронией, и все же в нем таится что-то леденящее душу:

Я не боюсь космических пустот:
Ведь род людской на звездах

Есть у меня в душе свои пустоты —
Их не живет.

И вот они меня вгоняют в пот.
Стихи Фроста, безусловно нельзя называть «сельскими» стихами в обычном смысле этого слова — и это, безусловно, не пасторальные стихи. На первый взгляд в этих стихах говорится о самых что ни на есть обыденных подробностях сельской жизни — о снеге, о косьбе, о полевых цветах, — но на поверку оказывается, что в стихах говорится совсем о другом: о человеке, об опыте человеческого существования, о жизни на нашей небольшой, опаленной солнцем и обдуваемой ветрами планете, которая в конце концов тоже, как и жизнь человеческая, придет к своему концу.

И то же самое можно сказать, когда встает вопрос о том, принадлежат ли стихи Фроста к поэзии Новой Англии. Да, в них действительно говорится о Новой Англии, и только о Новой Англии — но отнюдь не в описательном или географическом смысле. Поэзия Фроста — это поэзия Новой Англии, ибо для своих далеко идущих целей Фрост пользуется описаниями Новой Англии; но делает он это потому, что вид, и ощущение, и запах деталей быта и природы Новой Англии так хорошо знакомы читателям и ими можно с такой глубиной воспользоваться, и еще потому, что эти пейзажи так много говорят человеческому сердцу и уму, и еще потому, что в них, как ни в чем другом, выражено то, о чем мечтает и

просит человек. Но когда мы читаем стихи Фроста, мы думаем не о Новой Англии, а о себе — о наших человеческих условиях существования — о нашем сознании и самопознании.

Так как же ответить на наш вопрос? Что представляет собою этот иронический голос — иногда иронически жестокий голос, — который мы слышим, когда читаем стихи Фроста? Что этот голос говорит нам, и нашим детям, и той девушке в расцвете лет, и тому старику на склоне лет, и нашей внутренней сущности?

Нашей сущности? Так вот, Фрост оставил нам кое-что вроде ответа — небольшое стихотворение, которое он поставил эпиграфом к своему сборнику «Избранные стихи». Оно называется «Пастбище» (это слово сразу же вызывает у меня ассоциации с Новой Англией), и написано оно чуть дразняще и нежно — как мужчина обращается к ребенку или к любимой женщине:

Схожу на пастбище – прочистить

Я разгребу там листья — да, пожалуй,
Дождусь, вода чтоб чисто побежала.
Я враз вернусь — пойдешь со мной?
Это, конечно, обещание писателя читателю: «Пойдешь со мной, и я тебе покажу...» Что? Только ли воду из прочищенного ключа, из которого граблями выгребли набившиеся туда опавшие листья? Да, и ее, и другие чудеса тоже. Показать, как в ключе очищается вода, действительно показать это (или показать опавший лист, или чью-то жизнь) — показать так, чтобы понял разум и приняло сердце, — это самая трудная задача на земле, задача искусства.

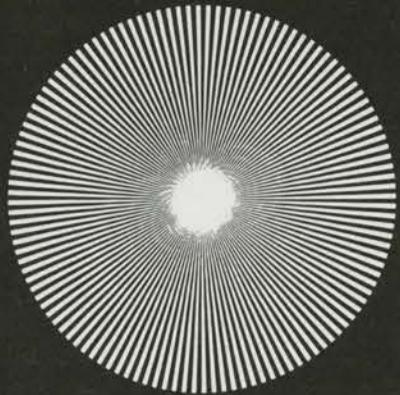
А что говорит Фрост тем детям, которые понимают, но не совсем, которые не улавливают иронии и отвергают ее, или же старику, погруженному в свои размышления? Им Фрост говорит то, что говорит все искусство: «Смотри!» (Не взгляни, а смотри). Что угодно может заставить нас взглянуть: случайное чье-то движение в комнате, колыхание тополевых веток от ветра, бумажный мешок на солнце. Но только искусство может заставить нас смотреть. Генри Дэвид Торо определил это различие так просто, что проще, кажется, и сказать невозможно: «Глаз сам по себе ничего не может увидеть, как не может ничего увидеть никакая другая коллоидальная структура... Мы ничего не можем увидеть, пока в нашем мозгу не складывается *понятие* о том, что мы увидим, — а тогда мы едва ли можем увидеть что-либо другое».

Это верно, когда речь идет о взбалмошенней воде в ключе, о котором пишет Фрост. И это верно, когда речь идет о стихах Фроста, во всей их совокупности. В них выполняется обещание, данное в предпосланном книге эпиграфе: они показывают. Благодаря им, мы видим. И видим мы не только пейзажи Новой Англии — мы видим то, что скрыто в наших сердцах. Что же касается иронии, то ирония — это тоже способ сказать что-то, что позволяет нам видеть: это отражение и преломление света, которые помогают нам видеть так хорошо знакомые предметы.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Robert A. Poteete, Editor-in-Chief, «America Illustrated», Washington, D.C. 20547, U.S.A. или Американское посольство, Москва, ул. Чайковского, д. 19-21.

Приводим список лиц и учреждений, любезно предоставивших иллюстрации нашему журналу: Front Cover, Christopher Springmann; Inside Front Cover, Christopher Springmann; Martha Swope; Byron Schumaker; Mike Mitchell; Illustrations by Barbara Alu; courtesy Lawrence I. Barret; George P. Miller; Nancy Crampton, courtesy Houghton Mifflin Co.; 1, bottom — courtesy The Commonwealth of Puerto Rico; 2-3, Christopher Springmann; 4-5, top left — courtesy The Commonwealth of Puerto Rico; Christopher Springmann [4]; 6-7, top left — Tibor Hirsch, Photo Researchers; Christopher Springmann [4]; 8, Christopher Springmann; 11, courtesy The Commonwealth of Puerto Rico Economic Development Administration; 23, Evelyn Hofer; 24, Joseph Silverman, The Washington Star; 26-27, left — Byron Schumaker; center, top left — John Aikins; right center — Byron Schumaker; bottom center — John Aikins; 27, Byron Schumaker; 28, Ron Mesaros, Money © Time Inc.; 29, Ca Rentmeester, Money © Time Inc.; 30, Ron Mesaros, Money © Time Inc.; 31-32, Umbrellas courtesy Quality Umbrella Shop, Woodward & Lothrop; Garfinkel's; Camarier & Buckley; Saks Fifth Avenue; Eastern Airlines; 38-41, courtesy National Collection of Fine Arts, Washington, D.C. [12]; 45, Barton Silverman, NYT Pictures; 46-47, Al Satterwhite; 55, top right — courtesy William Kessler & Associates, Inc. [2]; center — Richard Springgate; courtesy Arley Rinehart Associates; left — Harry Noltchanay [2]; bottom and bottom right — courtesy William Morgan Architects, P.A.; 56, left — East River Press; Gift of the Friends of the Whitney Museum of American Art; © King Features Syndicate; Mrs. Elsa Krakenbuhl-Gross, Zurich; center — The Metropolitan Museum of Art, George A. Hearn Fund, 1931; courtesy Sidney Janis Gallery, New York; right — Milton Feinberg; courtesy Opera Company of Boston [2]; Inside Back Cover, Jill Krementz [5]; except top right — Olga Maryschuk [2]; Back Cover, Olga Maryschuk.

КАЛЕЙДОСКОП

Премьера «Синей птицы»

В washingtonском Центре исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди состоялась премьера первого советско-американского фильма «Синяя птица» по известной пьесе Метерлинка. «Замечательная постановка «Синей птицы» надолго сохранится в нашей памяти», — писал критик в одном из обозрений. Съемки фильма проводились в Ленинграде с участием американских, английских и советских артистов и технических работников. В главных ролях выступали Элизабет Тейлор, Сисели Тайсон, Олег Попов и другие артисты.

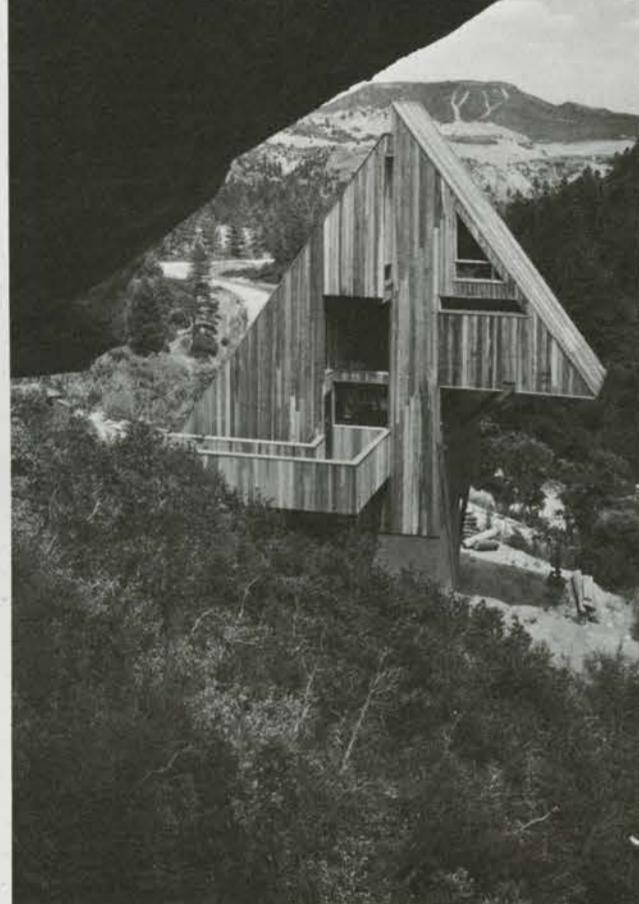

Олег Попов и Сисели Тайсон.

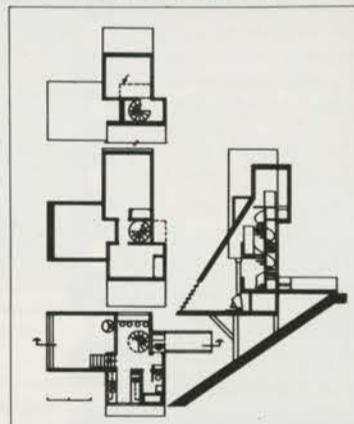

Элизабет Тейлор.

Новые течения в жилищном строительстве

Дом на склоне горы в Колорадо (вверху) поконится на четырех опорах. Выполнен он из севкойи, благодаря чему замечательно вписывается в ландшафт. На плане справа видна винтовая лестница, соединяющая гостиную с комнатами на верхнем этаже.

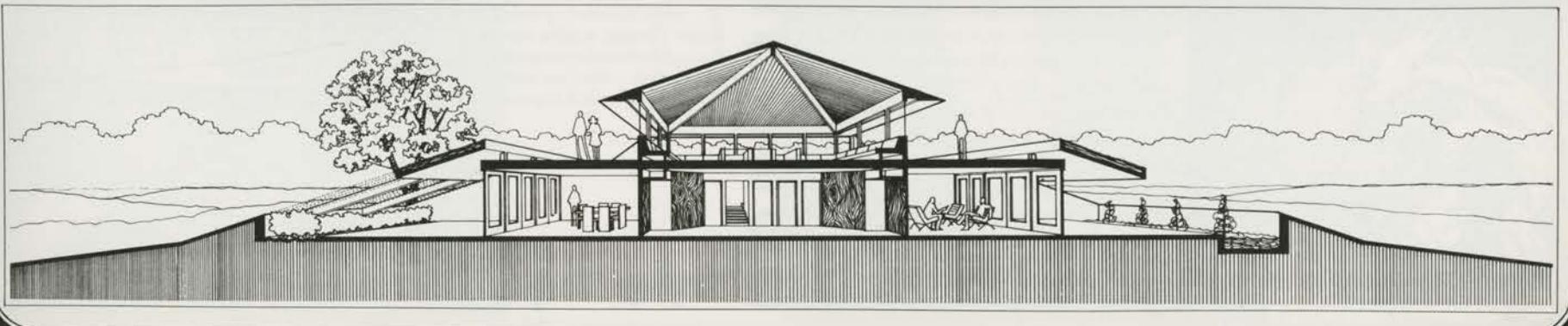

Этот дом стоит на холме, возвышающемся над цитрусовыми садами во Флориде. По своей форме он напоминает жилища индейцев, некогда здесь обитавших. Стены из армированного бетона (см. внизу) покрыты дерном, что создает в доме прохладу. Крыша центральной части выполнена из черепицы.

Вековые кедры в Мичигане навели архитектора на мысль придать треугольные очертания этому жилому комплексу на берегу озера Гурон. Хотя жилые блоки соединены коридором, они являются совершенно отдельными жилищами, как видно на плане слева.

Количество американцев, строящих себе дома по специально для них составленным планам, неуклонно растет — считает журнал «Архитектурал рекорд», который ежегодно присуждает премии основоположникам новых течений в жилищном строительстве. Число предпочитающих строить себе дома по индивидуальному заказу все еще сравнительно небольшое. Таким заказчикам хочется жить в доме, во всем отвечающем их вкусам и запросам, что возможно только при близком сотрудничестве архитектора с клиентом.

КАЛЕЙДОСКОП

Художники США: мнение критика

Внизу: известный фотоснимок Уокера Эванса «Любовь перед завтраком» (1936) преображает беззлуский рекламный щит в художественный портрет.

Нижнее фото: по тематике к нему близка картина Стюарта Дэвиса «Парижский ритм» (1959), где с помощью уличных знаков художник показывает, что будни могут стать искусством.

Комиксы, без которых не обходится ни одна американская газета, вдохновили современных художников высмеять приторно-сладкие образы их героев. В картине «Поцелуй П» (внизу) Рой Лихтенштейн саркастически издевается над паточной сентиментальностью героев комиксов «Сердце Джулитты Джонс» (вверху).

Простота повседневной жизни удачно изображена и в картине Эдуарда Хоппера «Столик для дам» (1930), показанной на верхнем фото, и в скульптуре Джорджа Сигала (1964) — гипсовое изваяние официантки, наливающей кофе (вверху). Оба эти произведения красноречиво свидетельствуют об интересе американцев к самым обычным вещам.

Американские живописцы до конца прошлого века почти все без исключения придерживались европейских традиций. И лишь в начале XX века они восстали против этой тенденции и в своих произведениях стали изображать мир таким, каким видели. «В результате этого у нас появилось новое представление о художниках», — пишет Барbara Роз, художественный критик журнала «Вог». — Мы уже не видели в них изысканных денди или неопрятных представителей богемы. Прежде всего в них мы стали видеть тружеников. С приходом абстрактного экспрессионизма художники отложили в сторону тонкие кисточки и вооружились грубыми щетками маляров.

Начало положили в 1913 году американские неореалисты «Школы мусорных ящиков», им последовали в 1930-х и 1940-х годах художники жанровой живописи, затем в 1960-х годах представители поп-арта и наконец в наши дни сторонники фотorealизма. Все они как бы стремились стереть грань между искусством и повседневной жизнью, отражая, как замечает Барbara Роз, «постоянное увлечение американцев простыми, обычными формами, лишенными какого-либо претенциозного ве-

личия». И минималисты с их скромным использованием изобразительных средств, и сторонники геометрических форм 1960-х годов корнями уходят в раннее американское искусство, их произведения родственны изделиям старых мебельщиков-умельцев и резчиков по дереву, стремившихся к простоте, обыденности и практичности. Художники поп-арта внесли элемент юмора в современную живопись, они создали утонченные пародии на произведения других мастеров, остроумно, не без сарказма создавая свой стиль и нередко пряча высокое искусство под обликом пошлости.

«Прагматизм — это единственное философское учение, созданное исключительно на американской почве», — пишет в заключение Барbara Роз. — Это философия рядового американца, на которого в целом и рассчитано американское искусство».

МОНТЕЗУМА

В прошлом году любители оперы в США наконец получили возможность насладиться произведением американского композитора Роджера Сешнса «Монтезума», которое он написал в 1962 году, но которое никогда еще не было поставлено в США. Несколько лет потребовалось Саре Калдуэлл и Бостонскому оперному театру на то, чтобы собрать достаточно денег на постановку этой оперы о покорении Кортесом вождя ацтеков Монтезумы. Спектакль отличался роскошными декорациями (вверху) и костюмами, выполненными по эскизам Дельфины Варас. Заглавную роль исполнял Ричард Льюис (тенор), а роль порабощенной принцессы Малинчи — Филлис Брин-Джулсон (сопрано).

Delfina Vargas

ОЛЬГА МАРЫСЧУК

недавно ездила на Украину, где посетила родственников и сделала целый ряд зарисовок, которые потом экспонировались во многих городах США. Родители этой американской художницы приехали в Соединенные Штаты с Украины в 1920-х годах. В 1962 году Ольга Марысчук окончила нью-йоркскую художественную школу «Купер Юнион». Позже она получила дотацию для дальнейшего творческого совершенства, что позволило ей провести полтора года в Советском Союзе. Во время этой поездки она вновь осознала свое культурное наследие. «Передо мной открылись новые горизонты», — говорит художница. — И домой я вернулась внутренне обогащенной». Здесь и на последней странице обложки мы помещаем несколько ее зарисовок.

«Тени наших забытых предков»,
коллаж, 41 x 48 см.

Анаїс Нін.

Джилл Кременец 18 лет тому назад уехала из родного Нью-Джерси в Нью-Йорк, где и стала фотографом. С годами она приобрела известность и сейчас славится художественными фотопортретами писателей. Перед съемкой Джилл читает произведения данного автора, а затем обдумывает, какие позы лучше всего передают содержание этих книг. Помещенные здесь фото были включены в передвижную выставку фотопортретов Джилл Кременец.

КРЕМЕНЕЦ

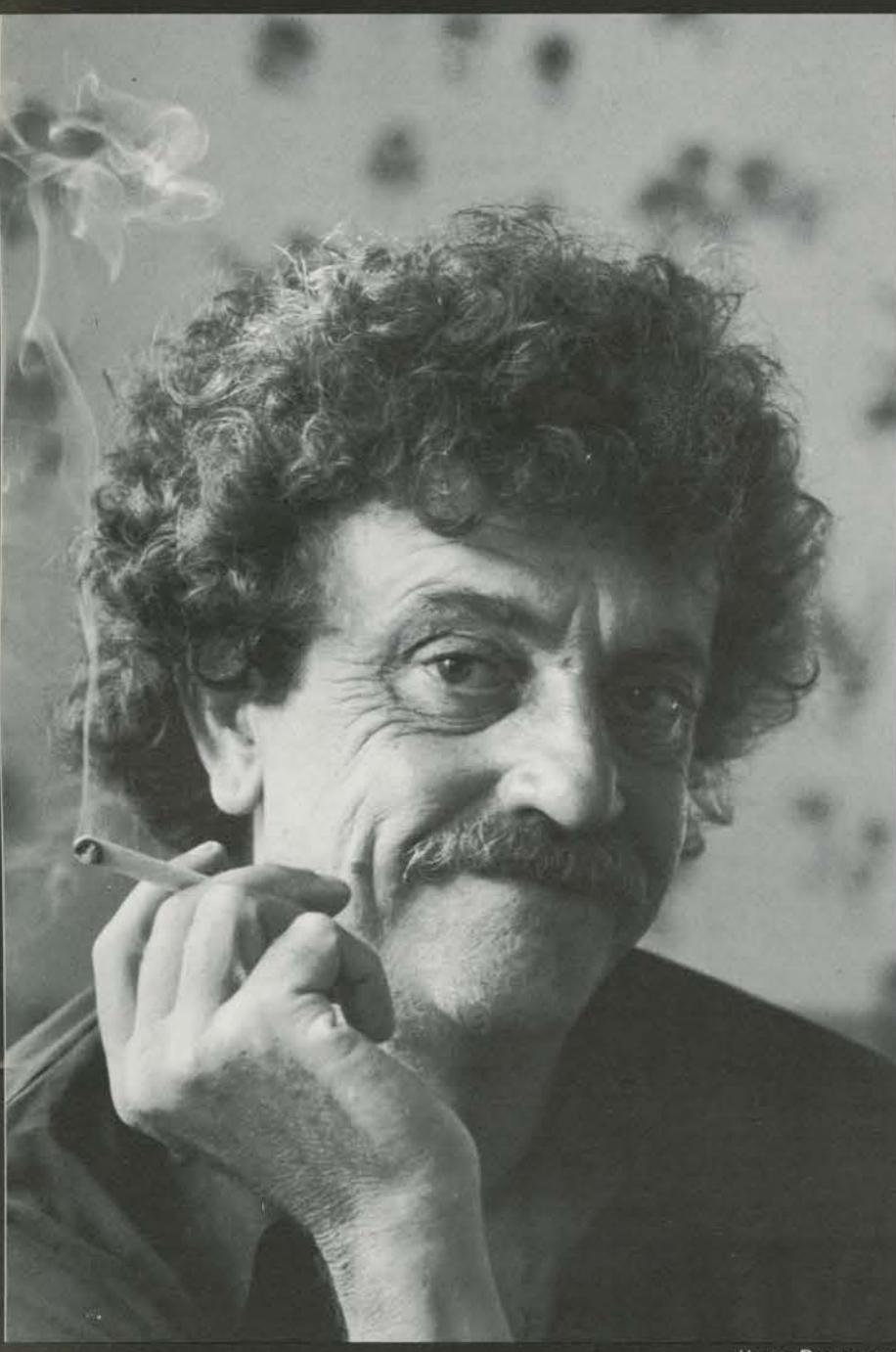
Юдора Уэлти.

Владимир Набоков с женой.

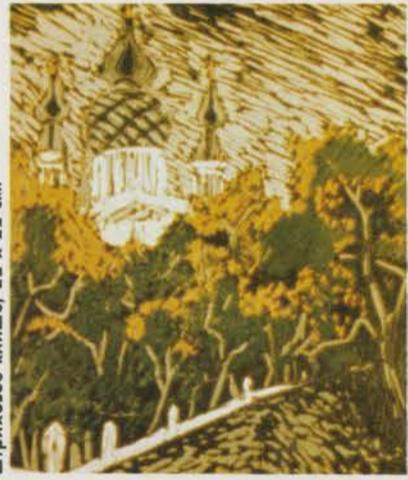
Ross Macdonald.

Курт Воннегут.

УКРАИНСКИЕ МОТИВЫ

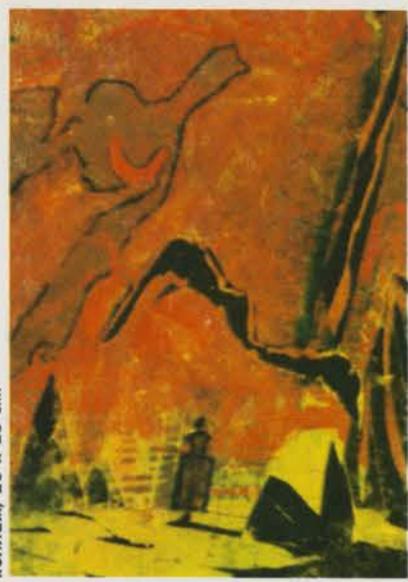
«Андреевский собор в Киеве»,
штриховое клише, 22 x 22 см.

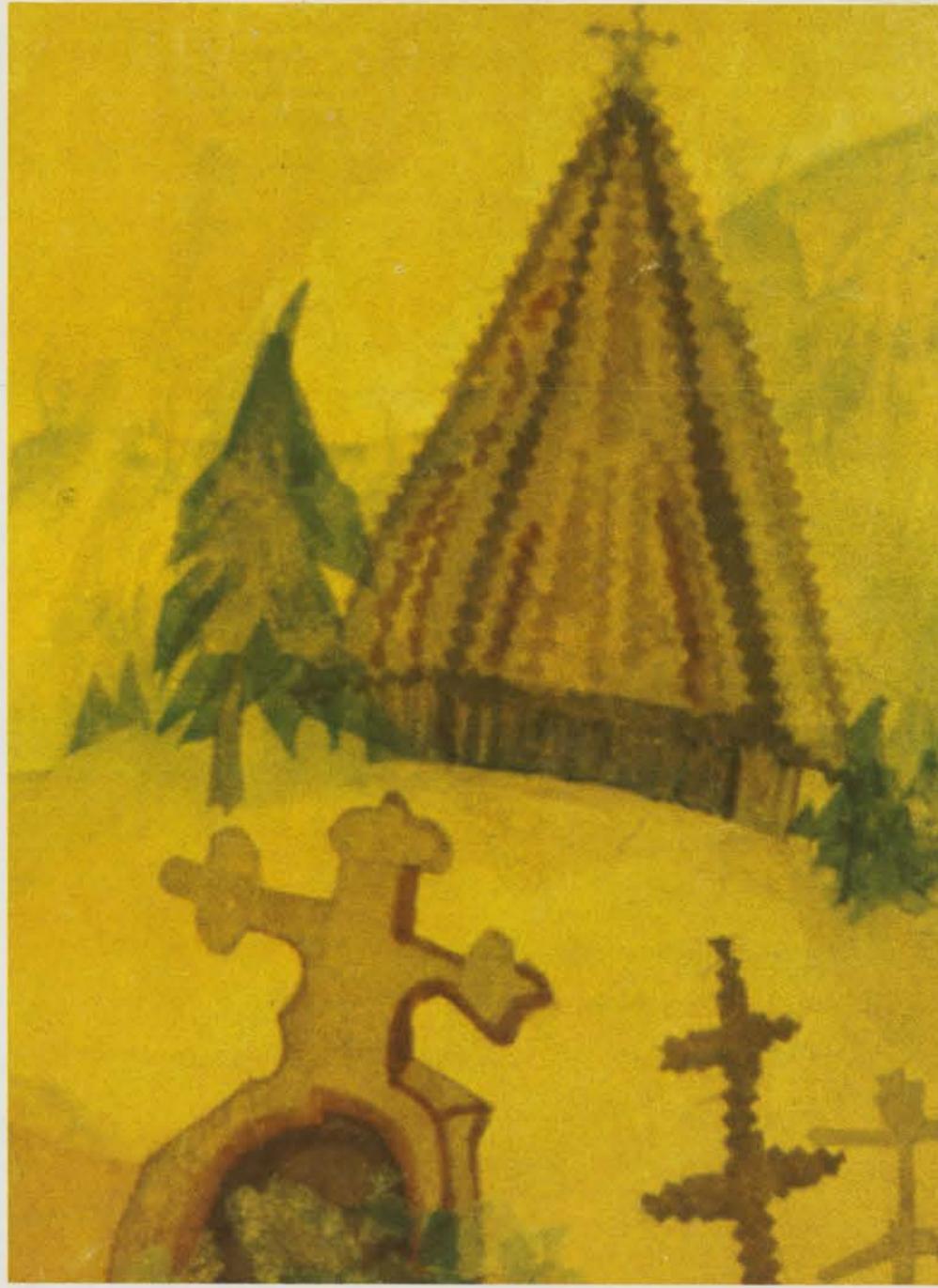
«Украинские писанки»,
штриховое клише, 20 x 20 см.

«Карпатская легенда»,
коллаж, 20 x 25 см.

«Могила моей бабушки», коллаж, 23 x 30 см.

«Жених и невеста», различные изобразительные средства, 37 x 38 см.

Многие зарисовки американской художницы Ольги Марычук (см. предыдущую стр.), в том числе и помещенные здесь, экспонировались в музеях и картинных галереях Соединенных Штатов.

«Свадебное дерево», коллаж, 20 x 25 см.

